

ИСТОРИЧЕСКИЙ

ЖУРНАЛ

7

1943

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ АКАДЕМИИ НАУК
СССР

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

*Ответственный редактор
Ем. Ярославский*

К Н И Г А

7

119

БИБЛИОТЕКА Академии Наук СССР

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

1943

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
ДВА ГОДА ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ СОВЕТСКОГО СОЮЗА (ко второй годовщине Отечественной войны)	3

СТАТЬИ

Морозов А. — Книга, ведущая к победе	10
Петровский Н., проф. — Украинские националисты на службе у немецких захватчиков в 1918 году	20
Лихачёв Д. — Культура Киевской Руси при Ярославе Мудром	28
Круус Х., проф. — Народное восстание против немцев в Эстонии в 1343—1345 гг.	36
Адамов Е., проф. — К истории германского «Drang nach Norden» (1848—1866)	43

СООБЩЕНИЯ

Яковлев А., чл.-корр. АН СССР — Холопство и холопы в Московском государстве XVII в. (автореферат)	51
Софроненко К. — Буковина под австро-венгерским и румынским игом	62
ДОКУМЕНТЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ	67

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Критические статьи и обзоры

Дружинин Н., проф., и Паикратова А., чл.-корр. АН СССР. — Тарле Е., акад. — «Крымская война». I. Виппер Р., проф. — Костылев В. «Иван Грозный». Берков Е. — «Двадцать пять лет исторической науки в СССР». Юшков С., чл.-корр. АН УССР — Воблий К., Гуслистый К., Дядиченко В., Лось Ф., Петровський М., Славін Л., Супруненко М., Шерстюк Ф. — «Нарис історії України». Авдиев В., проф. — Альбом древностей мордовского народа. Документы и материалы по истории Мордовской АССР. Материалы для библиографии по истории мордовского народа. Красинский Г. — Осипов К. Штурман Челюскин. Гуковский М., проф. — Вавилов С., акад. — Исаак Ньютон. Голант В. — «Красноармеец» №№ 17—24 за 1942 г. и 1—4 за 1943 г.	79—95
---	-------

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ	96
-------------------------------------	----

ХРОНИКА

Историческая наука в СССР	99
Горянов Б. — Лауреат Сталинской премии, акад. Б. Д. Греков — Бочкарёва Е. — Ленинградское отделение Института истории АН СССР в дни Великой отечественной войны. Окладников А. — Археологические исследования на Нижней Лене в 1942 г. А. Б. — История Киргизии в дни Отечественной войны. Штейнберг Е., проф. — Историческая наука в Туркменской ССР в дни Великой отечественной войны. Попов М., доц. — Работа исторического факультета Казахского педагогического и учительского института им. Абая в Алма-Ата. Киссельгоф И. — 60 лет со дня смерти Маркса (на заседании исторического факультета Вологодского педагогического института). Полянский Ф. — Уральский педагогический институт. Работа кафедры истории.	
Историческая наука за рубежом	109

ДВА ГОДА ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ СОВЕТСКОГО СОЮЗА

(Ко второй годовщине Отечественной войны)

Прошло два года с того дня, как гитлеровская Германия пошло и вероломно напала на нашу Родину. В течение двух лет народы Советского Союза ведут напряжённую борьбу против немецко-фашистских захватчиков. Советский народ и его Красная Армия выдержали суровое испытание в борьбе с сильным и коварным врагом. Величайшую выдержку и стойкость, мужество и самоотверженность проявили народы нашей страны, отстаивая честь, свободу и независимость своей Родины.

Летом 1941 года фашистская Германия бросила против нашей страны всю свою к тому времени уже полностью отмобилизованную армию, вооружённую тысячами танков и самолётов. Советский Союз в первый период войны не мог полностью использовать для отпора врагу все свои могущественные силы, ибо требовалось время для того, чтобы мобилизовать их и двинуть против немецко-фашистских захватчиков. К тому же наши союзники ещё только приступали к массовому производству вооружения и не могли оказать значительную и быструю помощь Советскому Союзу. В первую летнюю кампанию Красная Армия потерпела серьёзные неудачи. Однако она выдержала натиск врага, в упорных оборонительных боях измотала и уничтожила крупные вражеские силы. К концу первой летней кампании наступательная мощь немцев была значительно подорвана.

Уже в первые месяцы войны стало ясно сколь несостоятельны были расчёты немцев на молниеносный разгром советских армий, на непрочность советского строя и слабость Красной Армии. Провалились также расчёты гитлеровцев на истощение сил Советского Союза и Красной Армии. Время работало против Германии. Силы Советского Союза развёртывались и крепили в ходе войны. К зиме 1941—42 г.г. Красная Армия, отмобилизовав свои основные силы и приобретя необходимый опыт ведения современной войны, взяла инициативу в свои руки и нанесла врагу жестокие поражения. Красная Армия разгромила немецкие войска под Ростовом на Дону, Тихвином, в Крыму и под Москвой, сорвала вражеский план окружения и взятия нашей столицы. Разгром Красной Армией немецко-фашистских войск на подступах к Москве явился решающим военным событием первого года войны и вместе с тем первым крупным поражением немцев во второй мировой войне. Это поражение

немцев навсегда развеяло созданную гитлеровцами легенду о непобедимости немецкой армии и показало, что Красная Армия является могущественной военной силой, способной не только устоять против напора немецко-фашистских войск, но и разбить их в открытом бою. Зимой 1941—1942 г.г. Красная Армия отбросила немцев на запад местами более чем на 400 километров.

К лету 1942 года немцы, воспользовавшись отсутствием второго фронта в Европе, перебросили все свои резервы на советско-германский фронт, создав большой перевес сил на юго-западном направлении. В ходе летних боёв немцы достигли значительных тактических успехов. Однако Красная Армия встретила наступление вражеских войск упорным сопротивлением и не дала им осуществить свои планы, остановив врага на подступах к Сталинграду и в предгорьях Кавказа.

Зимой 1942—1943 г.г. Красная Армия свела на-нет летние тактические успехи немцев. Зимняя кампания 1942—1943 г.г. явилась поворотным пунктом во всём ходе войны. Она наглядно показала изменение соотношения сил на советско-германском фронте. Немцы, несмотря на строжайший приказ Гитлера во что бы то ни стало удержать захваченные позиции, оказались не в силах предотвратить зимнее наступление Красной Армии. Красная Армия опрокинула и разбила вражеские войска, уничтожила две отборные фашистские армии под Сталинградом, разбила и пленила румынскую, итальянскую, венгерскую армии и мощным ударом отбросила немцев от Волги и Терека на 600—700 километров на запад. Путь, который немцы прошли летом 1942 года на восток и по которому наши войска гнали их на запад, усеян сотнями тысяч трупов немецких солдат и офицеров, тысячами разбитых танков, самолётов и орудий.

Стало-быть, второй год войны принёс гитлеровцам новые огромные потери и не дал никакого выигрыша в территории.

Более того, за этот год наши войска прорвали вражескую блокаду Ленинграда и выбили врага из важных в военном отношении районов— Курска, Ржева, Вязьмы, Гжатска, Великих Лук, Демянска.

В ходе зимней кампании немецко-фашистским войскам были нанесены серьёзные поражения. На полях сражений под ударами Красной Армии затрещала и зашаталась гитлеровская военная машина. Враг предпринял отчаянные усилия, чтобы предотвратить катастрофу своей армии. Более тридцати дивизий гитлеровцы перебросили из западной Европы в район Харькова на поддержку своим побитым войскам. Гитлеровцы рассчитывали силами свежих дивизий окружить и уничтожить наши части под Харьковом и тем самым повернуть ход военных действий в свою пользу. Но, как известно, эти расчёты немцев провалились. Попытки немцев взять реванш за Сталинград были сорваны боевыми действиями наших войска.

Потерпев ряд поражений истекшей зимой, немецко-фашистские войска весной 1943 года, в отличие от весны 1942 г., оказались не в состоянии развернуть наступательные операции против Красной Армии.

В ходе сражений за два года войны Красная Армия нанесла немецко-фашистским войскам огромный урон в живой силе и технике. Насколько серьёзны потери немцев на советско-германском фронте по сравнению с потерями Красной Армии, видно из следующих фактических данных:

Германия и её союзники потеряли за два года войны убитыми и пленными 6.400.000 солдат и офицеров, потеряли 56.500 орудий всех калибров, 42.400 танков, 43.000 самолётов.

За это же время потери СССР убитыми и пропавшими без вести составляют 4.200.000 человек, 35.000 орудий всех калибров, 30.000 танков, 23.000 самолётов.

Сильные удары по немецким войскам нанесли отважные советские партизаны, героические народные мстители. За время Отечественной войны партизанские отряды, активно действующие на всей территории, оккупированной врагом, истребили более 300.000 гитлеровских мерзавцев, организовали крушения не менее 3.000 поездов, взорвали и сожгли 895 складов с вооружением и боеприпасами, разрушили 3.263 железнодорожных и шоссежных моста, уничтожили многие сотни танков, бронемашин, самолетов, орудий, автомашин. Своей отважной борьбой советские партизаны содействовали успехам наших войск.

В ходе войны немцы потеряли большую часть своих кадровых дивизий и испытанного командно-офицерского состава, а также военной техники, которая многие годы готовилась и накапливалась немецко-фашистскими захватчиками для завоевания мирового господства. Эти потери немецких войск основательно ослабили гитлеровскую военную машину и гитлеровское государство.

ТАКИМ ОБРАЗОМ, В ХОДЕ ДВУХЛЕТНИХ БОЕВ НА СОВЕТСКО-ГЕРМАНСКОМ ФРОНТЕ ПОЛНОСТЬЮ ПРОВАЛИЛИСЬ АВАНТЮРИСТИЧЕСКИЕ ПЛАНЫ ГЕРМАНСКИХ ИМПЕРИАЛИСТОВ, РАССЧИТАННЫЕ НА ПОРАБОЩЕНИЕ НАРОДОВ СОВЕТСКОГО СОЮЗА.

В ходе войны серьезно ухудшилось военное, политическое и международное положение гитлеровской Германии.

Серьезное ослабление вооруженных сил Германии видно, прежде всего, из того, что за последний год немецкая армия не достигла каких-либо военных успехов, а, наоборот, пережила крупные военные неудачи, терпела одно поражение за другим как на советско-германском фронте, так и в Египте, Ливии, Триполитании и Тунисе. Немецко-фашистские захватчики вынуждены ныне публично опровергать свою собственную догму о молниеносной войне, признать полную несостоятельность основных своих военно-политических планов и открыто заявлять о том, что война приняла затяжной, длительный характер, болтая о том, будто бы победа будет ими завоевана в «позиционной войне». Немцы вынуждены были призвать на военную службу остатки мужского населения Германии, в том числе необученных военному делу стариков и подростков, они насильно загоняют в свою армию мужское

население оккупированных стран: поляков, французов, бельгийцев, датчан, словаков, чехов и др. После двух лет войны в немецкой армии оказался основательно подорванным боевой дух войск, а надежды на победу теперь хоронят даже матерые гитлеровские вояки.

ТАКИМ ОБРАЗОМ, В РЕЗУЛЬТАТЕ ДВУХ ЛЕТ ВОЙНЫ ОСНОВАТЕЛЬНО ПОДОРВАНА ВОЕННАЯ МОЩЬ ГИТЛЕРОВСКОЙ ГЕРМАНИИ, А НЕМЕЦКО-ФАШИСТСКАЯ АРМИЯ ПЕРЕЖИВАЕТ СЕРЬЕЗНЫЙ КРИЗИС:

За два года войны резко ухудшилось политическое положение фашистской Германии, значительно ослаб и оказался надорванным гитлеровский тыл. Это видно из того, что среди населения Германии растут неуверенность и панические настроения, немцы перестают верить гитлеровским басням о победах германских войск на востоке. Фашистская печать и радио все чаще угрожают расправой тем немцам, которые охвачены паникой и духом сомнения. Германия испытывает острейший недостаток людских ресурсов. Гитлеровцы охотятся за рабами по всем оккупированным ими странам Европы, они сгоняют в Германию миллионы иностранных рабочих, пытаясь этим восполнить катастрофическую убыль немецкого мужского населения. Германская промышленность не успевает восполнять те огромные потери военной техники, которые несет немецкая армия на фронтах. Падает производственная мощь военной промышленности, чему в немалой степени содействуют удары авиации союзников по промышленным центрам Германии. Вместе с этим быстро расшатывается и становится все более угрожающим для немцев европейский тыл гитлеровской Германии. В оккупированных германской армией странах Европы — в Югославии, Польше, во Франции, Чехословакии, Бельгии, Голландии, Норвегии, Греции народные массы поднимаются на вооруженную борьбу против ненавистных захватчиков. Близок час, когда военные действия армий свободолюбивых государств сольются с вооруженной борьбой поработченных Гитлером европейских народов против немецко-фашистских империалистов.

ТАКИМ ОБРАЗОМ, В РЕЗУЛЬТАТЕ ВОЙНЫ ТЫЛ ФАШИСТСКОЙ ГЕРМАНИИ ОСНОВАТЕЛЬНО ПОДОРВАН, ВОЕННАЯ ЭКОНОМИКА ГЕРМАНИИ СЕРЬЕЗНО ОСЛАБЛЕНА, А В ОККУПИРОВАННЫХ НЕМЦАМИ СТРАНАХ ЕВРОПЫ РАЗГОРАЕТСЯ ВСЕНАРОДНАЯ БОРЬБА ПРОТИВ ФАШИСТСКИХ ПОРАБОТИТЕЛЕЙ.

Серьезно ухудшилось также и международное положение итало-германского блока. Это видно из того, что гитлеровской Германии не только не удалось привлечь на свою сторону новых союзников, но и в нынешних своих союзниках она не может быть уверенной. В результате военных поражений подорван авторитет гитлеровской Германии среди её союзников. Всё более возрастает изоляция Германии на международной арене. Гитлеровская Германия полностью разоблачила себя в глазах всего мира как кровавого агрессора и вызвала всеобщую ненависть всех свободолюбивых народов против фашистских извергов.

Немецко-фашистские империалисты, потеряв уверенность в быстром и благоприятном исходе затеянной ими войны, сделали попытку расколоть фронт свободолюбивых наций болтовней о мире. Как известно, этот коварный план немцев провалился с треском, он разбился о прочность и нерушимость союза свободолюбивых государств.

ТАКИМ ОБРАЗОМ, ЗА ВРЕМЯ ВОЙНЫ ВОЗРОСЛА ИЗОЛЯЦИЯ ФАШИСТСКОЙ ГЕРМАНИИ НА МЕЖДУНАРОДНОЙ АРЕНЕ, РАСЧЕТЫ НЕМЦЕВ НА РАЗЛАД ВНУТРИ АНТИГИТЛЕРОВСКОЙ КОАЛИЦИИ ОБАНКРОТИЛИСЬ, А СОЮЗ ФАШИСТСКИХ ГОСУДАРСТВ СТОИТ НА ГРАНИ РАЗВАЛА:

Все это говорит о том, что военно-политическая и международная обстановка стала неблагоприятной для гитлеровской Германии, что в лагере врага налицо глубокий кризис.

В то время как положение гитлеровской Германии резко ухудшилось, военное, политическое и международное положение Советского Союза укрепилось.

В ходе Отечественной войны возросла военная мощь Советского Союза. Красная Армия превратилась в грозную силу для врага. Она закалилась в боях, приобрела большой военный опыт, реорганизовала и перестроила свои ряды в соответствии с новыми условиями и требованиями войны. Советские командиры стали мастерами новой, гибкой тактики — тактики маневрирования. Ряд крупнейших сражений, завершенных советскими войсками в свою пользу, показал превосходство стратегии и тактики Красной Армии над хваленной стратегией и тактикой немцев. Красная Армия имеет теперь вполне современную, могучую военную технику. Еще более укрепился боевой и моральный дух наших войск. Окрыленная победами над врагом Красная Армия горит желанием добить фашистского зверя.

В то же время произошло дальнейшее упрочение тыла Красной Армии. Советские фабрики и заводы работают на полную мощность и дают нашей армии все, в чем она нуждается. За время войны трудящиеся в невиданно сжатые сроки перестроили хозяйство на военный лад, перебазировали промышленность из угрожаемых районов на восток, построили сотни новых промышленных предприятий, увеличили производство всех видов вооружения и боеприпасов. Колхозное крестьянство расширило площади посевов, самоотверженно борется за высокий урожай, снабжая армию и страну продовольствием. Единство советского народа ныне прочно, как никогда. Второй Военный заем, перевыполненный в течение одних суток и давший в бюджет свыше 20 миллиардов рублей, явился яркой демонстрацией великого патриотического подъема нашего народа в борьбе против ненавистных захватчиков и свидетельствует о непреклонной решимости советских людей вести борьбу с врагом до полной победы. Никогда еще во всей прошлой истории народные массы не участвовали с такой самоотверженностью в защите своей Родины, как в дни Великой отечественной войны.

Все это говорит о том, что **КРАСНАЯ АРМИЯ ОКРЕПЛА, А СОВЕТСКИЙ ТЫЛ ПРОЧЕН И НЕПОКОЛЕБИМ.**

За время войны укрепилось также и международное положение Советского Союза. В ходе войны сложилась могучая антигитлеровская коалиция великих государств мира — СССР, Англии и США. Провалилась ставка гитлеровцев на разлад внутри антигитлеровской коалиции. Прошло больше года со времени заключения между Англией и СССР договора о союзе в войне против гитлеровской Германии и ее союзников в Европе и о сотрудничестве и взаимной помощи после войны. В условиях войны этот срок достаточный для проверки прочности договоров. Жизнь показала, что за это время наши союзные отношения с Англией улучшились. В полной мере показало свою жизненную силу и заключенное в июне 1942 года между СССР и США соглашение о принципах, применимых к взаимной помощи в ведении войны против агрессии. Советский Союз, отвлекая на себя главные силы гитлеровской Германии и сковывая на востоке 200 немецких дивизий и 30 дивизий ее союзников, оказал неоценимую помощь своим союзникам, дал им возможность развернуть производство вооружения, мобилизовать миллионы людей и создать мощные армии. Наши союзники оказывают со своей стороны все возрастающую помощь вооружением и материалами советскому народу. За последние месяцы союз антигитлеровских государств укрепился совместными одновременными боевыми действиями против итало-германских фашистов. Мощные удары Красной Армии по немецко-фашистским войскам с востока слились с ударами наших союзников по разгрому итало-германских армий в Северной Африке. В то же время авиация союзников наносит все более чувствительные удары по Германии и Италии.

Все это говорит о том, что МЕЖДУНАРОДНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ НАШЕЙ РОДИНЫ НЫНЕ ПРОЧНО, КАК НИКОГДА, И В ХОДЕ ВОЙНЫ ЕЩЕ БОЛЕЕ УКРЕПИЛСЯ БОЕВОЙ СОЮЗ СССР, АНГЛИИ И США:

Таким образом, за два года Отечественной войны произошли коренные изменения в современной военной, политической и международной обстановке. За время войны подорвана была военная мощь гитлеровской Германии, резко ухудшились военные и политические перспективы для немецко-фашистской армии. Вместе с тем, произошло дальнейшее упрочение военных и политических позиций Советского Союза и дружественных ему союзных государств, выросли и окрепли армии свободолюбивых народов, упрочилась их боевая солидарность.

Однако советский народ и Красная Армия не преуменьшают сил врага и трудностей дальнейшей борьбы. Впереди еще тяжелые бои и большие испытания. Для победы над немецко-фашистскими захватчиками потребуются напряжение всех наших сил и железная стойкость в борьбе с врагом. Советский народ уверен в победе своего правого дела, сколько бы враг не изворачивался во всяких «тотальных мобилизациях». Соотношение сил в ходе войны изменилось в нашу пользу и в пользу наших союзников. Но этого недостаточно для победы. Теперь все зависит от того, как наши союзники используют благоприятную

обстановку для создания второго фронта на континенте Европы, ибо без второго фронта невозможна победа над гитлеровской Германией.

Отсутствие второго фронта в Европе спасло гитлеровскую Германию от поражения в 1942 году. Как известно, эту передышку гитлеровцы использовали для нового, широкого наступления против Советского Союза летом и осенью прошлого года. Упустить создавшиеся благоприятные условия для открытия второго фронта в Европе в 1943 году, опоздать в этом деле,— значит нанести серьезный ущерб нашему общему делу. Откладывание второго фронта в Европе против фашистской Германии привело бы к затягиванию войны, а значит— к колоссальному увеличению жертв. И, наоборот, организация второго фронта в Европе в текущем году привела бы к скорому окончанию войны,— следовательно, колоссальному сокращению жертв на стороне антигитлеровской коалиции.

СОВИНФОРМБЮРО:

СТАТЬИ

КНИГА, ВЕДУЩАЯ К ПОБЕДЕ *

А. Морозов

В наиболее ответственные дни священной войны против гитлеровской Германии и её вассалов поднимается над страной могучий сталинский голос. Сквозь несмолкающий грохот сражений голос Сталина доносится до каждого бойца нашей славной Красной Армии и Военно-Морского Флота, через огненный вал фронта голос вождя летит к бесстрашным героям партизанских отрядов. Он вдохновляет на бессмертные подвиги, укрепляет мужество, зовёт к победе над злобным и коварным врагом. Рабочие, колхозники, интеллигенция нашей родины черпают в нём силу, уверенность в победе и работают для фронта во имя победы с неистощимой энергией.

В выступлениях и приказах товарища Сталина воплощены мощь и величие нашей родины, сила и мужество нашей армии. В сжатом, насыщенном сталинском слове выражена несокрушимая воля миллионов советских людей к победе. Сталинское слово поднимает все народы нашей великой страны на беззаветную борьбу, на самоотверженный труд во имя защиты чести и свободы матери-родины. Сталинское слово смело и правдиво предупреждает народы Союза о смертельной угрозе, нависшей над ними. Как солнце, оно озаряет наш трудный военный путь к светлым дням победы над кровавыми ордами Гитлера:

Выступления товарища Сталина, его приказы и другие документы, собранные в книге «О Великой отечественной войне Советского Союза», представляют собою единое, величайшей идейной силы произведение. Книга является подлинно героической историей двух лет беспримерной по своим масштабам и ожесточённости войны свободных народов Советского Союза против гитлеровских разбойничьих орд. Каждый документ отображает определённый этап войны, раскрывая всё его своеобразие и определяя его место в военных и политических событиях нашей величественной эпохи. Высказывания товарища Сталина, собранные в этой книге, служат могучим орудием в деле укрепления нашего фронта и тыла, стимулом к непрерывному росту военно-экономической силы страны, источником уверенности народа в победе. Перед лицом всего передового человечества эта книга разоблачает отвратительную ложь фашистских пропагандистов о характере и целях их бандитской шайки, именующей себя «национал-социалистской партией», и показывает всю отвратительную сущность этих «ворон в павлиньих перьях». В книге товарища Сталина дана гениальная разработка вопросов военной стратегии.

Выступления товарища Сталина неизменно вызывали и вызывают во всех странах антигитлеровской коалиции самые оживлённые отклики и ведут к усилению наших позиций в деле мобилизации и вовлечения в активную борьбу с гитлеризмом всех сил и резервов англо-советско-американской коалиции. Документы, собранные в книге, представляют

* И. Сталин. О Великой отечественной войне Советского Союза. Издание четвёртое. Госполитиздат. М. 1943.

собой могучий фактор, воздействующий на весь ход развития международных отношений. По ним мы можем проследить, как развивались и укреплялись связи народов и государств, объединённых в мощную антигитлеровскую коалицию.

В первые же дни вероломного нападения гитлеровской Германии на Советский Союз перед каждым советским человеком встал вопрос: что надо сделать, чтобы помочь Красной Армии сдержать натиск внезапно напавшего врага, отбросить его и уничтожить; что надо сделать, чтобы спасти родину? Народу надо было разъяснить характер начавшейся войны, как и почему она возникла. Надо было дать объяснение временных успехов гитлеровских полчищ, точно определить силу врага, не преувеличивая и не преуменьшая её. Надо было разъяснить всю глубину опасности, надвинувшейся на нашу родину, поднять весь народ на борьбу, укрепить его уверенность в конечной победе.

Народные массы ждали выступления своего вождя. И 3 июля 1941 г., в разгар величайшей в истории битвы, прозвучало могучее и взволнованное его слово.

В этом выступлении товарища Сталина звучит голос всего советского народа, выражены заветные мысли народа, его страстная, неистребимая любовь к матери-родине. В этом единстве между сражающимся народом и его вождём наша непобедимая сила.

Величайшее значение для сплочённости всего народа вокруг партии и правительства имело определение характера войны и целей, преследуемых в ней как нами, так и вражескими странами.

В своём выступлении 3 июля 1941 г. товарищ Сталин сказал, что наша война с фашистской Германией является «великой войной всего советского народа против немецко-фашистских войск». Это всенародная отечественная война против фашистских угнетателей.

«Целью этой всенародной отечественной войны против фашистских угнетателей является не только ликвидация опасности, нависшей над нашей страной, но и помощь всем народам Европы, стонущим под игмом германского фашизма» (стр. 13).

В своём докладе о 24-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции товарищ Сталин, исходя из классического ленинского деления войн на справедливые и несправедливые, указал, что немцы ведут войну захватническую, несправедливую, а мы и наши союзники ведём войну освободительную, справедливую. Из этого коренного различия в характере войны вытекает противоположность целей и программы действия борющихся сторон.

Исторически обоснованная, подлинно прогрессивная программа действий англо-советско-американской коалиции, сформулированная товарищем Сталиным, полностью вытекает из характера нашей справедливой войны. Мы добиваемся в нашей общей борьбе уничтожения гитлеровского режима. Мы стремимся «уничтожить гитлеровское государство и его вдохновителей», «уничтожить гитлеровскую армию и её руководителей», «разрушить ненавистный «новый порядок в Европе» и покарать его строителей» (стр. 71—72).

Никогда ещё не велось столь справедливой, поистине священной войны, какую ведёт теперь весь наш народ. Честь нашей отчизны, независимость и свобода народов-братьев, населяющих её бескрайние просторы, судьбы нашего общественного строя, созданного и утверждённого гигантскими творческими усилиями многомиллионных масс под руководством гениев нашей родины Ленина и Сталина, жизнь и счастье каждого члена великой нашей семьи — всё это наш народ защищает от гитлеровских захватчиков. Дело идёт в этой войне «о жизни и смерти Советского государства, о жизни и смерти народов СССР, о том —

быть народам Советского Союза свободными, или впасть в порабощение» (стр. 11). Нет ничего благородней и возвышенной миссии Красной Армии в отечественной войне.

Советские люди получили идейное оружие огромной силы в прямых и конкретных указаниях, которые в своём выступлении дал товарищ Сталин, отвечая на вопрос: что надо сделать, чтобы уничтожить смертельную опасность, грозящую родине, какие меры принять, чтобы разгромить врага?

«Прежде всего необходимо, — говорил товарищ Сталин 3 июля 1941 г., — чтобы наши люди, советские люди поняли всю глубину опасности, которая угрожает нашей стране, и отрешились от благодушия, от беспечности, от настроений мирного строительства, вполне понятных в довоенное время, но пагубных в настоящее время, когда война коренным образом изменила положение» (стр. 11).

Но мало понять глубину и серьёзность опасности. Нужно, чтобы наши люди, говорил товарищ Сталин, не знали страха в борьбе и самоотверженно шли на отечественную, освободительную войну против фашистских поработителей. В наших рядах не должно быть нытиков и трусов, паникёров и дезертиров. Товарищ Сталин призвал к беспощадной борьбе со всякими дезорганизаторами, дезертирами, паникёрами, распространителями слухов.

Огромное значение придаёт товарищ Сталин вопросам укрепления тыла нашей страны, перестройки всей нашей работы на военный лад. Война требует непрерывного и усиленного подкрепления Красной Армии орудиями, боеприпасами, снаряжением, разнообразным и многочисленным военным имуществом, продовольствием и подготовленными, хорошо обученными кадрами для всех родов войск. Война требует организации быстрого и непрерывного продвижения колоссальной массы грузов на все участки гигантского фронта из глубоких тыловых районов до передних рубежей. Война требует также быстрой и организованной переброски массы людей, вооружения и военного имущества с одного фронта на другой для решения оперативных задач, которые ставит Верховное главнокомандование. Без могучего, самоотверженно работающего тыла, спянного железной дисциплиной, эти задачи разрешить невозможно.

В первомайском приказе 1943 г. товарищ Сталин требует, «чтобы все наши люди и все учреждения в тылу работали слаженно и чётко, как хороший часовой механизм». Он напоминает слова великого Ленина, сказанные им в годы гражданской войны: «Раз война оказалась неизбежной — всё для войны, и малейшая распущенность и недостаток энергии должны быть караемы по закону военного времени»¹.

Товарищ Сталин подчеркнул, что опасность и временные неудачи Красной Армии не только не привели к ослаблению нашего советского государства и нашего тыла, но, наоборот, советский тыл стал во время войны прочен как никогда. Расчёты немцев на непрочность советского строя, непрочность советского тыла провалились. Война «превратила нашу страну в единый и всеобъемлющий тыл, обслуживающий фронт, обслуживающий нашу Красную Армию, наш Военно-Морской Флот» (стр. 17).

С самого начала войны товарищ Сталин поставил важнейшую задачу — вывезти всё ценное имущество при отходе частей Красной Армии. Сложнейшее оборудование целых заводов, огромные массы сырья, различных материалов были эвакуированы в глубокий тыл, что дало возможность в небывало короткий срок построить на востоке страны могущественную военную промышленность — кузницу нашей грядущей победы.

¹ Ленин. Соч. Т. XXV, стр. 299.

Могучий Урал, мудростью Сталина превращённый в годы пятилеток во вторую угольно-металлургическую базу страны, стал теперь становым хребтом военной промышленности Советского Союза. Точно так же благодаря социалистической реконструкции в годы пятилеток огромную роль в снабжении Красной Армии оружием, боеприпасами и всей военной промышленности — углем, металлом и другими материалами играют Сибирь, Дальний Восток и национальные республики Средней Азии и Кавказа.

Призыв товарища Сталина в выступлении 3 июля 1941 г. — организовать партизанскую борьбу — был подхвачен патриотами советской родины и привёл к гигантскому размаху народной войны в тылах противника. Наряду с действиями Красной Армии развернулось великое движение советского народа во временно оккупированных врагом районах — партизанская война.

С глубокой исторической прозорливостью товарищ Сталин раскрыл характер и особенности факторов, действующих в современной войне. Он указал, что временные факторы, давшие известные преимущества на первом этапе войны гитлеровским разбойникам, перестали действовать с течением времени и определяющее влияние на ход военных событий стали оказывать постоянные факторы, которые неизбежно приводят к усилению нашей армии, к ослаблению немецко-фашистской военной машины.

В докладе о 24-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции товарищ Сталин указал на две основные причины временных неудач Красной Армии. Он сказал, «что отсутствие второго фронта в Европе против немцев значительно облегчает положение немецкой армии» (стр. 23). В то время, когда немецкая армия прибегает к помощи финнов, румын, итальянцев, венгров в своей захватнической войне против Советского Союза, Красная Армия воюет исключительно своими силами, без военной помощи со стороны. Пока второй фронт не возникнет на континенте Европы, немцы будут попрежнему сосредоточивать все свои основные силы на советско-германском фронте.

Вторая причина, о которой говорил товарищ Сталин, состояла в недостатке у нас танков и отчасти авиации. Товарищ Сталин прямо и открыто поставил перед советским народом вопрос о том, что «самолётов у нас пока ещё меньше, чем у немцев», что «танков у нас всё же в несколько раз меньше, чем у немцев» (стр. 23). На немцев работает вся танковая промышленность Германии, Чехословакии, Бельгии, Голландии и Франции. Естественно, что немцы вырабатывают очень много танков различных типов. Отсюда товарищ Сталин сделал вывод о необходимости свести к нулю превосходство немцев в танках и коренным образом улучшить положение нашей авиации. Чтобы решить эту задачу, надо, с одной стороны, увеличить в несколько раз производство танков в нашей стране и, с другой, — увеличить производство противотанковых ружей и орудий, противотанковых гранат и миномётов, чтобы истреблять вражеские танки всё более успешно, лишая немцев численного превосходства в военной технике. «Мы можем выполнить эту задачу и мы должны её выполнить во что бы то ни стало!» (стр. 24). Огромный рост продукции нашей перебазированной военной промышленности, работа наших талантливых конструкторов — творцов новых типов боевых машин и орудий — обеспечивают нашу Красную Армию новой, совершенной техникой всё в большем и большем количестве. О возросшей технической мощи и боевой выучке Красной Армии свидетельствует ход грандиозного сражения, развернувшегося на Орловско-Курском и Белгородском направлениях. Бросив в наступление 17 танковых, 3 моторизованных и 18 пехотных дивизий, «немецкое командование рассчиты-

вало концентрическими ударами с севера и юга в общем направлении на Курск прорвать нашу оборону, окружить и уничтожить наши войска, расположенные по дуге Курского выступа. Это новое немецкое наступление не застало наши войска врасплох...

Проведенные бои по ликвидации немецкого наступления показали высокую боевую выучку наших войск, непревзойденные образцы упорства, стойкости и героизма бойцов и командиров всех родов войск, в том числе артиллеристов и миномётчиков, танкистов и лётчиков.

Таким образом немецкий план летнего наступления нужно считать полностью провалившимся.

Тем самым разоблачена легенда о том, что немцы летом в наступлении всегда одерживают успехи, а советские войска вынуждены будто бы находиться в отступлении»¹.

«Отразив все попытки противника прорваться к Курску со стороны Орла и Белгорода, наши войска сами перешли в наступление и 5 августа, ровно через месяц после начала июльского наступления немцев, заняли Орёл и Белгород.

Тем самым разоблачена легенда немцев о том, что будто бы советские войска не в состоянии вести летом успешное наступление»².

В книге товарища Сталина до конца разоблачена звериная, людоедская природа гитлеровских захватчиков, полностью раскрыты преследуемые ими человеконенавистнические цели. Гитлеровская клика пытается спрятать своё звериное лицо под маской миролюбия, под личиной «друга европейских народов». Палачи Европы пытаются разыграть роль защитников европейской культуры, защитников «независимости» европейских народов.

Товарищ Сталин в своём докладе 6 ноября 1941 г. подчеркнул, что «партия гитлеровцев есть партия империалистов, притом наиболее хищнических и разбойничьих империалистов среди всех империалистов мира» (стр. 25). «Гитлеровская партия, — говорит товарищ Сталин, — есть партия врагов демократических свобод, партия средневековой реакции и черносотенных погромов» (стр. 26).

Злейшие враги рабочего класса, злейшие враги демократических свобод — гитлеровцы — ругают современный государственный режим Великобритании и США плутократическим режимом. «Но в Англии и США имеются элементарные демократические свободы, — говорит товарищ Сталин, — существуют профсоюзы рабочих и служащих, существуют рабочие партии, существует парламент, а в Германии при гитлеровском режиме уничтожены все эти институты. Стоит только сопоставить эти два ряда фактов, чтобы понять реакционную сущность гитлеровского режима и всю фальшь болтовни немецких фашистов об англо-американском плутократическом режиме» (стр. 25).

В своей человеконенавистнической программе порабощения народов всего мира гитлеровская партия уделяет особое место задаче истребления славянских народов и в первую очередь русского народа.

Товарищ Сталин говорит, что авторы этой программы «имеют наглость призывать к уничтожению великой русской нации, нации Плеханова и Ленина, Белинского и Чернышевского, Пушкина и Толстого, Глинки и Чайковского, Горького и Чехова, Сеченова и Павлова, Репина и Сурикова, Суворова и Кутузова!..» (стр. 27).

¹ Приказ Верховного Главнокомандующего генералу армии тов. Рокоссовскому, генералу армии тов. Ватутину, генерал-полковнику тов. Попову. См. «Правду» от 25 июля 1943 года.

² Приказ Верховного Главнокомандующего генерал-полковнику Попову, генерал-полковнику Соколовскому, генералу армии Рокоссовскому, генералу армии Ватутину, генерал-полковнику Кошеву. См. «Правду» от 6 августа 1943 года.

Великие традиции русского народа, даровитого и деятельного во всех областях государственной жизни, хозяйства и культуры, народа, воинственного и неимоверно упорного и стойкого в борьбе, с особой силой выражены в этом чудесном перечне сверкающих гениев нашей нации.

Стародавние враги всего русского, потомки «псов-рыцарей», последние прусских юнкеров бросили свою чудовищную военную машину на нашу великую родину. Они начали истребительную войну против нас. Народы Советского Союза во главе с первым среди равных — русским народом — ответили священной, всенародной, отечественной войной под лозунгом «Смерть немецким захватчикам!»

В ответственные исторические моменты силы нашего народа каждый раз напрягались для преодоления трудностей, для борьбы с врагами родины; силы эти непрерывно возрастали до тех пор, пока враги не были разбиты и изгнаны.

Товарищ Сталин в своей книге напоминает о величественном прошлом нашей страны, напоминает о мужественных людях, которые вели за собой русский народ в борьбе за родину. В речи на параде Красной Армии 7 ноября 1941 г., произнесённой, когда враг стоял у ворот Москвы и хвастливо обещал устроить парад фашистских банд на Красной площади, товарищ Сталин напомнил бойцам и командирам Красной Армии о великих предках, доблестно защищавших родную землю: «Пусть вдохновляет вас в этой войне мужественный образ наших великих предков — Александра Невского, Димитрия Донского, Кузьмы Минина, Димитрия Пожарского, Александра Суворова, Михаила Кутузова! Пусть осенит вас победоносное знамя великого Ленина!» (стр. 37).

В истории нашего народа не раз бывало время, что родине грозила величайшая опасность. Вторжение полчищ Тевтонского ордена могло привести к падению самостоятельности одного из крупнейших центров образования Русского государства — великого северного города Новгорода — и всех русских областей, связанных с его существованием и развитием. Александр Невский сплотил народ для отпора врагу, подготовил и осуществил полный разгром псов-рыцарей. Под руководством московского князя Димитрия Донского русские войска на Куликовом поле сокрушили непобедимые до тех пор татаро-монгольские полчища, надломив силы Золотой Орды, властвовавшей тогда на Руси, и предопределили освобождение русского народа от татаро-монгольского ига. Это был сокрушительный удар по татаро-монгольской орде, поработившей многие народы других стран. В тяжёлую годину лихолетия 1612 г. польские шляхтичи захватили святую святых русского народа — столицу государства — Москву. Нужно было поднять все силы народа, собрать армию, вооружить и снабдить её, чтобы разбить и изгнать интервентов из пределов родины. Великие патриоты Кузьма Минин и Димитрий Пожарский совершили свой исторический подвиг: они подняли народ на самоотверженную борьбу с польскими интервентами, спасли честь и свободу России. Весь мир признал военный гений Суворова, и многие выдающиеся полководцы других стран считали себя его учениками. Один из крупнейших полководцев в истории войн, Наполеон, был разбит наголову со всей своей гигантской по тому времени армией фельдмаршалом Кутузовым. Гибель армии Наполеона в России была началом крушения всей наполеоновской империи.

Товарищ Сталин показал на исторических примерах прошлого, что народ, вдохновлённый великими, благородными патриотическими идеями свободы и национальной независимости, может разбить и уничтожить любого врага. В священной отечественной войне советского народа с гитлеровскими захватчиками с особой силой выступают эти величест-

венные традиции русского народа, бесстрашно и самоотверженно борющегося за своё будущее.

В книге товарища Сталина уделено большое внимание вопросам укрепления единого фронта народов, «стоящих за свободу против порабощения и угрозы порабощения со стороны фашистских армий Гитлера» (стр. 14).

Разоблачая провал плана «молниеносной» войны, которую готовили гитлеровцы, товарищ Сталин подчеркнул также провал расчётов немцев на вовлечение Великобритании и США в борьбу против СССР. Немцы надеялись запугать правящие круги Великобритании и США призраком революции. Мюнхенская политика до поры до времени позволяла Гитлеру и его сообщникам почти беспрепятственно обделывать свои разбойничьи дела в Европе. Честные и дальновидные люди во многих странах, в том числе и в Англии, предупреждали, что политика подачек и уступок к добру не приведёт. Но «миротворцы» продолжали свою порочную политику задабривания хищного зверя путём подбрасывания сперва отдельных кусков, оторванных у малых государств, а затем отдачей на поток и разграбление целых стран и народов. Уже после начала войны в Европе эта политика игры в противоречия между классами отдельных государств и между этими государствами и Советской страной привела к печальным результатам для Франции. Правители этой страны дали себя запугать призраком революции и с перепугу положили под ноги Гитлеру свою родину, отказавшись от сопротивления.

«Немецко-фашистские стратеги думали, что то же самое произойдёт с Великобританией и США. Небезызвестный Гесс для того, собственно, и был направлен в Англию немецкими фашистами, чтобы убедить английских политиков примкнуть к всеобщему походу против СССР. Но немцы жестоко просчитались. Великобритания и США, несмотря на старания Гесса, не только не присоединились к походу немецко-фашистских захватчиков против СССР, а наоборот, оказались в одном лагере с СССР против гитлеровской Германии. СССР не только не оказался изолированным, а наоборот, приобрёл новых союзников в лице Великобритании, США и других стран, оккупированных немцами» (стр. 19).

Подводя итоги работы конференции трёх держав в Москве, товарищ Сталин заявил: «...можно сказать с уверенностью, что коалиция Соединённых Штатов Америки, Великобритании и СССР есть реальное дело, которое растёт и будет расти во благо нашему общему освободительному делу» (стр. 31).

Через год в докладе, посвящённом 24-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции, товарищ Сталин указал, что «факты говорят о прогрессивном сближении СССР, Великобритании и Соединённых Штатов Америки и об объединении их в боевой союз против итало-германской коалиции» (стр. 70).

Развёртывая программу действий англо-советско-американской коалиции, товарищ Сталин указал, что характерной чертой современного момента является рост морально-политических резервов этой коалиции в Европе. Он говорил, что коалиция сплачивает миллионы людей, готовых биться против тирании Гитлера. Но вместе с тем он подчёркивал, что одних моральных и материальных преимуществ недостаточно, для того чтобы победить. Надо уметь использовать свои преимущества, привести в действие все ресурсы своих стран, направить их на достижения победы.

Исторически точный и гениальный по своей глубине анализ международных и военных событий за прошедшие месяцы войны заканчивается выводом, полным уверенности во внутренней мощи антигитлеровской коалиции: «Вывод один: англо-советско-американская коалиция

имеет все шансы, чтобы победить итапо-германскую коалицию и она без сомнения победит» (стр. 70).

Вскоре после выступления товарища Сталина начались военные действия союзников в Северной Африке. Товарищ Сталин в своих ответах на вопросы корреспондента американского агентства Ассошиэйтед пресс дал образец замечательного военного и политического прогноза, который полностью подтвердился дальнейшим ходом событий. Он указывал, что успешная кампания союзников в Северной Африке создаёт условия для вывода из строя Италии.

Последние события в Италии, отставка Муссолини, выступление народных масс против фашистского режима ярко показывают замечательное предвидение товарища Сталина. Товарищ Сталин подчеркнул также, что эта кампания «создаёт предпосылки для организации второго фронта в Европе поближе к жизненным центрам Германии, что будет иметь решающее значение в деле организации победы над гитлеровской тиранией» (стр. 78).

В первомайском приказе 1943 г. товарищ Сталин, отмечая победу союзников в Северной Африке и удары англо-американской авиации по промышленным центрам Германии и Италии с воздуха, указал, что «удар по врагу с востока, со стороны Красной Армии впервые за время войны слился с ударом с запада, со стороны войск наших союзников — в единый общий удар» (стр. 90). Поражения, понесённые гитлеровскими войсками в период зимней кампании 1942—1943 гг. на советско-германском фронте, провал попытки гитлеровцев взять реванш за Сталинград в контрнаступательных боях в районе Харькова привели к серьёзному ухудшению положения в гитлеровском лагере. В фашистском лагере царит кризис. Теперь фашисты уже больше не кричат о молниеносной войне и всё чаще и чаще начинают поговаривать о мире. В этой болтовне о мире гитлеровские заправилы имеют определённую цель: они пытаются вбить клин в англо-советско-американскую коалицию. Они непрочь заключить мир с Англией и США, если эти державы порвут свои отношения с Советским Союзом. Они также непрочь заключить мир с Советским Союзом, если он отойдёт от Англии и Соединённых Штатов Америки. Гитлеровские дипломаты и геббельсовские пропагандисты пытались изобрести всевозможные трюки вроде гнусной, лживой басни о «катыньском лесе», чтобы поколебать антигитлеровскую коалицию. Они каркали о неизбежных раздорах в англо-советско-американском лагере, предрекали распад коалиции. Но все их старания поколебать единство антигитлеровской коалиции разбивались и разбиваются о непреклонную решимость свободолюбивых народов довести до конца дело разгрома гитлеровских сил.

Гитлеровцы мечутся, чувствуя приближение неизбежной катастрофы, которая придёт в результате совместных сокрушительных ударов антигитлеровской коалиции. Но несмотря на нарастающую угрозу на Западе они вынуждены всё более и более сосредоточивать свои резервы, собранные в результате так называемой тотальной мобилизации, против нашей Красной Армии, наносящей сокрушительные удары по немецкой военной машине.

В ответе на вопрос главного корреспондента английского агентства Рейтер товарищ Сталин подчёркивает, что «именно теперь, когда фашистский зверь напрягает свои последние силы, — необходимо организовать общий натиск свободолюбивых стран для того, чтобы добить этого зверя и избавить народы от фашистского гнёта» (стр. 99).

Красной нитью в книге товарища Сталина проходит основная идея, вскрывающая общую тенденцию войны. Из месяца в месяц, изо дня в день гитлеровская Германия и её военная машина становятся слабее. Резервы Германии и её вассалов уменьшаются, а силы, могущество и

сплочённость антигитлеровской коалиции возрастают. И чем больше растёт мощь англо-советско-американской коалиции, чем больше приходят в действие её неисчислимые ресурсы, тем сильнее разгорается борьба поработанных гитлеровской Германией народов Европы против режима немецко-фашистских разбойников, против так называемого нового порядка. Чем сокрушительнее удары Красной Армии по немецко-фашистской военной машине, тем слабее становится европейский тыл гитлеровской Германии.

Свободолюбивые народы мира с уважением и любовью смотрят на доблестную Красную Армию. Самоотверженная борьба Красной Армии против фашистских разбойников сделала её самой популярной в истории армией, защищающей интересы прогрессивного человечества.

В каждом приказе, в каждом выступлении товарища Сталина настойчиво проводится мысль о необходимости непрерывной учёбы Красной Армии в ходе войны. Товарищ Сталин учит обобщать опыт боёв, извлекать уроки из неудач, а также из выигранных сражений.

Бойцы и командиры нашей Красной Армии прошли большую и трудную школу. Они прониклись неугасимой ненавистью к врагу, стали злее и беспощаднее. Благодушные и беспечные, которые можно было наблюдать в первые дни войны, сейчас исчезли. Неслыханные злодеяния и насилия, зверское массовое истребление военнопленных и мирных советских граждан накалили чувство ненависти к врагу. Опыт сражений показал личному составу Красной Армии, что болтовня о непобедимости немецких войск — сказка, сочинённая немецкими пропагандистами.

В первомайском приказе 1942 г. Верховный Главнокомандующий приказывает бойцам стать мастерами своего оружия, а общевойсковым командирам — овладеть в совершенстве искусством взаимодействия всех родов войск и стать мастерами вождения войск.

В февральском приказе, посвящённом 25-й годовщине существования Красной Армии, товарищ Сталин отмечает, что в ходе войны Красная Армия превратилась в кадровую армию: «Она научилась бить врага наверняка с учётом его слабых и сильных сторон, как этого требует современная военная наука. Сотни тысяч и миллионы бойцов Красной Армии стали мастерами своего оружия, — винтовки, сабли, пулемёта, артиллерии, миномётного дела, танкового дела, сапёрного дела, авиации. Десятки тысяч командиров Красной Армии стали мастерами вождения войск. Они научились сочетать личную отвагу и мужество с умением руководить войсками на поле боя, отрешившись от глупой и вредной линейной тактики и став прочно на почву тактики маневрирования» (стр. 85).

Отмечая исключительные успехи Красной Армии под Сталинградом, товарищ Сталин подчёркивает, что они были достигнуты только благодаря правильной стратегии командования Красной Армии и гибкой тактике наших командиров — исполнителей операций по окружению и ликвидации вражеских армий.

Ряд крупнейших поражений немцев, которые они понесли в особенности в зимнюю кампанию 1942—1943 г., показывает, что при столкновении с современной военной наукой, гениально разрабатываемой и применяемой товарищем Сталиным, стратегия немцев всё более и более обнаруживает свою порочность.

«Их тактика шаблонна, — говорит товарищ Сталин, — так как она старается подогнать события на фронте под тот или иной параграф устава. Немцы аккуратны и точны в своих действиях, когда обстановка позволяет осуществлять требования устава. В этом их сила. Немцы ста-

новятся беспомощными, когда обстановка усложняется и начинает «не соответствовать» тому или иному параграфу устава, требуя принятия самостоятельного решения, не предусмотренного уставом. В этом их основная слабость» (стр. 86).

Но в этом же приказе товарищ Сталин со всей силой предупреждает Красную Армию и весь советский народ о том, что враг ещё не побеждён и может пуститься на новые авантюры: «...бойцы, командиры и политработники Красной Армии,—говорится в приказе,—должны твёрдо помнить заветы нашего учителя Ленина: «Первое дело — не увлекаться победой и не кичиться, второе дело — закрепить за собой победу, третье — добить противника» (стр. 87).

Товарищ Сталин говорит, что немцы не покинут без боя ни одного километра нашей земли и поэтому нам предстоит ещё суровая и тяжёлая борьба против коварного, жестокого и пока ещё сильного врага.

Товарищ Сталин снова и снова требует неустанно совершенствовать боевую выучку и укреплять дисциплину, порядок и организованность во всей Красной Армии и Военно-Морском Флоте.

В первомайском приказе 1943 г. товарищ Сталин приказывает бойцам Красной Армии «продолжать без устали совершенствовать своё боевое мастерство». «Командирам... стать мастерами вождения войск, умело организовать взаимодействие всех родов войск и управлять ими в бою» (стр. 94).

Книга товарища Сталина «О Великой отечественной войне Советского Союза» является важнейшим трудом нашей военной эпохи.

Многовековая мудрость народов нашей матери-родины выражена в этом сталинском труде. Книга учит народ правильно понимать настоящее, видеть своё прошлое и черпать в нём силы для борьбы за будущее. Жизнеутверждающая сила книги состоит именно в том, что она раскрывает возвышенные, всемирноисторические цели всенародной отечественной-войны, показывает высокие идеалы, во имя которых сражается наш народ-воин. Она показывает, как братские народы Страны Советов вышли на светлый путь объединения и дружбы, создали под руководством партии Ленина — Сталина самый передовой и совершенный в истории общественных форм государственный и экономический строй и теперь защищают его против чёрных сил гитлеризма с оружием в руках.

Каждая строка книги насыщена глубокой, неиссякаемой верой в народ, в его стойкость, воспитанную веками лишений и борьбы, верой в выращенную неустанной работой большевистской партии высокую идейность советских людей и моральную их силу. Книга пронизана величайшей верой в боевую энергию народа, сражающегося за свою жизнь, в его исконную природную сметливость в военном деле, в его героическую решимость защищать свою отчизну. Каждая строка книги зовёт народ к неустанному действию, к непрерывному усилению натиска на врага. Книга вдохновляет народы нашей страны на разгром немецких захватчиков, на освобождение советских земель от фашистской нечисти. Книга вооружает идейно весь советский народ и вместе с тем помогает ему практически победить врага.

Все люди нашей родины: воины, работники, учёные,—все сыны и дочери отчизны, бьющиеся за наше правое дело, должны непрестанно изучать эту сталинскую книгу — книгу, которая даёт уверенность и силу и учит побеждать.

УКРАИНСКИЕ НАЦИОНАЛИСТЫ НА СЛУЖБЕ У НЕМЕЦКИХ ЗАХВАТЧИКОВ В 1918 ГОДУ

Проф. Н. Петровский

I

В декабре 1917 г. в Харькове собрался Первый всеукраинский съезд советов. 25 декабря (н. ст.) этот съезд провозгласил Украину республикой Советов и избрал советское правительство Украины — Народный секретариат. В своей телеграмме от 26(13) декабря 1917 г. Совнаркому РСФСР Центральный исполнительный комитет советов Украины, выражая волю украинского народа, писал, что одной из своих задач он считает необходимость «обратить все силы на создание полного единения между украинской и великороссийской демократией», так как «крестьяне, рабочие и солдаты Украины знают, что у них нет никаких оснований для борьбы с правительством крестьян, рабочих и солдат России, и не допустят осуществления затеваемой Радой войны между братскими народами»¹.

Всюду, где трудящиеся свергали власть контрреволюционной, антинародной Центральной рады², устанавливалась советская власть. В начале января 1918 г. положение Центральной рады, находившейся в Киеве, стало почти безнадежным; внутри страны не было реальных сил, на которые она могла бы опереться.

Революционные войска Украины приближались к Киеву, разбивая на своём пути вооруженное сопротивление Центральной рады.

Когда украинские буржуазные националисты пытаются объяснить победоносный исход борьбы украинского народа против контрреволюционной Центральной рады, они утверждают, что победа советской власти на Украине есть якобы не результат борьбы украинского народа против Центральной рады (как и против последующих контрреволюционных правительств — про-

тив гетмана, Петлюры и т. д.), а завоевание Украины Россией.

Конечно, такое утверждение (оно особенно полно сформулировано И. Мазепой³) является от начала до конца лживым. Все факты показывают совершенно обратное: украинский народ поднялся против Центральной рады и всех подобных ей контрреволюционных, антинародных правительств. Даже сами вожди украинской буржуазно-помещичьей националистической контрреволюции вынуждены были признать, что ни у Центральной рады, ни у последующих контрреволюционных правительств на Украине не было реальных сил в стране для борьбы против восставшего украинского народа. Ещё 28(15) декабря 1917 г. на заседании генерального секретариата (правительства) Центральной рады констатировалось, что идёт рост «большевизма в массах и среди украинских войск», что «сил для борьбы с большевизмом у генерального секретариата нет»⁴.

Не кто иной, как председатель Центральной рады М. Грушевский, в начале 1918 г. писал, что «на Украине легко собрать большой и хорошо спевшийся хор и очень трудно организовать хороший, дисциплинированный батальон для обороны украинских вольностей»⁵ (т. е. буржуазной государственности Рады. — Н. П.).

Один из лидеров украинских националистов — В. Винниченко — в своих воспоминаниях отмечает, что украинские национальные полки, организованные Центральной радой в конце 1917 и начале 1918 г., охотно соглашались идти воевать против частей Каледина, но очень быстро прониклись симпатиями к большевизму и отказывались воевать против представителей украинского народа. В дальнейшем эти части активно участвовали в борьбе против Центральной рады. Винниченко пи-

¹ «Документы по истории гражданской войны в СССР». Т. I, стр. 55. Политиздат. М. 1941.

² Центральная рада, орган украинских националистов, украинской контрреволюционной буржуазии и помещиков, после свержения Временного правительства, захватив власть на Украине, вела антинародную политику.

³ Mazepa I. «Bolschewismus und russische Okkupation der Ukraine». S. 57—112. Berlin. 1923.

⁴ «Документы по истории гражданской войны в СССР». Т. I, стр. 57.

⁵ Грушевський М. «На порозі Нової України», стр. 25—26. Київ. 1918.

сал, что правительство Центральной рады не могло положиться ни на одну из своих воинских частей. Нередко даже дома, где заседало правительство, охраняли революционно настроенные части. По словам Винниченко, если бы эти части проявили инициативу, они в состоянии были бы арестовать правительство и расстрелять его¹.

В январе 1918 г. в Киеве вспыхнуло восстание против Центральной рады. Исключительную роль в этом восстании сыграли рабочие арсенала. Центральной раде удалось подавить восстание; однако через несколько дней под натиском красных частей она вынуждена была бежать из Киева в Житомир и дальше, под защиту штыков немецких империалистов, просить у них помощь.

8 февраля (26 января) революционные части рабочих и крестьян Украины освободили Киев от власти Центральной рады; вскоре сюда переехало из Харькова украинское советское правительство.

Изучая историю борьбы за победу Октябрьской социалистической революции, историю иностранной военной интервенции и гражданской войны на Украине, мы всё время наблюдаем одно явление: пролетариат и беднейшее крестьянство Украины под руководством большевиков борются за советскую власть, за освобождение украинского народа от социального и национального гнёта, ведут эту борьбу вместе с пролетариатом и беднейшим крестьянством России. Между тем буржуазия, помещики, мелкобуржуазные партии Украины идут на всяческие авантюры, на предательство и измену своему народу, только бы сохранить свои классовые позиции. Так как у украинских националистических групп не было опоры в народе, в массах (а «политика без масс есть авантюристическая политика»²), то они всё время искали помощи на стороне, обращаясь к русской контрреволюции и к международному империализму, готовые продать Украинную любому оккупанту, лишь бы получить помощь для борьбы против своего же народа. Центральная рада, равно как и пришедшее ей на смену правительство гетмана Скоропадского и директория Петлюры, показала, что «национальная буржуазия стремится не к освобождению «своего народа» от национального гнёта, а к свободе выколачивая из него барышей, к свободе сохранения своих привилегий и капиталов»³.

Сначала Центральная рада вела перего-

воры с империалистами Антанты. Но Антанта не могла тогда оказать Раде немедленной реальной помощи. Тогда Рада вступила в переговоры с немецкими империалистами, соглашаясь на все их требования, лишь бы получить помощь.

Немецкие империалисты с радостью откликнулись на призыв Центральной рады. Не говоря уже о том, что оккупация Украины сулила им перспективы немедленно-го грабежа, свержения советской власти и т. д. (о чём будем говорить ниже), порабощение Украины давно уже входило в планы господствующих кругов Германии.

Ещё до время Крымской войны (1853—1856) среди господствующих кругов Пруссии группа М. Бетман-Гольвега, так называемая группа «Еженедельника»⁴, считала необходимым в числе других земель отторгнуть от России и Украину, как об этом свидетельствует О. Бисмарк⁵.

В дальнейшем в захватнических планах немецкого империализма снова выступает Украина. Как известно, в начале 90-х годов XIX в. в Германии был создан пангерманский всенемецкий союз (Der Alldeutsche Verband), деятели которого усиленно пропагандировали разбойничью доктрину пангерманизма о каких-то, якобы исторических правах немцев на мировое господство. В своих «творениях» идеолога пангерманизма упоминают и о захвате Украины. Достаточно назвать известную анонимную работу «Grossdeutschland und Mitteleuropa im Jahre 1950» (1895), писания Рудольфа Мартина (R. Martin «Berlin—Bagdad». Stuttgart. 1907) и вышедший в 1917 г. под редакцией М. Зеринга сборник «Westrussland in seiner Bedeutung für Entwicklung Mitteleuropa»⁶.

В 1914 г. немецкое и австрийское правительства создали «Союз визволения Украины» из украинских националистов во главе с Д. Донцовым и М. Басож-Меленевским. Деятельность этого «союза» сводилась к тому, чтобы помочь австро-немецким империалистам захватить и поработить Украину.

В начале 1918 г. в Брест-Литовске мирная делегация Центральной рады начала переговоры с представителями немецкого правительства; при этом она использовала изменническое поведение нуды Троцкого, признавшего делегацию Рады деле-

⁴ От названия журнала «Прусский еженедельник» — «Preussisches Wochenblatt».

⁵ Бисмарк О. «Мысли и воспоминания». Т. I, гл. V. Соцэкиз. М. 1940.

⁶ Ротштейн Ф. «Гитлеризм и прусско-германский империализм». «Исторический журнал» за 1942 г., кн. 6-я, стр. 73—76; Адамов Е. «Жизненное пространство» германского империализма». «Исторический журнал» за 1942 г., кн. 5-я, стр. 77—78, 81—87; Гукковский А. «Вторжение немцев в страну Советов в 1918 г.». «Исторические записки», кн. 13-я, стр. 9—10.

¹ Винниченко В. «Відродження нації». Ч. 2-я, стр. 155—156, 158, 216. 1920.

² Ленин. Соч. Т. XVII, стр. 414.

³ И. Сталин «Марксизм и национально-колониальный вопрос», стр. 74, М. 1939.

гацией украинского народа. 9 февраля в Бресте делегация Рады подписала мир с австро-немецкими империалистами. Согласно договору, империалисты Германии и Австрии становились фактическими хозяевами Украины.

II

После заключения договора австро-немецкие войска двинулись на Украину и начали устанавливать власть Центральной рады. Однако, несмотря на численный перевес австро-немецких войск, украинский народ, руководимый большевиками, оказывал мужественное сопротивление захватчикам. Оккупанты вынуждены были выдерживать на Украине тяжёлые бои. Особенно упорное сопротивление немецкие войска встретили в Донбассе, где борьбой против оккупантов руководил тов. К. Е. Ворошилов. После боёв под Купянском, Сватовом, Камышевахою, Родаковом части тов. Ворошилова пробивались к Царицыну.

Мир Центральной рады с немцами — исключительно яркое свидетельство её контрреволюционной, антинародной политики. Заключив с немцами договор, Центральная рада нанесла тяжёлый удар многовековым чаяниям украинского народа; она отрывала Украину от России, санкционировала пребывание Восточной Галиции, Северной Буковины и Закарпатской Украины под гнётом австро-венгерской монархии. Таким образом, Брестский договор ставил препятствия украинскому народу в его борьбе за воссоединение в едином украинском государстве, за объединение с русским народом в борьбе за власть Советов.

Недаром Ленин в плане своей речи на IV съезде советов, бичуя Центральную раду за этот мир, отметил, что «Винниченки = Керенские + Церетели + Черновы»¹.

В июле 1918 г. в Бресте австрийское правительство, которое из тактических соображений согласилось образовать отдельную коронную область в составе Восточной Галиции и Буковины, уничтожило этот «галицийский протокол», кстати сказать, хранившийся в глубокой тайне.

О наступлении австро-немецких войск на Украину товарищ Сталин писал, что «австро-германское нашествие имеет своей целью не только получение хлеба, но и, главным образом, — свержение советской власти на Украине и восстановление старого буржуазного режима. Это значит — не только хотят выкачать из Украины миллионы пудов хлеба, но пытаются ещё обесправить украинских рабочих и крестьян, отобрав у них кровью добытую власть и передав её помещикам и капиталистам.

Империалисты Австрии и Германии несут на своих штыках новое, позорное иго, которое ничуть не лучше старого, татарского — таков смысл нашествия с Запада». Товарищ Сталин подчеркнул, что «против иноземного ига, идущего с Запада, Советская Украина подымает освободитель-

ную отечественную войну, — таков смысл событий, разыгрывающихся на Украине»².

О том, насколько Германию интересовало получение из Украины хлеба и сырья, сохранилось много источников. Известный германский генерал Э. Людендорф в своих воспоминаниях пишет, что Германия, заключая в Бресте мир с Центральной радой, тем самым преследовала свою цель — добыть на Украине необходимый Германии и Австрии хлеб, а также сырьё³. В телеграмме германского министерства иностранных дел послу в Киеве барону А. Мумму от 26 марта 1918 г. читаем, что главная цель оккупации Украины есть «обеспечение хлебного экспорта из Украины в страны Центральной Европы». О том же говорит депеша начальника австрийского генерального штаба А. Арца фон Штраусенбурга от 13 июня 1918 г. министру иностранных дел Австро-Венгрии графу С. Буриану⁴.

Со вступлением оккупационных войск на Украину начался грабёж страны австро-немецкими империалистами. Захватчиков в этом поддерживали сперва Центральная рада, а позже — сменившее её правительство гетмана Скоропадского.

Оккупируя Украину, германские империалисты стремились также превратить её в аграрный придаток «к развитой промышленности центральных держав»; об этом писал в апреле 1918 г. Аксель Шмидт, сподвижник немецкого генерала М. Гофмана; другая цель, которой задавались немцы, состояла в том, чтобы открыть себе путь из Украины на Месопотамию, Аравию и Индию через Крым, Баку и Персию⁵.

Власть Центральной рады на Украине не имела поддержки в народе. Украинский народ был враждебен украинским националистам — власть Рады держалась только на германских и австрийских штыках. В докладе начальнику оперативного отдела германского восточного фронта о положении дел на Украине в марте 1918 г. читаем, что власть Рады «копируется теперь, как, по всей вероятности, ещё долго и в будущем, на немецкие штыки»⁶. Бессилие правительства Центральной рады отметил

² И. Сталин. Статьи и речи об Украине, стр. 40. Киев. 1936.

³ Людендорф Э. «Мои воспоминания о войне 1914—1918 гг.», Т. II, стр. 128—129, 132. М. 1924.

⁴ «Крах германской оккупации на Украине», стр. 71. «Документы о разгроме германских оккупантов на Украине в 1918 г.», стр. 26. Госполитиздат. М. 1942.

⁵ См. «Крах германской оккупации на Украине», стр. 6, 71—72. «Документы о разгроме германских оккупантов на Украине в 1918 г.», стр. 26.

⁶ Доклад начальнику оперативного отдела германского восточного фронта о положении дел на Украине в марте 1918 года. «Архив русской революции», изд. Г. Гессена. Т. I, стр. 289.

10 марта и представитель германского министерства иностранных дел в Брест-Литовске фон Бюлов¹.

Генерал Гофман в своём дневнике 12 марта 1918 г. отмечал: «Центральная рада, кроме наших войск, не имеет за собою никого»².

Руководители оккупантов не раз подчёркивали слабость Центральной рады. О том, что правительство Рады «слишком слабо», сообщал 22 марта 1918 г. своему министерству иностранных дел граф Форгач, австро-венгерский посол в Киеве. А 3 апреля, отвечая по телеграфу Форгачу, министерство квалифицировало правительство Рады как «совершенно изолированное».

5 апреля германское министерство в телеграмме своему послу Мумму констатировало, что власть Центральной рады «не простирается дальше власти наших штыков». 1 мая советник австро-венгерского посольства в Киеве Принциг сообщил министерству иностранных дел, что правительство Рады «имело лишь немногочисленных сторонников». Германский посол в Киеве Мумм в своей докладной записке рейхсканцлеру графу Гертлингу от 29 апреля писал, что правительство Рады «всё ещё не отдаёт себе отчёта в эфемерности своего положения». Ещё раньше, 19 апреля, Мумм информировал министерство иностранных дел о том, что Рада «не обладает ни силою, ни авторитетом». Тот же Мумм 12 апреля в беседе с председателем Центральной рады проф. М. Грушевским, премьером правительства УНР Голубовичем и заместителем министра иностранных дел УНР Н. Любинским, заявил, что без немецкой «военной помощи ни один из них не остался бы на своём посту»³.

Правительство Центральной рады служило ширмой для оккупантов, и они его открыто третировали. 24 апреля в Киеве на совещании руководящей верхушки австро-немецких оккупантов было решено, «сколько будет возможно, сохранять украинское правительство, которое, однако, в своих действиях должно зависеть от германского и австро-венгерского главнокомандующих». Здесь же решено было, что Рада не должна иметь своего войска, оккупанты имеют право судить украинцев в случае выступлений населения против австро-германских войск и что по указаниям оккупантов должен быть проведён ряд экономических, политических и административных мероприятий⁴.

До какой степени оккупанты третировали правительство Центральной рады, видно из

следующего. В начале апреля в Киев приехал главнокомандующий германскими оккупационными войсками фельдмаршал Эйхгорн; между тем военный министр Рады Жуковский не решился поехать на вокзал встретить фельдмаршала, так как боялся вызвать негодование населения. Однако когда представитель германского военного командования в резкой форме выразил своё неудовольствие, Жуковский покорно согласился ехать на вокзал⁵.

За помощь против украинского народа, полученную от австро-германских империалистов, Центральная рада обязалась поставить оккупантам до 31 мая 60 млн. пуд. хлеба, 2750 тыс. пуд. живого веса рогатого скота⁶, много сельскохозяйственного и промышленного сырья.

III

Вскоре всё же Центральная рада перестала быть нужной австро-немецкому командованию, украинским помещикам и буржуазии: им понадобилось другое, более для них подходящее правительство на Украине.

В начале апреля Мумм, а затем и начальник штаба германской оккупационной армии генерал Гревер поставили вопрос о замене Центральной рады другим правительством⁷. В дневнике генерала Гофмана 20 апреля 1918 г. мы читаем многозначительную запись о том, что на Украине немецким правительственным кругам «придётся поискать другое правительство»⁸. Министр иностранных дел Австро-Венгрии граф Черини тоже считал целесообразным сменить правительство Центральной рады⁹.

Среди украинских буржуазно-помещичьих кругов главную роль начали играть элементы, которые уже не прикрывались именем Раде социалистической фразеологией.

29 апреля 1918 г. в Киеве произошёл инсценированный германским военным командованием переворот, в результате которого гетманом стал крупный украинский помещик генерал Скоропадский.

В. И. Ленин, характеризуя переворот, назвал его реставрацией «буржуазно-помещичьего монархизма в Украине при поддержке кадетско-октябристских элементов всероссийской буржуазии и при помощи германских войск»¹⁰.

Товарищ Сталин указал, что «Рада» и «гетманство» с их «самостийностью» были лишь игруппкой, ширмой, удобно прикрывающей эту оккупацию, внешне «санкцио-

⁵ Там же, стр. 36—37.

⁶ «Документы о разгроме германских оккупантов на Украине в 1918 г.», стр. 65—66, 67.

⁷ «Крах германской оккупации на Украине», стр. 38, 45, 47.

⁸ Гофман М. Записки и дневник, стр. 245.

⁹ «Документы о разгроме германских оккупантов на Украине в 1918 г.», стр. 64.

¹⁰ Ленин. Соч. Т. XXX, стр. 383.

¹ «Документы о разгроме германских оккупантов на Украине в 1918 г.», стр. 16.

² Гофман М. Записки и дневники 1914—1918 гг., стр. 242. Л. 1925.

³ «Крах германской оккупации на Украине», стр. 27, 35; стр. 151, 54, 49, 42. «Документы о разгроме германских оккупантов на Украине в 1918 г.», стр. 21.

⁴ «Крах германской оккупации на Украине», стр. 49—50.

нирующей» эксплуатацию Украины австро-германскими империалистами»¹.

Крупную роль в выдвигании Скоропадского сыграли польские помещики на Украине. В докладе начальнику оперативного отдела германского восточного фронта о положении дел на Украине в марте 1918 г. указывалось, что на Украине «особую роль играют многочисленные здесь поляки и среди них, прежде всего, представители экспропрированного польского крупного землевладения. Они пытаются завязать сношения с немецкими штабами и офицерами»².

Мы находим данные о сношениях с германским командованием польских помещиков на Украине по вопросу о защите их интересов немцами в переписке германского министерства иностранных дел от 11 апреля с послом Муммом, а также в телеграмме австро-венгерского представителя в Варшаве Угрона своему правительству от 1 мая³.

Со своей стороны польские круги тоже намечали Скоропадского как подходящую фигуру для охраны «священной собственности» польских помещиков и буржуа. Скоропадский в воспоминаниях указывает, что ещё в конце 1917 г. он был приглашён в имение графини Браницкой возле Белой Церкви в Александрии. Его приезда ждали, была устроена торжественная встреча. «Эта встреча относилась не ко мне лично, а к человеку, от которого ждали, что он спасёт... Я чувствовал — эти люди уверены в том, что именно я могу их спасти и охранить», — писал Скоропадский. Позже, в 1918 г., уже после занятия Киева немецкими оккупантами, в начале апреля Скоропадский встретил в Киеве на улице князя К. Радзивилла. Последний в ответ на жалобу Скоропадского, что ему скучно без дела, сказал по-французски: «Хотите биться об заклад, что вы будете играть крупную роль на Украине?». В тот же день Скоропадский узнал, что им интересовалось немецкое командование и желает установить с ним связь. Через несколько дней эта связь была установлена⁴.

Самой существенной для Скоропадского была борьба против советской власти, против социалистической революции, против большевизма. Свободная Украина была, конечно, чужда ему. Встретившись на станции Скороходоно осенью 1918 г. с атаманом войска Донского генералом Красновым, Скоропадский наедине, «в откоро-

венной беседе», сказал: «Вы, конечно, понимаете, что я, флигель-адъютант и генерал свиты его величества, не могу быть ширить о свободной Украине». Затем он сказал: «Здесь, на Украине, мне пришлось выбирать — или самостоятельность или большевизм, и я выбрал самостоятельность»⁵.

Австрийские империалисты, у которых были некоторые расхождения с германскими империалистами⁶, хотели посадить «своего» гетмана на Украине, думая использовать Винниченко или кого-либо другого из украинских националистов.

А. Никовский, крупный украинский националистический деятель, позже министр Петлюры, рассказал, что впервые видевшийся с ним офицер австрийского штаба Герман начал говорить о симпатиях к Украине австрийского эрцгерцога Вильгельма Габсбурга и очень жаловался на германцев, что они забирают из Украины всё, а «мы (т. е. австрийцы. — Н. П.) по своей корректности погибаем от голода». 24 апреля тот же Герман, снова явившись к Никовскому, взволнованно твердил, что «всё будет хорошо». Затем он спросил, не нужен ли теперь гетман на Украине, и сообщил, что таковой в ближайшие дни будет. Когда же Никовский в свою очередь спросил, кого именно предлагают, Герман ответил, что это ещё не решено, и пытался выяснить, приемлема ли кандидатура эрцгерцога Вильгельма Габсбургского. Никовский ответил, что этого кандидата в гетманы никто на Украине не знает, и тогда Герман предложил Никовскому высказаться о кандидатурах В. Винниченко, Д. Дорошенко, И. Луценко. После неопределённых якобы ответов Никовского Герман, недовольный собеседованием, ушёл⁷.

Характерно, что после захвата власти Скоропадским так называемые социалистические партии Центральной рады не стали апеллировать к народу, звать его к вооружённой борьбе против оккупантов и

¹ Краснов П. «Все великое войско Донское». Архив русской революции. Т. VI, стр. 237. Берлин. 1922.

² Богатый фактический материал об этих расхождениях см. «Крах германской оккупации на Украине», стр. 150—162.

³ Никовский А. Як повстала Скоропадщина на Україні. «Громада». Громадсько-кооперативний і літературний народний журнал, 1919, № 6—7. Киев, стр. 14—16. В журнале фамилия Никовского как автора этой статьи не названа; есть только указание, что «автор этих воспоминаний — крупный украинский общественный и политический деятель, близкий свидетель событий, которые имели место перед переворотом». Авторство Никовского с очевидностью устанавливается тем, что цитируемые нами воспоминания указаны в списке работ Никовского (Записки історично-філологічного відділу Всеукраїнської академії наук. Кн. 2—3-я, частина офіційна, стр. 99).

⁴ И. Сталин. Статьи и речи об Украине, стр. 67.

⁵ Доклад начальнику оперативного отдела германского восточного фронта о положении дел на Украине в марте 1918 года. «Архив русской революции», изд. Г. Гессена. Т. I, стр. 289.

⁶ «Крах германской оккупации на Украине», стр. 39—40.

⁷ Скоропадський П. Уривок зі «Споминів» гетьмана Павла Скоропадського. «Хліборобська Україна». Кн. 4-я, стр. 37; кн. 5-я, стр. 73.

гетмана. Напротив, они пошли на соглашение с немецким командованием.

Яркие данные об этом приведены в воспоминаниях крупного украинского националистического деятеля и участника событий, позднее тоже министра Петлюры, А. Саликовского. Последний сообщает, что после германского переворота Центральная рада послала к высшему немецкому командованию делегацию для переговоров. Начальник штаба германских войск на Украине генерал Гренер ответил делегации известными словами: «Zu spät» («Слишком поздно»). По инициативе Главного комитета партии украинских социалистов-федералистов, было затем созвано совещание всех украинских «социалистических» партий. Это совещание также прислало немецкому высшему командованию свою делегацию. Делегация должна была предложить преобразовать Центральную раду в Государственную раду, введя в неё представителей всех слоёв общества, в первую очередь городских и земских самоуправлений, и заверить командование, что при проведении аграрной реформы никто не будет настаивать на социализации земли.

Мы видим, что украинские так называемые социалистические партии отказывались от всех своих прежних деклараций, программ, шли на все уступки, лишь бы удержать власть.

Однако и они услышали тот же ответ — «Zu spät». Что касается Центральной рады, то о ней немецкое командование скандало: «Rada war» («Рада была»), т. е. что не может быть и речи о её дальнейшем существовании в каком бы то ни было виде. Когда же делегаты выразили недовольство оглашённой Скоропадским «конституцией», Гренер ответил: «Конституция будет такая, какую напишет Herr Efrethoff¹, но Скоропадский, во всяком случае, должен остаться».

После этого совещание обсудило вопрос о конституции и даже наметило основные черты её: гетман оставался; крупное землевладение ликвидировалось, земля в качестве собственности переходила к «трудным хозяйствам», но при условии выкупа её. Одновременно с этим совещание составило список кабинета, в который должны были войти и социалисты-федералисты. Однако и этот отказ социалистических партий от своей прежней программы не оказал никакого влияния на немецкое командование. Гренер заявил, что кабинет уже составлен гетманом, для социалистических партий оставлено четыре портфеля и желающие получить их могут обратиться непосредственно к Скоропадскому².

Министр гетманского правительства, хорошо осведомлённый Д. Дорошенко писал, что на этом совещании В. Винниченко особенно горячо уговаривал социалистов-федералистов войти в кабинет гетмана,

соглашался и сам войти в состав кабинета. В состав делегации, направленной к генералу Гренеру, входили В. Винниченко, А. Андриевский, С. Ефремов, А. Салтан и К. Лосский³.

Штаб армии Эйхгорна 4 мая сообщал главнокомандующему восточного фронта: «Лидеры всех социалистических партий обратились к главному командованию, чтобы при его посредничестве войти в министерство». Социалисты-федералисты «будут играть в министерстве роль вывески». Об этих переговорах информировал своё министерство и советник австро-венгерского посольства в Киеве Принциг⁴.

Как и Центральная рада, гетман Скоропадский был только ширмой для оккупантов; власть его держалась на штыках немцев, которые бесцеремонно им командовали. 30 апреля германское министерство иностранных дел писало в Киев Мумму относительно правительства Скоропадского, что «необходимо прежде всего, чтобы правительство полностью стояло на платформе независимой от России Украины и её политической и экономической ориентации на центральные державы». 2 мая Мумм сообщил: «За спиной нового правительства стоит в первую очередь единственная авторитетная в настоящее время в стране власть — германское верховное командование».

8 мая германское министерство иностранных дел ставило в известность Мумму, что на Украине «новое правительство будет делать то, что мы считаем необходимым». Мумм так определял 9 мая политику германских оккупантов по отношению к правительству Скоропадского: «Я считаю необходимым поддерживать на Украине фикцию самостоятельного дружественного нам государства постольку, поскольку это совпадает с нашими интересами. Такая политика обусловлена многими причинами, из которых приведу следующие: необходимо считаться с общественным мнением у нас, а также в нейтральных и враждебных нам странах; необходимо считаться с авторитетом украинского правительства среди населения, который мы подорвём, если слишком резко покажем, что оно является только куклой (pup Puppe) в наших руках, а правительственные распоряжения обслуживают исключительно наши интересы». 20 мая тот же Мумм сообщил в Берлин министерству иностранных дел, что кабинет министров правительства Скоропадского «находится под постоянным контролем моим и верховного командования»⁵.

¹ Дорошенко Д. «Ілюстрована історія України 1917—1923». Т. II, стр. 54, 1923.

² «Крах германской оккупации на Украине», стр. 62—63, 151. «Документы о разгроме германских оккупантов на Украине в 1918 г.», стр. 82.

³ «Крах германской оккупации на Украине», стр. 60, 64, 65, 89—90, 122. «Документы о разгроме германских оккупантов на Украине в 1918 г.», стр. 81, 83.

¹ С. Ефремов — видный украинский националистический деятель, позднейший лидер СВУ (Сілка Визволення України).

² Саліковський О. «Нова Україна», стр. 37—39. Київ. 1919.

Правительство Скоропадского, как и правительство Центральной рады, проводило при содействии австро-немецких оккупантов реставрацию буржуазно-помещичьей собственности, политику наступления на трудящихся. По всей Украине оккупанты грабили население, захватывали и вывозили из страны сырьё, имущество. Насилия, издевательства, расстрелы, карательные экспедиции, голод, разруху, безработицу несли оккупанты Украине.

Правительство Скоропадского и он сам проводили политику, соответствовавшую классовым интересам контрреволюционной буржуазии и помещиков на Украине и в России. Позже некоторые украинские националисты пробовали утверждать, будто правительство Скоропадского было русским правительством, что украинцев в нём не было, и т. д. Однако не кто иной, как виднейший деятель правительства Скоропадского министр иностранных дел Д. Дорошенко, давнишний украинский буржуазно-националистический деятель, хорошо знакомый с ходом исторических событий, в своей полемике с Винниченко и Грушевским доказал, что кабинет Ф. Лизогуба, большую часть времени бывшего премьером при Скоропадском, преимущественно состоял из прежних украинских буржуазно-помещичьих националистических деятелей.

Из этих лиц назовём министров: Н. Василенко, члена «Старой Громады», товарища председателя Украинского научного товарищества в Киеве, члена научного товарищества им. Шевченко во Львове, сотрудника «Киевской старины», затем И. Чубинского, сотрудника журнала «Украинская жизнь», И. Кистяковского, который материально поддерживал этот журнал, издаваемый Петлюрой. Многие из министров и виднейших деятелей, кабинета Лизогуба, как Соколовский, Холодный, занимали видные посты и позже, при петлюровской директории¹. Правительство Скоропадского поддерживалось всеми украинскими националистическими партиями. Оно не только продолжало политику Центральной рады, реставрировало на Украине буржуазно-помещичьи порядки, жестоко притесняло пролетариат и крестьянство, но и поддерживало тесные связи с русской контрреволюцией. Контрреволюционный атаман Дона генерал Краснов получал поддержку от Скоропадского, на Украине формировались части для добровольческой армии генерала Деникина, отсюда шло вооружение генералу Краснову, здесь сосредоточивались буржуазия, офицеры, бежавшие из РСФСР,—все контрреволюционные элементы, готовые примкнуть к любой силе, ведущей борьбу против советской власти.

Украинские националисты повели бешеную националистическую, антирусскую пропаганду, так как понимали, какой огромной силой является стихийное тяготение

украинского народа к объединению с русским народом и стремление обоих единокровных народов к общей борьбе против общих эксплуататоров. Украинские националисты боялись этого единения, потому что оно было особенно для них опасно, при наличии в РСФСР утвердившейся советской власти.

Особый пыл и рвение в этой пропаганде проявил небезызвестный Д. Донцов, получивший от своих же соратников кличку «заржавленный гвоздь». Появившись на Украине в обозе оккупантов, он в своих выступлениях и статьях вёл яростную травлю русского народа, его культуры, его истории, нагромождая небылицу на небылицу, клевету на клевету. Одновременно с этим Донцов усиленно пропагандировал культ гетмана Ивана Мазепы, заявляя, что имя последнего должно быть дорого как символ «идеи раздела России». Конечно, при этом Донцов умалчивал факт, хорошо известный каждому историку, что имена Мазепы Украине и России в 1708 г. встретила самый решительный отпор со стороны украинского народа.

IV

Восстания на Украине против австро-немецких оккупантов, против гетмана, как и против Центральной рады, не прекращались.

Украинский народ, всегда боровшийся с захватчиками, хранивший традиции борьбы под знамёнами С. Наливайко, Тараса Федоровича, Павлюка, Д. Гуни, Богдана Хмельницкого, М. Кривоноса, И. Богуна, С. Палия, М. Железняка, И. Гонты, снова восстал против чужеземцев. В июне произошли крупные восстания на Киевщине, в Звенигородском, Таращанском, Сквирском, Уманском уездах, в августе — на Нежинщине, Полтавщине, Черниговщине.

В июле на Украине вспыхнула всеобщая железнодорожная забастовка. В знак солидарности забастовали и железнодорожники оккупированной немцами Белоруссии. Пролетариат РСФСР оказывал всемерную помощь своим братьям.

Восстания приняли такие размеры, что 17 августа австро-венгерский министр иностранных дел граф Буриан в тревожном тоне писал послу своего правительства в Киеве графу Форгачу: «Общее положение может создать необходимость вывода из Украины стоящих там в настоящее время австро-венгерских и германских войск. Этот вопрос рассматривается сейчас верховным командованием Австро-Венгрии и Германии, но пока ещё находится в стадии предварительного обсуждения»².

В борьбе против оккупантов ярко проявилось единство украинского народа, хотя сыны его, как и раньше, были отделены друг от друга искусственными границами.

20 мая 1918 г. советник австро-венгерского посольства в Киеве Принцит сообщил своему министерству иностранных дел: «От

¹ Дорошенко Д. Записки по історії 1918 року на Україні. «Хліборобська Україна». Кн. 3-я. Збірник V. Т. VI, стр. 78—82.

² «Крах германской оккупации на Украине», стр. 171. «Документы о разгроме германских оккупантов в 1918 г.», стр. 176.

многих помещиков, а также от здешнего правительства ко мне непрерывно поступают жалобы о том, что наши солдаты украинской национальности зачастую подстрекают население не выполнять приказов о сдаче оружия, возделывании полей, охране посевов и т. п. ...В связи с этим и прошу возможно скорее разрешить вопрос, нельзя ли отказаться от использования импер. и корол. войсковых частей со значительной примесью украинских элементов в тех местностях, где сельское население уже оказывало сопротивление отданным ему распоряжениям»¹.

25 июня австро-венгерский посол в Киеве Форгач сообщил в министерство иностранных дел в Вену, что среди германских оккупационных войск есть недовольство тем, что им приходится «сражаться за гетмана и против народа». Подобные же данные, сообщал далее Форгач, имеются «о славянских, особенно русинских, частях наших (т. е. австро-венгерских. — Н. П.) войск»².

Дела принимали и более крутой поворот. 28 августа Форгач писал в министерство, что 20-й австрийский стрелковый полк в Подолии, пополненный из Восточной Галиции, отказался отправиться на югозападный фронт и был усмирён силой оружия. Однако и после усмирения многие солдаты дезертировали и присоединялись к повстанцам Подолии. В конце телеграммы Форгач писал: «Я неоднократно указывал, что использование здесь наших украинских войсковых частей кажется мне нецелесообразным, так как местная атмосфера и общение с лицами родственной национальности, настроенными в аграрно-социалистическом и революционном духе, должны подействовать на них деморализующим образом»³.

Попытки Донцова и Ко загнать клин между украинским и русским народами, заставить их бороться друг против друга, не имели успеха. Провалилась также попытка германского главного командования послать на фронт против советских частей стоявший в Киеве украинский полк из бывших украинских военнопленных в Германии (известно, что эти военнопленные в течение долгого времени «обработывались» немцами и их агентами — украинскими националистами, деятелями «Союза визволення України» — в зоологически-националистическом, антирусском духе). Солдаты этого полка отказались идти на братоубийственную, антисоветскую войну и разбежались⁴.

Как ничтожно было влияние националистов, видно из того, что главные украин-

ские националистические газеты «Нова Рада» и «Відродження», по сообщению от 23 октября германского поверенного в делах в Киеве Бергема, «вынуждены были ввиду ничтожной подписки обратиться к нашему главному командованию с просьбой о субсидии»⁵.

17 ноября товарищ Сталин был поставлен во главе Революционного военного совета украинского фронта. Было создано временное рабоче-крестьянское правительство Украины. В состав этого правительства вошли гг. Ворошилов и Артём (Сергеев). Борьба против оккупантов разгорелась с новой силой. Под ударами частей Ворошилова, Щорса, Боженко, под ударами украинских партизан отступление разбитых немцев скоро превратилось в паническое бегство.

Массы добровольцев и мобилизованных украинцев стали вступать в ряды Красной Армии. Украинцы, жившие на Самарщине, ходатайствовали, чтобы их включили в ряды Красной Армии, которая борется за власть советов на Украине⁶.

В начале 1919 г. власти немецких оккупантов и их лакеев на Украине уже не было⁷.

25 лет тому назад украинские националисты продали Украину немецким захватчикам, гнусно и подло пресмыкались перед оккупантами. Великий украинский народ при помощи единокровного русского народа, под руководством партии Ленина—Сталина разгромил и изгнал из своей страны немецких захватчиков и их холопов — украинских националистов.

В наши дни немецкие хищные орды снова нагрянули на нашу страну, временно оккупировали цветущую Советскую Украину. Но как ни помогают немецким захватчикам их старые лакеи и холопы, продажные украинские националисты, сломить, поставить на колени украинский народ им не удалось. Где бы они ни объявляли себя «представителями» Украины — будь то в лакейской Гитлера или в каком-то самозванном «Украинском канадском комитете», — ответ украинского народа этим изменникам один: «Прочь грязные, продажные руки от Украины!» Украинский народ жил и будет жить в своём едином государстве — Украинской Советской Социалистической Республике — составной, неотъемлемой части великого содружества народов — Союза Советских Социалистических Республик.

⁵ «Документы о разгроме германских оккупантов в 1918 г.», стр. 193; «Крах германской оккупации на Украине», стр. 143.

⁶ См. Ленинский сборник XXXIV, стр. 69. М. 1942.

⁷ Из новых работ об оккупации немцами Украины и о народной войне против оккупантов см. Гукковский А. «Вторжение немцев в страну советов в 1918 году», «Исторические записки». Кн. 13-я, стр. 11—23, 32—39.

¹ «Крах германской оккупации на Украине», стр. 166—167.

² «Документы по истории гражданской войны в СССР», Т. I, стр. 325.

³ «Крах германской оккупации на Украине», стр. 176.

⁴ «Крах германской оккупации на Украине», стр. 166.

КУЛЬТУРА КИЕВСКОЙ РУСИ ПРИ ЯРОСЛАВЕ МУДРОМ

Д. Лихачёв

I

После того как Киевская Русь приняла христианство от Византии, православная церковь при Ярославе Мудром устанавливает формы своей организации. В 1037 г. в Киеве была образована митрополия с митрополитом-греком Феопемитом во главе. Создание в Киевской Руси церковной организации, возглавлявшейся ставленниками греческого патриархата, Византийская империя стремилась использовать для политического подчинения Руси. Борься за мировое господство и распространяя христианство среди варварских народов, Византия превращала возникавшую у них церковную организацию в проводника византийских гражданских законов, в образование, заменявшее византийское государственное управление. Все органы церковного управления Византийской империи были проникнуты идеей необходимости всемирного господства византийского императора. До самого падения Константинополя Византия постоянно пыталась привести вновь обращённые в христианство народы к признанию того, что все христиане являются одновременно и подданными императора. Осуществить это на Руси труднее. Здесь уже установилась государственная организация, а именно княжеская власть. Так как самые принципы христианского римского права Византии требовали признания власти князя и в гражданском и в какой-то мере в церковном отношении, то ставленник греков — епископ или митрополит — поневоле делил юрисдикцию с местным князем. Империя особенно заботилась отношения митрополита с князем на Руси, и она неустанно поддерживала авторитет митрополита, стараясь сделать его руководителем князя. Самого князя империя стремилась ввести в состав византийской чиновничьей иерархии, а Русскую землю превратить в византийскую провинцию, которой управляли бы назначаемые Византией митрополиты.

Таким образом, принятие христианства Русью привело к двоякого рода последствиям: с одной стороны, оно принесло Киевской Руси византийскую культуру и через посредство церкви повысило значение гражданских властей Руси, а это было жизненной необходимостью для молодого феодализирующегося государства; с другой

стороны, принятие христианства от Византии создало угрозу для политической самостоятельности Руси, опасность превращения Русской земли в провинцию Византийской империи. Но эта опасность была вовремя осознана русскими князьями.

Особенно острая борьба завязалась между молодым русским государством и Византией в годы княжения могущественного Ярослава Мудрого. Русский князь блестяще отразил все попытки Константинополя лишить русских церковной самостоятельности и превратить русскую церковь в агентуру империи. Ярославу удалось высоко поднять международный авторитет Руси и в условиях общего подъёма народного самосознания в первой половине XI в. заложить прочные основания русской политической и церковной самостоятельности, русской княжести, русского летописания, русской архитектуры и изобразительных искусств.

Византийский писатель Михаил Пселл пишет о русских, имея в виду военное столкновение Руси и империи в 1043 г.: «Это варварское племя всегда питало яростную и бешеную ненависть против греческой игомнии; при каждом удобном случае изобретая то или другое обвинение, они создавали из него предлог для войны с нами»¹.

Говоря о «яростной и бешеной ненависти» русских, Пселл имел главным образом в виду постоянные попытки русских добиться признания самостоятельности русской церкви и стать независимыми от империи. Поход Владимира Ярославича на Константинополь был кульминационным пунктом борьбы Руси в эпоху княжения Ярослава за свою культурную, гражданскую и церковную самостоятельность. Как известно, поход этот завершился поражением русских, и с нами поступили, как с бунтовщиками: пленные русские были ослеплены. Однако успех этого похода не сломил воли русских.

Военные действия против Константинополя были наиболее ярким выражением той борьбы, которую вёл вновь обращённый русский народ со своими крестителями. Эта борьба за свою самостоятельность охваты-

¹ Васильевский В. Труды. Т. I, стр. 304. СПб. 1908.

вала все области духовной культуры Киевского государства; печатью этой борьбы отмечены и литературные произведения той поры, и летопись, и бурное архитектурное строительство, и изобразительное искусство княжения Ярослава. Историческим воззрениям и политическим притязаниям на всемирное распространение светской и церковной власти Византийской империи русские противопоставили свои идеалы равноправности народов.

II

Учреждение в Киеве митрополии константинопольского патриархата, которого добился Ярослав Мудрый, было, несомненно, немалым успехом для молодого Киевского государства: оно поднимало международный престиж Русской земли. Хотя греки, давая разрешение на установление отдельной киевской митрополии, надеялись, что это поможет им полностью подчинить Русь, Ярослав рассматривал создание киевской митрополии как успех своей политики, рассчитывая добиться впоследствии полного признания независимости русской церкви от Константинополя¹.

Торжество русской политики, первый крупный политический успех в отношении с империей и свои надежды на жизненно крепкое будущее Руси Ярослав подкрепил богатым строительством: «В лето 6545. Заложил Ярославъ городъ великий, у него же града суть Златая врата; заложил же и церковь святая Софья, митрополью; и по семь церковь на Золотыхъ воротѣхъ святоя Богородице Благовещенье, по семь святого Георгия монастырь и святая Ирины» (Лаврентьевская летопись). То, что Ярослав смотрел на назначение киевского митрополита только как на первый успех своей политики, доказывается тем, что сразу же после 1037 г. Ярослав стал добиваться в Константинополе расширения прав русской митрополии и постепенного освобождения её из-под опеки константинопольского патриарха и византийского императора. Ярослав стремился к поставлению митрополита из русских и к канонизации русских святых; он вёл военные приготовления против империи и начал крупную идеологическую борьбу с византийской теорией Вселенской церкви, отождествлявшейся с вселенской империей нового Рима.

Совершенно исключительное значение в этой идеологической борьбе Ярослава имело составление Древнейшего летописного свода 1039 года².

¹ Мы не останавливаемся на спорной проблеме охридского архиепископата, в данном случае для нас несущественной. См. об этом Присёлков М. «Очерки церковно-политической истории Киевской Руси X—XII веков», стр. 33 и сл. СПб. 1913.

² См. Шахматов А. «Разыскания о древнейших русских летописных сводах». СПб. 1908. Мы пользуемся гипотетическим восстановлением свода у Шахматова. Однако к какому времени ни относить составление свода Ярослава и в каком объёме его ни восстанавливать, общий характер свода от этого не меняется.

М. Присёлков считает, что составление летописного свода 1039 г. принадлежало исключительно инициативе первого русского митрополита, грека Феопемпта, который, «вступив в управление новой митрополии цариградского патриархата, задумал целью составить летописец, где изложить возникновение киевской державы и историю установления своей митрополии»³.

Основной идеей свода 1039 г., по Присёлкову, является идея церковной и политической самостоятельности Руси. С точки зрения М. Присёлкова, «к прошлому нашей церковной истории древнейший свод 1039 г. отнёсся отрицательно, начиная её только с установления над русской церковью греческой руки патриарха»⁴. Эту свою точку зрения, высказанную им в 1913 г., Присёлков в основном повторил 27 лет спустя в «Истории русского летописания XI—XVI вв.»: «Обычай византийской церковной администрации требовал при открытии новой кафедры, епископской или митрополичьей, составлять по этому случаю записку исторического характера о причинах, месте и лицах этого события для делопроизводства патриаршего синода в Константинополе. Несомненно, новому «русскому» митрополиту, прибывшему в Киев из Византии, и пришлось озаботиться составлением такого рода записки, которая, поскольку дело шло о новой митрополии империи у народа, имевшего свой политический уклад и только вступившего в военный союз и «игемонию» империи,—должна была превратиться в краткий исторический очерк исторических судеб этого молодого политического образования»⁵.

Считаем такую трактовку вопроса в корне неправильной. По обилию исторического материала и по своим высоким художественным достоинствам Древнейший киевский свод 1039 г. никак не мог быть «запиской», предназначенной митрополитом-греком для отсылки в «делопроизводство патриаршего синода в Константинополе».

Древнейший киевский свод соединил в себе в совершенно отчётливой форме все особенности последующего киевского летописания: художественность изложения, умелое ведение диалогов, чувство юмора, острую бытовую наблюдательность, а главное, высокое патриотическое сознание летописца.

Совершенно исключительное значение для всего последующего летописания имел язык, на котором велась эта летопись,—простой, ясный, лишь в малой степени вплетавший в себя славянизмы церковной книжной речи. Выбор языка здесь отнюдь не мог совпадать с потребностями официальной «записки», предназначенной для греков в Константинополе. Русский язык Древнейшего летописного свода не только не

³ Присёлков М. «Очерки церковно-политической истории Киевской Руси X—XII веков», стр. 82.

⁴ Там же, стр. 84.

⁵ Присёлков М. «История русского летописания XI—XVI веков», стр. 26. Л. 1940.

соответствовал этим потребностям митрополита-грека, который, конечно, составил бы его по-гречески или по-болгарски, но стоял в разительном противоречии с языком большинства одновременных ему западноевропейских хроник, составлявшихся на чуждом и непонятном народу латинском языке.

Поразительно стремление летописца как можно шире и полнее представить ход русской истории не только с момента принятия христианства от империи (как думает М. Присёлков)¹, но и значительно раньше. Летописец предпринимает свой труд с изумительной для своего времени исторической пытливостью. В круг исторических источников первого летописного свода включаются памятники материальной культуры прошлого, данные языка, письменные произведения предшествующей поры, документы и рассказы очевидцев, народные песни и легенды. Составитель Древнейшего свода указывает урочища, рвы и могилы, сохранившиеся от времён минувших (могила Игоря у Искоростена, становища, ловища, перевесища и сёла Ольги, могила Олега Святославича у города Вручого, развалины болгарских городов, разорённых Святославом, и др.). Приводит летописец и пословицы и поговорки, имеющие историческое происхождение. Летописец как бы запросто беседует со своим читателем, напоминает ему о том, что он и сам может знать, будит его любознательность, сообщает ему попутно сведения географические, этнографические и т. п.

Ещё одна черта составляет своеобразие Древнейшей русской летописи, черта, совершенно необъяснимая, если предположить, что летопись писалась враждебной русским рукой грека: это крепкая связь летописания с фольклором. Изложение русской истории начинается здесь с легенды о водворении местного княжеского рода среди полян. На основании исторических песен в Своде рассказывается о походе Олега, в частности о походе его на Константинополь, о шите, прибитом им на вратах Константинополя в знак победы русских над греками, о смерти Олега от укуса змеи. По народным преданиям, в Своде давались характеристика Святослава, рассказ о его походах и т. д.

Чисто народный юмор, неприличный и непонятный в официальном отчёте митрополита патриарху, но вполне уместный в летописи, звучит то в каламбуре по поводу радимичей, потерпевших поражение на реке Пищане от воеводы Волчий Хвост («темя Русь корягья Радимичем, глаголюще: «Пищаньци вълчия хвоста бегают»², то в юмористическом изображении сетований дьявола при крещении Руси³, то в передаче насмешек над тучным польским королём Болеславом («да то ти прободемъ трескою чрево твое тълстое»⁴). Юмор этот

теснейшим образом связан с наблюдательностью летописца, с умением рассказать в лицах историческое событие, дать краткие и выразительные характеристики.

Но самым разительным в работе составителя Древнейшего свода является тот патристический подъём, который руководил им при описании подвигов русских князей. Составитель Древнейшего киевского свода кратко и ярко обрисовал образы бесстрашного, неутомимого в походах богатыря — князя Святослава⁵, — вещего Олега, мудрого князя Ярослава. Светлым образом князей — победителей врагов земли Русской — противопоставлены образы предателей; их летописец рисует самыми чёрными красками. Полон драматизма рассказ о бегстве предателя и братоубийцы Святополка «в пустыню межю Ляхы и Чехы».

Очень часто летописец характеризует греков резко отрицательными чертами. Так, он рассказывает о попытках греков отравить воинов Олега, обмануть Святослава. Говорит летописец и о дани, которой обложил Святослав греков. Всё это отнюдь не свидетельствует о грекофильской точке зрения на русскую историю.

Центральное событие Свода — крещение Руси и Владимира. В изображении этого события летописец вовсе не отделяется только «красивою, но бессодержательною болгарскою легендою», как утверждает М. Присёлков⁶. Владимир вовсе не был убеждён «красноречием грека-проповедника»⁷, а свободно, по своей воле и помимо влияния греков, избрал византийское христианство среди других религий — как раз это и подчёркивает летопись; в ней указывается, что Владимир мог принять любую религию: магометанскую, еврейскую, католицизм, — но избрал восточное православие по своему личному усмотрению, а не по греческой указке. Кстати, подтверждение этому можно найти в «Слове о законе и благодати», автора которого — Илариона — вряд ли можно заподозрить в грекофильской тенденциозности. Владимир пришёл к Христу «токмо от благаго помысла и остроумия»⁸, — пишет Иларион.

Образ Владимира и его характеристика в Своде как бы готовят характеристику Ярослава. Владимир вспахал землю и сделал её мягкой, т. е. просветил крещением, Ярослав засеял сердца верующих людей книжными словами, а мы, русские, «новые христиане», пожинаем — такую историческую концепцию Свода. Похвала Ярославу составляет торжественную заключительную часть Свода.

Центральная идея Свода — превосходство христианства над язычеством и «новых людей» — русских — над прежними «неве-

¹ Там же, стр. 546—547.

² Присёлков М. «Очерки церковно-политической истории Киевской Руси X—XII вв.», стр. 82.

³ Там же.

⁴ «Памятники древнерусской церковно-учительной литературы» (в дальнейшем «Памятники»). Вып. 1-й. Под ред. проф. А. Пономарёва, стр. 72. СПб. 1894.

¹ Присёлков М. «Очерки церковно-политической истории Киевской Руси X—XII вв.», стр. 82.

² См. Шахматов А. Цит. соч., стр. 556—557.

³ Там же, стр. 562.

⁴ Там же, стр. 577.

гласами». Идея эта объединяет единым настроением всё изложение Свода, заканчивавшееся тенденциозной концовкой.

В каком бы составе ни восстанавливать Свод Ярослава, к какому бы году княжения Ярослава его ни относить, совершенно ясно, что начало русского летописания не было созданием митрополита-грека.

Свод 1039 г., несомненно, был написан по заданию самого Ярослава и входил в круг его книжных предприятий, о которых летописец писал: «И бѣ Ярославъ любя църквѣныя уставы, попы любяше по велику, излиха же чьрноризцѣ и кѣнигамъ прилежа, почитая я часто въ нощи и въ дьне. И събра писецѣ мѣногы и прекладаше съ ними отъ Грьчьска на Словенское письмо, и съписаша кѣнигы мѣногы, имже поучашеся вѣрнии людие наслаждаются учения божьствьнаго. Ярославъ же, кѣнигы мѣногы написавъ, положи въ святѣи сей църкѣви, юже създа самъ»¹.

Самая идея составления русской истории, русской летописи, говорит о том, что уже в эпоху Ярослава у русского народа было высоко развито сознание его равноправности с другими народами Европы.

«Летопись — это один из самых ярких показателей высоты древнерусской культуры, — пишет акад. Б. Греков. — Это не просто погодная запись событий, как часто приходится слышать и читать, это законченный, систематизированный труд по истории русского народа и тех нерусских народов, которые вместе с русским народом были объединены в одно Киевское, русское государство»².

Свод Ярослава был тем дипломатическим и юридическим актом, которым русские заявили о своём равноправии всем народам Европы.

III

Идеологические тенденции Древнейшего летописного свода перекликаются с идеями «Слова о законе и благодати» пресвитера загородной дворцовой церкви Ярослава в Берестове — Илариона.

Тема «Слова» — тема равноправия народов — резко противостоит средневековым теориям богоизбранности лишь одного народа, теориям всемирной империи или Вселенской церкви. Иларион указывает, что евангелием и крещением бог «все языки (народы. — Д. Л.) спасе»³, прославляет русский народ и резко полемизирует с учением об исключительном праве на всемирное господство Нового Рима — Византии.

Идеи эти изложены в «Слове» с пластической ясностью и исключительной конструктивной цельностью. Точность и ясность замысла отчётливо отразились в самом названии «Слова»: «О законѣ Моисеомъ данѣемъ, и о благодати в истинне Иисусъ

Христомъ бывшимъ, и како законъ отъиде, благодать (же) и истина всю землю исполни, и вѣра въ вся языки прострѣся и до нашего языка (народа. — Д. Л.) русьскаго, и похвала катану нашему Владимиру, от него же крещени быхом (и молитва къ Богу отъ всеа земли нашеа)»⁴.

Первая часть произведения касается основного вопроса исторических воззрений средневековья — вопроса взаимоотношения двух заветов: Ветхого и Нового, «закона» и «благодати». Взаимоотношение это рассматривается Иларионом в обычных символических схемах христианского богословия, в последовательно проведённом символическом параллелизме. Символические схемы этой части традиционны. Ряд образов заимствован из византийской богословской литературы. В частности неоднократно отмечалось влияние «Слова» Ефрема Сирина на Преображение⁵. Однако самый подбор этих традиционных символических противопоставлений оригинален. Иларион создаёт собственную, патристическую концепцию всемирной истории. Он нигде не упускает из виду основной своей цели: перейти затем к прославлению Русской земли и её «просветителя» Владимира. Иларион настойчиво выдвигает всемирный, универсальный характер христианства, Нового завета — «благодати» — сравнительно с национальной ограниченностью Ветхого завета — «закона». «Закон» сопоставляется с тенью, светом луны, ночным холодом, «благодать» — с солнечным сиянием, с теплотой. Взаимоотношение людей с богом раньше, в эпоху Ветхого завета, устанавливалось началом рабства, несвободного подчинения — «закона», в эпоху же Нового завета — началом свободы — «благодати». Время Ветхого завета символизирует образ рабыни Агари, время Нового завета — свободной Сарры.

Противопоставляя Новый завет Старому, Иларион придаёт особое значение национальному моменту. Ветхий завет был замкнут в еврейском народе, а Новый имеет всемирное распространение: христианство, как вода морская, покрыло всю землю, и ни один народ не может хвалиться своими преимуществами в делах религии. Всемирная история представляется Илариону как постепенное расширение христианства среди всех народов мира, в том числе и в русском народе. Развивая эту мысль, Иларион явно полемизировал с идеями византизма, противопоставляя им новое учение, резко расходившееся с притязаниями средневековья на универсализм светской и церковной власти. «Оправдание иудейско скупю бѣ зависти ради, не бо ся простираше въ иныя языки (народы. — Д. Л.), но токмо в иудеи бѣ единой, христианыхъ же спасение благо и щедро, простираяся на вся края земляныя»⁶.

¹ Шахматов А. Цит. соч., стр. 583.

² Греков Б., акад. «Развитие исторических наук в СССР за 25 лет». «Под знаменем марксизма» № 11—12 за 1942 г., стр. 121.

³ «Памятники...». Вып. 1-й, стр. 59.

⁴ Там же.

⁵ Впервые установлено С. Шеврёвым в «Истории русской словесности». Ч. 2-я, стр. 26. М. 1860.

⁶ «Памятники...», стр. 62.

По мнению исследователя «Слова» И. Жданова, митрополит Иларион привлекает образы иудейства, Ветхого завета только для того, чтобы «раскрыть посредством этих образов свою основную мысль о призвании язычников: для нового вина нужны новые мехи, для нового учения нужны новые народы, к числу которых принадлежит и народ русский»¹. Сама по себе эта мысль была явно направлена против идеалов византизма. Поэтому во многих из укоров Ветхому завету можно видеть прямые укоры Византии, стороннице не свободного, а рабского наделения христианством.

Прямую угрозу по адресу Константинополя звучали напоминания Илариона о конечном разорении Иерусалима за стремление замкнуть в себе дело религии.

Итак, подчёркивая и настойчиво варьируя свою мысль о преимуществах новых народов перед старыми, о награждении меньших перед большими, о разрушении Иерусалима за ограничение божественного откровения, Иларион явным образом имел в виду греко-русские отношения своего времени. «Слово» родилось в обстановке подготовки военного похода на Константинополь Владимира Ярославича или непосредственно вслед за ним², в обстановке противодействия греков канонизации Владимира I³. В этой же обстановке возникли и «Память и похвала князю Владимиру» Иакова Мниха и вышедшая из грекофильской среды корсунская легенда⁴. «В судьбах новых народов «сбывается», что в символических образах представлено в истории ветхозаветной,— писал о «Слове» акад. И. Жданов.— Нужно только понимать эти образы: «да разумеешь, иже чтешь»⁵.

Во второй части «Слова» Иларион сужает свою тему и переходит к описанию того, как распространилось христианство по Русской земле: «Въра бо благодатная по всей земли распротрѣся и до нашего языка русьскаго доиде... Се бо уже и мы съ всѣми христианы славимъ Святую Троицу»⁶. Русь равноправна со всеми странами и не нуждается ни в чьей опеке: «Вся страны благый Бог помилова, и нас не презрѣ, въсхотѣ и спасе ны и въ разумъ истинный приведе»⁷. Воззрения русских, подчёркивает Иларион, диаметрально противо-

ложны национально-исключительным воззрениям греков: «а не іудейскы хулимъ, но хрестьянскы благословимъ, не съвѣта творимъ, якоже распяти, но яко распятому поклонитися»⁸.

Патриотический и полемический пафос «Слова» растёт по мере того, как Иларион описывает успехи христианства среди русских. Пафос этот достигает высшей степени напряжения в третьей части «Слова», посвящённой прославлению Владимира I Святославича.

Органическим переходом от второй части к третьей служило изложение средневековой богословской идеи, что каждая из стран мира имела своим просветителем одного из апостолов. Есть и Руси кого хвалить, кого признавать своим просветителем: «Похвалимъ же и мы, по силѣ нашей, малыми похвалами великая и дивная сътворшаго, нашего учителя и наставника, великаго кагана наша земля Владимира, внука старого Игоря, сына же славнаго Святослава»⁹. Упомянув Игоря и Святослава, Иларион хочет сказать, что Русская земля и до Владимира была прославлена повсеместно — в ней и до Владимира были замечательные князья. Оба эти князя «въ своя лѣта владычествующа, мужьствомъ же и храбрьствомъ прослуша (прославились.— Д. Л.) в странахъ многихъ и поминуются нынѣ и словуть (славятся.— Д. Л.)»¹⁰. Владимир — это только «славный отъ славныхъ», «благородный из благородныхъ»¹¹. Иларион описывает далее военные заслуги Владимира: Владимир «единодержецъ бывъ земли своей, покоривъ под ея округныя страны, овы миромъ, а непокоривыя мечемъ»¹². Силу и могущество русских князей, славу Русской земли, «единодержавство» Владимира и его военные успехи Иларион описывает с намерением показать, что могущественный Владимир принял христианство не по принуждению, а в результате свободного выбора. Подчёркивая, что крещение Руси было личным делом одного только князя Владимира, так как это позволяло ему соединить в своём лице «благочерна с властью», Иларион явно полемизирует с точкой зрения греков, приписывавших себе инициативу крещения «варварского» народа.

Затем Иларион переходит к описанию личных качеств Владимира и его заслуг, явно желая указать на необходимость канонизации Владимира, против которой возражали греки. Довод за доводом приводит Иларион в пользу святости Владимира: он уверовал в Христа, не видя его¹³; он неустанно творил милостыню; он очистил свои прежние грехи этой милостыней; он крестил русь—славный и сильный народ—

¹ Жданов И. Соч. Т. I, стр. 80.

² Общее оптимистическое, жизнерадостное содержание «Слова», настроение торжества, повидимому, свидетельствует о том, что «Слово» возникло до похода Владимира Ярославича в 1043 году.

³ См. об этом Присёлков М. «Очерки церковно-политической истории Киевской Руси X—XII веков», стр. 66 и сл.

⁴ См. ст. Шахматова А. в Сборнике статей в честь В. И. Ламанского. Ч. 2-я. СПб. 1906; рец. Шестакова в «Журнале министерства народного просвещения». Новая серия. Ч. 13-я, январь 1908 г.

⁵ Жданов И. Соч., Т. I, стр. 19

⁶ «Памятники...», стр. 67.

⁷ Там же.

⁸ Там же, стр. 68. (Исправляю, в тексте опечатки издания.— Д. Л.)

⁹ Там же, стр. 69—70.

¹⁰ Там же, стр. 70.

¹¹ Там же.

¹² Там же.

¹³ Там же, стр. 72.

и тем самым равен Константину, крестившему греков. Пространно описав просветительство Владимира, новую Русь и «славный град» Киев, Иларион обращается к Владимиру с призывом восстать из гроба и посмотреть на плоды своего подвига.

За третьей, заключительной частью «Слова» следовала молитва к Владимиру, проникнутая патриотическим подъёмом, патриотическою мыслью. «И донелиже стоять мръ, — обращался Иларион в ней к богу, — не наводи на ны (т. е. на русских. — Д. Л.) напасти искушения, ни предай насъ в руки чуждихъ (т. е. врагов. — Д. Л.), да не прозовется градъ твой (Киев. — Д. Л.), градъ плъненъ, и стадо твое (русские. — Д. Л.) пришельцы в земли не своей»¹.

Итак, истинная цель «Слова» Илариона не в догматико-богословском противопоставлении Ветхого и Нового заветов, как думали некоторые его исследователи²: по выражению В. Истрина, это «учёный трактат в защиту Владимира»³. Иларион прославляет Русь и её «просветителя» — Владимира. Византийской теории Вселенской церкви и Вселенской империи Иларион противопоставил своё учение о равноправности всех народов, свою теорию всемирной истории, как постепенного и равного распространения цивилизации среди всех народов.

Впоследствии, когда Иларион принял сан митрополита без санкции Константинополя, единственно по выбору русских епископов, он тем самым выступил против гегемонии Византии, уже на практике доказывая, что русская церковь — церковь свободы, а не рабства, что Киев равноправен Константинополю.

IV.

А. Шахматов установил ту связь, которая существовала между началом русского летописания и постройкой Софии Киевской⁴. Аналогичную связь можно установить между «Словом» Илариона и Софией. Архитектура эпохи Ярослава входит как существенное звено в единую цепь культурных явлений Киевской Руси начала XI века.

«Слово» Илариона составлено между 1037 и 1050 годами. М. Присёлков сужает эти хронологические веки до 1037—1043 гг.; он считает, и, повидимому, правильно, политический оптимизм «Слова» доказательством в пользу того, что «Слово» составлено до 1043 г., т. е. до несчастного похода Владимира Ярославича⁵.

¹ «Памятники...», стр. 78.

² Мнение это опроверг И. Жданов в 1872 году. См. его Соч. Т. I, стр. 1—80.

³ См. Истрин В. «Очерк истории древнерусской литературы», стр. 131. П. 1922.

⁴ Шахматов А. «Разыскания о древнейших русских летописных сводах», стр. 416.

⁵ Присёлков М. «Очерки церковно-политической истории Киевской Руси X—XII вв.», стр. 98.

Трудно предполагать, что «Слово» Илариона, значение которого равнялось значению настоящего государственного акта, государственной декларации, было произнесено не в новом, только что отстроенном Ярославом храме Софии — центре русской самостоятельной митрополии, пышности которого удивлялись современники. Против произнесения «Слова» в Десятинной церкви, как уже было отмечено исследователями, свидетельствует то место «Слова», где Иларион, говоря о Владимире, ссылается на Десятинную церковь как на некий другой храм, где похоронен Владимир: «Добръ послухъ благовѣрью твоему (Владимира. — Д. Л.) о блаженниче, святаа церкви, святая Богородица Марія... идѣже мужъствоное твое тѣло лежит»⁶. Присутствие Ярослава и жены его Ирины на проповеди Илариона, отмеченное в «Слове»⁷, прямо указывает на Софию, как на место, где было произнесено «Слово». София была придворной церковью и соединялась лестницей с дворцом Ярослава. Именно в Софии мог найти Иларион то «презѣлиха» насытившееся «сладоу книжна»⁸ общество, для которого, как он сам говорит в «Слове», он предназначал свою проповедь. Ведь именно Софию сделал Ярослав центром русской книжности, собрав в ней «письце мѣногы» и «кѣниги мѣногы»⁹.

Если «Слово» было действительно произнесено в Софии, то тогда понятны восторженные отзывы «Слова» о строительной деятельности Ярослава и о самой Софии. Иларион говорит, что подобно храму, «дивна и славна», «не обрщется въ всемъ полунощи земѣмъ отъ востока до запада»¹⁰.

Можно ещё более точно установить, где была произнесена проповедь Илариона. Известно, что в Византии царь и царица в своих придворных церквях слушали богослужение, стоя на хорах: царь — на правой, а царица — на левой их стороне. Можно считать установленным, что на Руси этот обычай существовал до середины XII века. Здесь, на хорах, князь принимал участие, здесь устраивались торжественные приёмы, хранились книги и казна. Вот почему, до тех пор пока на Руси держался этот обычай, хоры в княжеских церквях отличались обширными размерами, были ярко освещены и расписаны фресками на соответствующие сюжеты. Очевидно, именно здесь, на хорах, и было произнесено «Слово» Илариона в присутствии Ярослава, Ирины и работавших здесь книжников.

Росписи Софии и, в частности, хоры Софии представляют собой любопытный комментарий к «Слову» Илариона.

К X и XI вв. росписи храмов выработались в сложную систему изображения мира, всемирной истории и «невидимой церкви».

⁶ «Памятники...», стр. 74.

⁷ Там же.

⁸ Там же, стр. 60.

⁹ Шахматов А. «Разыскания...», стр. 583.

¹⁰ «Памятники...», стр. 74.

Это следует сказать и о храме Софии Киевской. Фрески и мозаики Софии воплощали в себе весь божественный план мира, всю мировую историю человеческого рода. Эта история человечества обычно трактовалась в средние века как история Ветхого и Нового заветов. Противопоставление Ветхого и Нового заветов — основная тема росписей Софии. Оно же исходная тема и «Слова» Илариона. Следовательно, произнося свою проповедь, Иларион непосредственно исходил из темы окружающих изображений. На хорах были те сцены Ветхого завета, персонажи которых подавали наибольший повод для размышлений Илариона: «Встреча Авраамом трёх странников», «Гостеприимство Авраама», а также «Жертвоприношение Исаака» и др.

Для средневековой проповеди установилась традиция исходить из символического толкования устройства церкви, ссылаться на её название в честь того или иного события, божества, святого, аллегорически толковать находящиеся в ней изображения. Таким образом, Иларион символически и патристически толкует название и живопись в храме Софии. Благодаря этому проповедь его многое приобретала в образности и убедительности.

В средние века отвлечённые понятия очень часто отождествлялись с их материальным выражением. Русские, говоря о иерусалимской церкви как о патриархии, имели в виду храм Воскресения в Иерусалиме. Так например митрополит Феодосий писал в своём послании 1464 г.: «Сионъ всем церквамъ глава, мати суще всему православию»¹. Точно так же на Руси постоянно отождествлялась константинопольская патриархия с константинопольским храмом Софии. Именно поэтому захват Константинополя турками и превращение храма Софии в мечеть для русских стали равнозначным падению греческой церкви, падению константинопольской патриархии. Поэтому они и перестали признавать константинопольского патриарха, а признали в иерусалимской церкви (т. е. в храме Воскресения) главу всех православных церквей².

Такое же точно смешение понятия церкви, как организации, с храмом было свойственно и для эпохи Ярослава³. Строя храм Софии в Киеве, Ярослав «строил» русскую митрополию, русскую самостоятельную церковь. Называя вновь строящийся храм тем же именем, что и главный храм греческой церкви, Ярослав как бы бросал ей вызов, претендуя на равноправие русской церкви с греческой церковью. Самые размеры и великолепие убранства Софии становились непосредственными доказательствами силы и могущества русской церкви, её права на самостоятельное существование. Отсюда ясно, какое важное по-

литическое значение имела постройка Киевской Софии — русской «митрополии», — а вслед за ней и Софии Новгородской.

Торжественное, монументальное зодчество времён Ярослава, чёткая делимость архитектурного целого, общая жизнерадостность внутреннего убранства, обилие света, продуманная система изобразительных композиций, тесно связанных с общими архитектурными формами, — всё это было живым воплощением идей эпохи, широких и дальновидных надежд лучших людей того времени на блестящее будущее русского народа. Отождествление русской церкви с храмом Софии Киевской вело к обязательному подчинению всей архитектуры этой патрональной святыни Русской землей идее независимости русского народа и его равноправности народу греческому.

Итак, русская литература эпохи Ярослава, русская историческая мысль, русская архитектура, русское изобразительное искусство этого периода были подчинены общим патристическим задачам: утвердить равноправие русского народа среди других народов мира.

Первая русская летопись — «Слово» Илариона явились блестящим выражением того народно-патристического подъёма, который охватил Киевское государство в связи с общими культурными успехами Руси.

Тем же духом проникнуты и грандиозное строительство эпохи Ярослава и её великолепное изобразительное искусство. Общая черта византийской архитектуры этой эпохи — чёткая делимость архитектурных масс, обширные внутренние пространства, обилие света, конструктивная ясность целого, роскошь внутреннего убранства, органическая связь мозаики и фресок с архитектурными формами — пришлась как нельзя более под стать жизнерадостному духу русской культуры того времени. Эпоха Ярослава была вся обращена к будущему, полна уверенности в славной исторической миссии русского народа.

Отчасти поэтому, может быть, культура эпохи Ярослава так легко впоследствии вошла к культуру древней Руси как определяющая и важнейшая её часть. Свод Ярослава лёг в основу всего последующего русского летописания, определив его содержание и стиль. «Слово» Илариона получило широкую популярность и отражено не только во многих произведениях древнерусской письменности, но и письменности славянской. Влияние «Слова» Илариона и особенно двух последних, наиболее патристических частей его проявилось в проложной похвале Владимиру (XII—XIII вв.), в Ипатьевской летописи (похвала Владимиру Васильковичу и Мстиславу Васильковичу), в житии Леонтия Ростовского (XIV—XV вв.), в произведениях Епифания Премудрого (в житии Стефана Пермского) и др. «Слово» Илариона повлияло даже на народное творчество. Та часть «Слова», где Иларион обращался к Владимиру с призывом встать из гроба и взглянуть на покинутый им народ, на своих наследников,

¹ Акты исторические, I, № 78, стр. 128.

² Там же, стр. 128. «Послание митрополита Феодосия 1464 года».

³ Это очевидно и из «Исповедания веры» самого Илариона. Прибавление к творениям св. отцов. Т. II, стр. 255.

на процветание своего дела, стала излюбленной схемой народных плачей о царях (о Грозном, о Петре). Наконец, за русскими пределами «Слово» Илариона отразилось в произведениях хиландарского сербского монаха Доментиана (XIII в.) — в двух его житиях — Симеона и Саввы¹. Молитва Илариона, завершавшая «Слово», повторялась во все наиболее критические моменты древнерусской жизни. Строки её с мольбой сохранить независимость Русской земли прозвучали в грозные годы вражеских нашествий.

Архитектура эпохи Ярослава, так же как и книжность, обращена к будущему Русской земли. Грандиозные соборы Ярослава в Киеве, в Новгороде и в Чернигове были задуманы как палладиумы этих городов. Замысел Софии Киевской был проникнут идеей равноправности Руси Византии, как и вся политика эпохи Ярослава, основанная на стремлении создать свои собственные, независимые от империи центры книжности, искусства, церковности. София в Киеве, церковь Спаса в Чернигове, София в Новгороде остались самыми крупными и роскошными церковными постройками в этих городах на всём протяжении русской истории, до самого XIX века. София Новгородская никогда не была превзойдена в Новгороде ни в своих размерах, ни в пышности своего внутреннего убранства, ни в торжественно монументальных формах своей архитектуры.

Знаменательно, что вся культура эпохи Ярослава отличается необычайной цельностью. Между искусством и литературой существовали прочные взаимосвязи. Все стороны культурной деятельности первых лет XI в. проходят под знаком общности идей и тесного взаимопроникновения политики, архитектуры, живописи, книжности.

¹ См. Петровский М. «Иларион, митрополит киевский и Доментиан — неромонах Хиландарский». Известия ОРЯС. Кн. 4-я за 1908 год.

При Ярославе высоко вырос международный авторитет Киевского государства. Об этом же свидетельствуют обширные политические связи Киевской Руси со всеми европейскими государствами. Сам князь Ярослав Мудрый был связан со всеми дворами Европы. Он был женат на Инггерде — дочери шведского короля Олафа. Старшая дочь его была замужем за французским королём Генрихом I (известно, что она была высокограмотна и начитанна, тогда как её супруг — французский король — был неграмотен) и была одно время, по малолетству своего сына Филиппа I, регентом Франции; вместе со своим несовершеннолетним сыном она подписывала французские государственные документы. Средняя дочь, Анастасия, была замужем за венгерским королём Андреем I. Сын Ярослава Всеволод был женат на греческой царевне Анне; он был высокообразован и владел пятью иностранными языками. Сын Изяслав был женат на сестре польского короля Казимира. Упорно добивался руки дочери Ярослава — Елизаветы — знаменитый викинг Гаральд Строгий, впоследствии норвежский король, подвиги которого гремели по всей Европе.

Внешний облик Киева, его замечательное искусство, развитие ремёсел, обширная мировая торговля соответствовали международному авторитету Киевского государства при Ярославе, его обширным связям со странами Востока и Запада.

Княжение Ярослава было временем блестящего начала широкого подъёма русской культуры. Культура времени Ярослава вся была устремлена вперед — к будущему; она была полна мыслей об историческом значении русского народа, полна уверенности в его светлом будущем. Интенсивная деятельность русских книжников, переводчиков, летописцев, зодчих, художников этой эпохи имела огромное значение для всего последующего культурного развития древней Руси.

НАРОДНОЕ ВОССТАНИЕ ПРОТИВ НЕМЦЕВ В ЭСТОНИИ В 1343—1345 гг.

Проф. Х. Круус

I

Пресловутое германское наступление на восток (*Draug nach Osten*), провозглашённое немецкими националистическими историками и фашистскими идеологами как главная «историческая миссия» немецкого народа и вместе с тем как его крупнейшее историческое достижение в средние века, в действительности является одной из позорнейших и гнуснейших страниц в истории человечества. В начале XIII в. оно захватило в свои кровавые клещи также и эстонский народ.

До этого наступления эстонцы занимали свою теперешнюю территорию между Балтийским морем, Финским заливом и Чудским озером свыше тысячи лет. В течение этого времени окончательно завершился переход населения к оседлому образу жизни, к скотоводству и земледелию. В связи с этим произошло размещение населения в наиболее удобных для земледелия районах, выросли новые народнохозяйственные центры, образовалась дорожная сеть и т. п. Благодаря удобному географическому положению страны в ней широко развернулась торговля, о размерах которой свидетельствует хотя бы тот факт, что наши археологические находки насчитывают свыше 10 тыс. монет периода VIII—XII вв. (из них 4 тыс. прирейнского и такое же количество арабского происхождения). О зажиточности местного населения свидетельствуют показания немецкого летописца Генриха Латвийского. Эстонский народ сумел создать высокую самобытную национальную культуру, остатки которой и после немецкого завоевания сохранились в богатейшем фольклоре.

Эстонский народ стал жертвой агрессии прибывших из-за моря немецких захватчиков в 1208 г., после того как немцы покорили южных соседей эстонцев — ливов и латышей. Целых два десятилетия эстонцы защищали свою свободу и независимость, свою землю и достоинство с замечательным героизмом и с неослабевающей волей к борьбе.

В ходе этой борьбы глава немецкой колонии в Прибалтике рижский епископ

Альберт, стеснённый эстонцами и их союзниками — русскими, — побудил датского короля Вальдемара II к вторжению в северную Эстонию, надеясь таким образом утвердить своё господство хотя бы в южной части эстонской земли. Дании удалось занять три северных района Эстонии: уезды Рявьяля, Харью и Виру. Но в 1227 г. датские владения в Эстонии были оккупированы немецким рыцарским Орденом меченосцев. Только в 1238 г. Дании удалось при содействии папской власти вернуть прежние владения в Прибалтике. Десятилетний период орденской оккупации в районах Харью и Виру имел важные последствия: Орден в течение этого времени роздал большую часть земель во владение немецким вассалам, которые к моменту восстановления датской власти составляли свыше 80% общего числа вассалов в этих районах. Сословно-корпоративное сплочение немецких вассалов в датских владениях в Эстонии было значительно сильнее, чем в других частях Прибалтики. Власть датского короля в этой далёкой заморской провинции была чисто номинальная; фактическими властелинами в стране были немецкие вассалы. Этот факт нельзя упускать из виду при выяснении обстоятельств возникновения эстонского народного восстания 1343 года.

После восстановления датской власти в Прибалтике и соединения Ордена меченосцев с Тевтонским орденом (1237) были окончательно разграничены сферы господства отдельных чужеземных захватчиков в Эстонии. Дания получила северную часть страны — районы Харью и Виру. Из Ляянемаа, расположенного к западу от Харью, и островов — Сааремаа и Хиумаа — было образовано особое Ляяне-Сааремааское епископство. На территории бывшего Уганди, занимавшего восточную часть южной Эстонии, было основано Тартуское епископство. Западный район южной Эстонии и центральная часть страны, в том числе Ярвамаа, подпали под власть Ливонского ордена. Кроме того Орден приобрёл ещё значительные владения в Ляяне-Сааремааском епископстве.

Ко времени восстания XIV в. господство чужеземных захватчиков в Эстонии имело за собой уже более чем столетнюю историю. В течение этого периода в стране была проведена христианизация эстонского народа. Однако христианство, проповедуемое на чужом языке, продолжало оставаться в глазах народа ненавистным символом иноземного ига.

Начиная с последних десятилетий XIII в. особую роль в ухудшении положения порабощенного народа стали играть немецкие вассалы. Они, так же как и члены Ливонского рыцарского ордена, происходили в подавляющем большинстве из Германии. Вербовались они главным образом из крестоносцев, которые прибывали в Прибалтику в надежде на лёгкую наживу. Особенно велика была роль вассалов в епископствах и датских владениях Эстонии, где они составляли главную часть войска своего сеньера. Из этих вассалов и образовалось местное немецкое дворянство, которое, сплотившись в сословные корпорации, впоследствии составило главнейшее ядро балтийско-немецкой социальной верхушки в стране.

В связи с насильственным отчуждением крестьянских земель под поместья вассалов и увеличением барщинных повинностей крестьян особенно усиливался антагонизм между немецкими вассалами-помещиками и коренным населением—крестьянами.

Загнанный иноземными захватчиками в жалкие, подневольные условия существования, эстонский народ, однако, не потерял воли к жизни и к борьбе. Воспоминания о былой политической самостоятельности, предания о великой освободительной войне предков против ненавистных захватчиков сохранились в эстонском народе и побуждали его на борьбу с иноземными угнетателями.

В такой обстановке и вспыхнуло в 1343 г. одно из наиболее грозных восстаний эстонского народа, которое является самой крупной попыткой народов Прибалтики свергнуть ненавистное иго немецких оккупантов. Восстание это вспыхнуло 23 апреля, в день св. Юрия, и поэтому известно в истории под названием «восстания в Юрьеву ночь».

II

О восстании в Юрьеву ночь 1343 г. осталось довольно много сведений в исторических источниках. Несмотря на это исследователь, старающийся создать объективную, правдивую и достаточно детальную картину этого восстания, наталкивается на значительные затруднения, обусловленные тенденциозностью этих исторических источников, а также большими пробелами в них.

Прежде всего необходимо отметить полное отсутствие исторических материалов эстонского происхождения; все сохранившиеся исторические источники, относящиеся к восстанию 1343 г., происходят из неприятельского лагеря, составлены приверженцами Тевтонского или Ливонского рыцарского ордена. К тому же эти источники, главным образом хроники, дошли до нас большей частью не в оригинальной

форме, а в изменённом впоследствии и фальсифицированном в интересах Ордена виде.

Среди исторических источников, имеющих отношение к восстанию 1343 г., самыми важными являются три хроники — все немецких авторов¹. Наибольшие подробности об этом восстании приводит так называемая Ливонская младшая рифмованная хроника. Автор её Бартоломеус Гунеке был современником описанных им происшествий; по занимаемой должности (вероятно, священник) при орденском форте в Ярва, он имел в своём распоряжении хорошую информацию. Но до нас эта хроника дошла только в пересказе хроники Иоганна Реннера, который в период Ливонской войны, в середине XVI в., состоял на службе у Ливонского ордена. По данным критического анализа текста можно установить, что Реннер значительно изменил в интересах Ордена рассказ Гунеке о событиях 1343 года.

Автором следующей хроники, имеющей значение для исследования истории восстания в Юрьеву ночь, был Герман де Варгберге, состоявший во второй половине XIV в. капланом при магистре Ливонского ордена. Хроника эта, написанная в 1378 г., является беспардонной фальсификацией, искажающей в интересах Ордена правду о событиях, связанных с восстанием 1343 года.

Третьей хроникой, описывающей восстание в Юрьеву ночь, является произведение Виганда Марбургского, который составил рифмованную хронику Тевтонского ордена в конце XIV века. В ней наиболее ценны данные, относящиеся к предпринятой Орденем осенью 1343 г. карательной экспедиции против восставших. Хроника Виганда, из оригинального текста которой сохранилась только незначительная часть, дошла до нас в латинском переводе, сделанном в половине XV века.

Из русских летописей о восстании 1343 г. упоминает только первая новгородская летопись, в то время как псковские летописи ограничиваются лишь описанием похода псковичей в Тартуское епископство летом 1343 года².

¹ Хроники эти напечатаны и см. о них: H ö h l b a u m K. Die jüngere livländische Reimchronik des Bartholomäus Hoeneke 1315—1343. Leipzig, 1872; Johann Renner's livländische Historien, Herausgegeben von Richard Hausmann und Konstantin Höhlbaum, Göttingen, 1876; Hermani de Warberg. Chronicon Livoniae. Herausgegeben von Ernst Strehlke. Scriptorum rerum Prussicarum II, Leipzig, 1863; Die Chronik Wigands von Marburg, Original Fragmente, lateinische Uebersetzung und sonstige Ueberreste. Herausgegeben von Theodor Hirsch, Scriptorum rerum Prussicarum II, Leipzig, 1863.

² В Новгородской I летописи ошибочно отмечено восстание эстонцев под годом 6852, т. е. 1344 годом нашей эры. См. Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). Т. V.

Гунекке, наиболее объективный и в то же время лучше других осведомлённый автор, характеризует восстание 1343 года главным образом как политическое движение, направленное к полной ликвидации ига иноземных захватчиков. Г. де Вартберге, типичный апологет Ордена, стараясь оправдать кровавые преступления Ордена против эстонцев, описывает восстание как кровавый бунт отпавших от христианской церкви мятежников. Для Виганда Марбургского восстание в Юрьеву ночь является прежде всего аграрным волнением, вызванным тяжёлым социально-экономическим положением крестьян в датских владениях в Эстонии.

Нет сомнения, что в возникновении восстания 1343 г. немалую роль сыграло возмущение насильственной христианизацией. Ухудшение положения крестьян в первые десятилетия XIV века послужило решающим толчком к восстанию. Восстание это далеко не являлось обычным для феодальной эпохи крестьянским бунтом. С самого начала оно сознательно поставило и последовательно проводило свою главную цель — полную ликвидацию ненавистного ига немецких захватчиков и истребление их.

Подготовка восстания проводилась в необычайно широких размерах. Прежде чем вступить на путь открытой вооружённой борьбы, инициаторы движения послали жалобу датскому королю, у которого они просили помощи против притеснений немецких вассалов, заявляя при этом, что подневольные эстонские крестьяне «готовы лучше умереть, чем влачить своё жалкое существование под таким ярмом». Но делегация эстонских крестьян не достигла места своего назначения: она попала в руки орденских агентов, которые воспрепятствовали её поездке в Данию. Крестьяне из датских владений в Эстонии обращались с жалобой на своих немецких господ также к магистру Ливонского ордена, которого они считали ответственным за своё жалкое, подневольное положение. Так как все эти жалобы и обращения не привели ни к каким результатам, то у крестьян остался только один путь — путь открытого восстания.

Инициаторами восстания были эстонцы уезда Харью, к которым присоединились крестьяне соседнего Ляянемаа; тремя месяцами позже подняли восстание жители острова Сааремаа. Эстонцы названных районов играли ведущую и передовую роль и в предшествовавших освободительных движениях эстонского народа. Относительно активного участия крестьян других районов в начале на севере страны восстания нет прямых, непосредственных свидетельств. Но косвенные, данные свидетельствуют о том, что в освободительной борьбе 1343 г. участвовали также эстонцы уезда Вирх, входившего в состав датских владений, и жители уездов Ярва и Вильяндимаа, подвластных Ливонскому ордену. Таким образом, восстание охватило большую часть Эстонии. Непричастными

к нему остались только крестьяне расположенного на юговостоке страны Тартуского епископства.

Хотя восстание вспыхнуло в подчинённом датскому королю уезде Харью, оно тем не менее с полной определённости было направлено исключительно против немцев. Это явствует, между прочим, из жалобы, составленной для посылки датскому королю, в которой эстонцы обвиняли немецких вассалов в том, что они «порутили честь их жён, насильовали их дочерей, отнимали у них имущество и превращали их самих в рабов».

«Лучше умереть, чем влачить жалкое существование под таким игом», — гласило достойное и гордое решение зачинателей восстания. Первым и главнейшим лозунгом всего движения, который проводился с неуклонной последовательностью во всех районах, где вспыхнула великая освободительная борьба, был лозунг «Смерть немецким паразитам!»

III

Восстание эстонских крестьян вспыхнуло, как уже сказано, в уезде Харью в Юрьеву ночь 23 апреля 1343 года. Поместья дворян-вассалов, церкви и часовни были подожжены. Попавшие в руки восставших немцы были истреблены. В этом истреблении ненавистных оккупантов принимали участие также крестьянки. В Падиском монастыре было убито 28 монахов. Для руководства последующей борьбой восставшие избрали из своей среды четырёх вождей, которых немецкие хроники называют «королями». Затем восставшие приступили к осаде крепости и города Таллина, который являлся в то время важнейшим политическим центром северной Эстонии. В осаде города принимало участие свыше 10 тыс. человек (по данным Новгородской I летописи — 14 тыс.). Почти одновременно с эстонцами из уезда Харью поднялись также крестьяне материковой части Ляяне-Сааремааского епископства. Немцы в своих имениях и маленьких бургах были перебиты, дворянские поместья сожжены. Таким образом, восстание в течение короткого времени охватило два важнейших уезда северной Эстонии. Местные власти и феодальная верхушка оказались беспомощными перед лицом восставших.

Спасшимся от карающей руки народа немецким вассалам осталось только одно — бежать и искать помощи, которую можно было ожидать только со стороны Ливонского ордена. Для Ордена переворот в датских владениях был давно желанным и благоприятным случаем, чтобы под предлогом восстановления «законного порядка» захватить в свои руки всю Северную Эстонию. К тому же Орден мог опасаться распространения восстания и на свои собственные владения, тем более что Ляянемаа, находившийся под общим контролем Ордена, был уже в руках мятежников. Поэтому магистр Ливонского ордена Бурхард фон Дрейлебен считал необходимым в

кратчайший срок покончить с восстанием. Но орденские войска в то время были заняты осадой русского города Изборска. Чтобы выиграть время, магистр Ордена решил вступить с восставшими в переговоры. Он предложил руководителям восстания явиться к 4 мая на переговоры в орденский замок Пайде, расположенный в соседстве с районом, охваченным восстанием, и являвшийся важнейшей крепостью и форпостом Ордена на севере. Руководители восстания приняли это предложение.

Прежде чем начались переговоры, к северу от Пайде произошла уже первая стычка между отрядом повстанцев и местной орденской воинской частью. В неравном бою эстонцы потеряли убитыми 300 человек.

Магистр Ордена снял осаду Изборска и поспешил со всем своим войском на север, взяв с собою также войска Тартуского епископства и Рижского архиепископства. 4 мая он вместе со многими своими высшими начальниками был уже в Пайде. К этому же времени сюда прибыли приглашённые магистром четыре вождя повстанцев с тремя провожатыми, а также таллинский епископ. Прибытие эстонских вождей в главный штаб Ордена имело роковые последствия для восстания. О мотивах такого неосторожного шага со стороны руководителей восстания можно только догадываться. Нужно полагать, что эстонские вожди получили от магистра Ордена гарантию их личной безопасности. Они пошли на переговоры с Орденом, рассчитывая таким образом выиграть время, пока придёт обещанная шведскими властями помощь из Финляндии.

О переговорах в Пайде хроника Гунке-Реннера рассказывает следующее: «После этого магистр спросил у четырёх королей, почему же они убили и истребили так безжалостно немцев как молодых, так и стариков. На это ответил один из них, что немцы так долго угнетали и притесняли их, что они не были больше в состоянии выносить и терпеть это. Магистр спросил опять, почему они убили в Падисе бедных монахов. Они ответили, что и те достаточно погрешили и если бы они застали ещё хотя бы ростом в локоть немца, то и тот должен был бы умереть; но если магистр хотел бы взять их под свою власть, то они согласились бы быть ему послушными, а то они не могут терпеть ни одного южера, ни одного господина. Магистр ответил, что ему не подобает оставить безнаказанными таких убийц, которые совершили преступление, какового ещё не было с сотворения мира». По сообщению этой же хроники, магистр Ордена распорядился, чтобы эстонские вожди были задержаны в Пайдеском бурге до тех пор, пока они не покарает восставших и опять вернётся обратно. Этот приказ очень встревожил эстонских вождей, которые потребовали, чтобы их немедленно отпустили к своим.

Эстонские вожди держались во время переговоров с большим достоинством и мужеством, бесстрашно выступая от имени народа с обвинениями против немцев. Эстонцы, как это видно из хроники Виганда

Марбургского, обвиняли немцев в том, что те позорили их жён и дочерей, отнимали у них имущество и превращали их самих в рабов. В их заявлении вызывает недоумение высказанная ими готовность подчиниться Ордену. Это заявление нужно, очевидно, считать просто дипломатической уловкой, целью которой было добиться нейтралитета со стороны Ордена.

Ошеломлённые неожиданным вероломным приказом магистра Ордена об их аресте, эстонские вожди решили не сдаваться без сопротивления. В происшедшей схватке они все «были изрублены в куски», говорит по этому поводу хроника Гунке-Реннера.

После этого магистр Ордена повёл свои войска к осаждённому Таллину. По дороге у орденских частей был ряд стычек с отрядами восставших, высланными навстречу врагу из лагеря под Таллином. В одном из сражений передовой эстонский отряд в количестве около полуторы тысячи человек был полностью истреблён орденскими частями. После этого сражения путь к Таллину орденским войскам был открыт.

14 мая войска магистра были уже на расстоянии одной мили от города. Им было известно, что главная часть повстанцев расположилась на возвышенности между озером и болотом. Чтобы воспрепятствовать отступлению эстонцев к болоту, где тяжело вооружённому рыцарскому войску было бы трудно вести боевые действия против лёгкой эстонской пехоты, командование орденских войск выслало вперёд отряд, поставив ему задачу отрезать повстанцам путь к болоту. В сражении с этим отрядом восставшие потеряли 3 тыс. человек убитыми, остальные были рассеяны.

Эстонцы потерпели под Таллином полное поражение, что означало поражение всего восстания. Собранное наспех, плохо вооружённое, необученное народное ополчение не было в состоянии оказать успешное сопротивление хорошо подготовленному и прекрасно вооружённому регулярному войску Ордена. Решающую роль в этой катастрофе, несомненно, сыграло то, что эстонское ополчение до сражения лишилось своих главных руководителей, которые были вероломно убиты в Пайдеском бурге.

После поражения, нанесённого восставшим под Таллином, магистр Ливонского ордена стал полным хозяином положения. В его лагерь прибыли датские начальники из Таллинского бурга. Опасаясь прибытия приглашённых эстонцами шведских войск, они заключили с магистром договор, по которому все датские владения в северной Эстонии были отданы под защиту Ордена. В таллинской крепости был расквартирован орденский гарнизон под начальством вильяндиского комтура Г. фон Герике, который назначен временным штатгальтером всех датских владений в Эстонии. Взятые в плен эстонцы были казнены. Через несколько дней магистр Ордена во главе своих войск двинулся в соседний уезд Ляянемаа, где в течение короткого времени восстание было подавлено и были освобождены от осаждающих замок и город Хаапсалу.

IV

18 мая на таллинский рейд прибыл выборгский фогт Иоганн Готаессон, а двумя днями позже — абоский фогт Даң Ниглиссон со своими войсками. Они прибыли, по-видимому, по приглашению эстонцев, которые ещё до начала восстания заручились обещанием помощи со стороны шведского короля Магнуса Эрикссона, проявлявшего большую активность в своей восточной политике.

Однако шведские войска явились слишком поздно: эстонцам уже было нанесено решающее поражение. Новый штатгальтер в Таллине орденский ставленник Г. фон Герике воспрепятствовал даже высадке шведских войск. После напряжённых переговоров Герике удалось 21 мая договориться с шведскими фогтами о передаче конфликта на разрешение шведского и датского королей. Осенью того же года между королями состоялось соглашение, в результате которого была ликвидирована угроза вмешательства Швеции в дела Эстонии.

Вскоре после поражения эстонцев под Таллином, 26 мая 1343 г., в Тартуское епископство вторглось русское войско из Пскова. Невольно возникает вопрос: была ли связь между этим вторжением и восстанием эстонцев? Гунке повествует в своей хронике, что из Харью в Псков пришли два эстонца, которые рассказали о начавшемся восстании и предложили псковичам вторгнуться в Эстонию. О том, что псковичей к этому походу подстрекали восставшие эстонцы, говорят также более поздние хроники — Руссова и Гиарна. С другой стороны, русские (новгородские и псковские) летописи, авторы которых отчасти осведомлены о восстании в Эстонии, ничего не говорят о подстрекательстве со стороны эстонцев. Всё же весьма вероятно, что восставшие эстонцы обращались за помощью также и в Псков. Сотрудничество между эстонцами и русскими (псковичами и новгородцами) в борьбе против немецких захватчиков в первую треть XIII в. было частым явлением. Предания об этом вряд ли угасли в эстонском народе и в середине следующего столетия.

В своём походе в Тартуское епископство, начавшемся 26 мая, псковичи достигли епископского бурга Отепя. На соединение с русскими двигались из-под Таллина остатки разбитого там ополчения восставших, общим числом 3—5 тыс. человек. Об этом отряде сказано в Новгородской I летописи: «...а избыток збежа в Островскую землю; там по них ходиша Велневици в Островскую землю, их же не взяша, а сами биты отъядоша». Орденским и епископским отрядам, которые после разгрома восставших под Таллином были переброшены в Тартуское епископство, удалось до прибытия эстонцев разбить под Отепя псковское войско и обратить его в бегство. Эстонцы присоединились к псковичам через несколько дней уже в окрестностях пограничного епископского бурга Вастеелана. Здесь произошло новое сражение между псковичами и эстонцами с од-

ной стороны и орденским войском — с другой. Потери обеих сторон были велики. Немцы не были больше в состоянии преследовать русских и эстонцев, которым теперь путь на восток был открыт. Всё же поход псковичей в Тартуское епископство не мог оказать большого влияния на исход восстания эстонцев, который в основном был уже predetermined их поражением под Таллином.

V

Задушив восстание эстонцев, Ливонский орден достиг в течение короткого времени крупных политических и военных успехов. Сопротивление эстонцев в северной Эстонии было в основном сломлено, датские владения здесь фактически перешли под власть Ордена, вмешательство шведских властей в дела Эстонии было предотвращено, поход псковичей в Тартуское епископство отбит. Но в этот момент перед Орденом возникла опасность нового восстания со стороны эстонцев острова Сааремаа.

Эстонцы Сааремаа уже в великой освободительной войне эстонского народа в первой трети XIII в. часто играли ведущую роль, и в последующее время они сохранили большую независимость, чем их соплеменники в материковой части страны. В результате неоднократных восстаний против Ордена и епископа они добились значительной автономии в устройстве своего административного быта.

По заранее выработанному плану эстонские крестьяне Сааремаа, вечером, в день Якова (24 июля) 1343 г., перебили всех немцев на острове и приступили к осаде орденского замка Пейде — единственного укрепленного пункта захватчиков на Сааремаа. После восьмидневной осады рыцарский гарнизон капитулировал. Сдавшимся рыцарям было разрешено покинуть крепость с оружием, лошадьми и незначительным количеством личных вещей. Но при выходе из крепости ненавистных рыцарей часть повстанцев совершила над ними самосуд, избив их камнями.

С капитуляцией Пейде власть немецких захватчиков на острове Сааремаа была фактически ликвидирована. Восставшие островитяне могли быть уверены в том, что до следующей зимы, когда замёрзнут проливы, им ничто не угрожает со стороны Ордена, который не имел своего флота и не мог предпринять поход на остров. Положение Ордена стало затруднительным также потому, что в северной Эстонии несмотря на кровавую расправу над восставшими продолжались волнения и были налицо все признаки того, что воля народа к борьбе ещё не была окончательно сломлена. Руководители Ордена считали особенно опасными эстонцев в Харью, видя в них главных организаторов движения и подстрекателей против немецких властей. В такой обстановке возник у магистра Б. фон Дрейлебена кровавый замысел истребления эстонцев. Гроссмейстер Тевтонского ордена Лютер Кэниг дал полное согласие на этот план и прислал для осуществления его в Ливонию свои лучшие, отборные войска в

составе 700 отлично вооружённых рыцарей во главе с выдающимся военачальником Ордена. Имея в виду, что при каждом рыцаре в тогдашней войске состояло, по крайней мере, по 5 слуг, можно полагать, что численность присланного войска достигала не менее 4 тыс. человек. Такой крупной военной силы Тевтонский орден до того времени никогда ещё в Ливонию не прислал.

Из прибывших в конце сентября 1343 г. войск тевтонцев незначительная группа была оставлена в Риге, а большая часть была отправлена для карательных операций против эстонцев. Один отряд был размещён в орденском бургге Вильянди, другой — в замке Пейде; третий был прислан в Таллин. Всем этим отрядам было приказано «выполнить задачу» (как говорит хроника Виганда Марбургского), которая заключалась в том, «чтобы в один день истребить эстонцев, харьюян, островитян, всех врагов веры». Таким образом, истребление эстонского народа было задумано орденскими властями в очень широких размерах. Особенно грозная участь была уготована палачами эстонцам Харью и Сааремаа, которые сыграли в восстании ведущую роль.

Карательные операции в Харью были проведены во второй половине ноября под личным руководством магистра Б. фон Дрейлебена. Действуя мелкими отрядами, немцы беспощадно и без разбора истребляли всех эстонцев, грабили их имущество и сжигали их селения. Хроника Виганда говорит лаконично: «Когда исполнилось три недели и мартов день уже прошёл, дал магистр Бурггард своему войску, придав ему прусское войско, приказ разорить Харью, истребить стариков вместе с молодыми, что и было приведено в исполнение».

Эстонцы в Харью осенью 1343 г. не имели достаточно сил, чтобы оказать активное сопротивление высланным против них палачам. Народ был к тому времени истощён до крайних пределов. Потери в живой силе в результате поражения восстания в мае и последовавшего истребления повстанцев были весьма значительны. Часть эстонцев, спасшихся от руки орденских палачей, покинула родные края, часть скрывалась в лесах и труднодоступных болотах. Так как значительная часть полей осталась весной незасеянной, то уже осенью северные районы страны, в особенности Харью, были охвачены голодом. Но тем не менее эстонцы в Харью решили не сдаваться без боя. Они утвердились в двух городищах и мужественно защищались против орденских отрядов, которым удалось взять их только после напряжённой и кровопролитной борьбы. Попавшие в плен эстонцы были немцами истреблены.

После окончания карательных операций в материковой части Эстонии наступила очередь острова Сааремаа. Но орденские войска могли проникнуть туда только в середине февраля 1344 г., после замерзания проливов. Магистр Дрейлебен собрал для этого похода большое войско, в состав которого входили прибывшие из Пруссии и мобилизованные из местного населения от-

ряды, в общем примерно около 20 тыс. человек. Для походов на остров всегда требовались большие военные силы, чтобы в течение короткого времени, до того как проливы очистятся от льда, успеть завершить операции.

В ожидании вторжения орденских войск островитяне построили по примеру старинных эстонских городищ сильную деревянную крепость с тремя воротами. Войска Ордена приближались к этой крепости, как всегда в таких случаях, разоряя, сжигая по пути все селения и истребляя эстонское население. В день решительного штурма под крепостью завязался кровопролитный бой, продолжавшийся с утра до вечера. Немецкое войско потеряло около 500 чел. убитыми. Потери эстонцев были многим больше — их было перебито свыше 2 тыс. чел. (по менее вероятным данным хроника Вартберге, — даже 10 тыс.). Вождь восставших островитян Вессе был подвергнут мучительным пыткам и повешен.

Несмотря на крупный военный успех магистр Ордена всё-таки не довёл свои карательные операции на острове до конца. Опасаясь весенней оттепели, Дрейлебен спешил со своим большим войском вернуться на материк. Новый поход против эстонцев острова Сааремаа Ливонский орден сумел предпринять только через год — в начале 1345 года.

Подготовка к этому походу проходила в весьма напряжённой для Ордена международной обстановке. В это время Тевтонский орден готовился к большому походу против литовцев. Для участия в походе прибыли в Пруссию король Богемии, его сын маркграф Моравии, король Венгрии и ещё ряд других знатных правителей — все со значительными войсками. Этими походом руководители Ордена надеялись обеспечить безопасность южных границ Ливонского ордена от нападений литовцев и дать магистру этого Ордена возможность довершить свою карательную экспедицию против эстонцев острова Сааремаа. В действительности же предпринятый против литовцев великий поход окончился полным провалом. Великий князь литовский Ольгерд сумел искусными маневрами уклониться от решительной битвы с объединёнными войсками Тевтонского ордена и его союзников и вторгся в начале 1345 г. во владения Ливонского ордена. Литовцы взяли гор. Митаву и достигли города Валга, на южной границе эстонской земли.

В этом походе литовцев принимали участие, согласно хронике Гунке — Реннера, и 2 тыс. «руссов», по всей вероятности, это были эстонские повстанцы, которые после поражения под Таллином в мае 1343 г. ушли через Тартуское епископство «в Островскую землю», о чём уже было сказано выше. Теперь эти эмигранты возвращались на свою родину вместе с войском великого князя Литовского. По некоторым данным, можно предполагать, что этот поход Ольгерда был предпринят с целью помочь освободительной борьбе эстонцев, в особенности жителей острова Сааремаа. На южной границе эстонской земли великий князь ли-

товский, однако, повернул обратно, повидному, опасаясь столкновений с большим войском Ливонского ордена, которое к тому времени, завершив свои карательные операции на острове Сааремаа, вернулось на материк.

Поход против эстонцев Сааремаа был совершён, так же как и предыдущий, с большими военными силами. Кроме орденовских войск, вассалов рижского и тартуского епископов в нём принимало участие большое количество мобилизованных латышей, ливов, земгаллов, а также эстонцев с материковой части страны. Отряды Ордена бесчинствовали, опустошая, убивая на острове в течение восьми дней, после чего сопротивление островитян было сломлено. Они вынуждены были выдать всё своё оружие, снести своё укрепленное городище и дать заложников.

После окончательного подавления восстания на Сааремаа немецкие захватчики приступили к возведению новых укрепленных пунктов на острове. Вместо уничтоженного повстанцами замка в Пейде островитяне обязаны были выстроить на северном побережье острова новую крепость, которой было дано название Сонбург — бург возмездия, в память подавления восстания. Вскоре после этого была построена и первая крепость в епископских владениях — Куресааре, которая стала впоследствии резиденцией местных епископов.

VI

Освободительная борьба 1343—1345 гг. была важным этапом в истории эстонского народа и всей Прибалтики. Прежде всего нужно подчеркнуть то большое значение, которое имел для последующей истории Прибалтики осуществлённый Орденом в связи с подавлением восстания 1343 г. захват датских владений в Эстонии. После того как Ливонский орден стал фактическим хозяином всей северной Эстонии, датский король Вальдемар IV должен был убедиться, что он не в состоянии удержать за собой свои дальние заморские владения, и согласился, наконец, уступить их Тевтонскому ордену. 29 августа 1346 г. между датским королём и Орденом был заключён договор, по которому Тевтонский орден приобрёл от датского короля Вальдемара за 19 тыс. кельнских марок его эстонские владения — Харью и Виру. В следующем году Тевтонский орден передал эти провинции Ливонскому ордену.

Дания, таким образом, оказалась совершенно изолированной от Прибалтики. В последующий период она неоднократно делала попытки вернуть свои прежние прибалтийские владения, но безуспешно. Только в период русско-ливонской войны, в середине XVI в., Дании удалось опять частично утвердиться в Прибалтике, но на этот раз уже не в Харью и Виру, а в западной части Эстонии. Ливонский орден захватом датских владений значительно улучшил своё стратегическое положение на севере,

а увеличением своей территории сделал значительный шаг вперёд в борьбе за политическую гегемонию в Прибалтике.

Переход Харью и Виру в руки Ордена имел также большие социально-политические последствия, как в отношении феодальной верхушки, вассалов, так и крестьянской массы. Орден стал в бывших датских владениях гораздо более сильным и строгим хозяином, чем прежде был датский король. Во время восстания эстонцев пострадали особенно мелкие вассалы, число которых значительно уменьшилось. Разорённые и обедневшие мелкие вассалы уходили в города или в другие части Прибалтики. С другой стороны, чрезмерные претензии местных феодальных магнатов Орден обуздывал теперь в гораздо большей степени, чем раньше это удавалось датскому королю. Последствием всего этого была социальная нивелировка среди вассально-дворянского сословия. Сложившееся таким образом дворянское сословие стало вскоре своего рода образцом для других районов Прибалтики.

Начатая восстанием в Юрьеву ночь освободительная борьба имела также большие последствия для последующей истории эстонского народа. Народ теперь убедился в том, что Ливонский рыцарский орден является главным оплотом иноземного ига и что до тех пор, пока существует Орден, имеющий в своём распоряжении сильную военную организацию, нет надежд освободиться от ига немецких захватчиков путём вооружённого восстания крестьян. Этот горький опыт, вынесенный из перипетий борьбы 1343—1345 гг., оставил надолго следы в памяти народа.

Сознание своего бессилия усугублялось у эстонского народа огромными потерями человеческих жизней, причинёнными восстанием, а главным образом карательными экспедициями Ордена. Эти потери достигли ужасающих размеров, особенно в северных уездах Эстонии и на острове Сааремаа. Только в одном уезде Харью число погибших крестьян достигло 30 тыс., что означало почти полное истребление местного эстонского населения. Поэтому неудивительно, что в одном документе 1346 г. этот уезд называется страной опустошённой и ненаселённой.

Но несмотря на эти последствия освободительная борьба 1343—1345 гг. вошла в историю эстонского народа как одно из самых крупных проявлений его любви к свободе, ненависти к немецким захватчикам, воли к борьбе, упорства и отваги. Восстание в Юрьеву ночь оставалось воодушевляющим примером на всех следующих перипетиях борьбы против немецких оккупантов. Это его историческое значение особенно оценивается нами теперь, в дни Великой отечественной войны, когда эстонский народ бок о бок с другими народами своей великой социалистической родины ведёт борьбу не на жизнь, а на смерть против своего кровавого исторического врага.

К ИСТОРИИ ГЕРМАНСКОГО «DRANG NACH NORDEN» (1848—1866).

Проф. Е. Адамов

I

Разбойничий гитлеровский империализм, захватив Данию и Норвегию и превратив Финляндию в марионеточное государство, подчинил себе север Европы. В период подготовки войны за гитлеризацию Европы гитлеровцы пропагандировали теорию расового родства немцев и «нордических» народов. Эта теория специально применялась для идеологической обработки населения северного театра войны. В своё время, как только стала близкой возможность «свести счёты» с Англией, хищническая империя Гогенцоллернов начала «геополитическую» подготовку войны тем, что фактически превратила Данию в германский протекторат. Систему Кильского канала она сделала базой своего «всемогущества» в юговосточной части Северного моря, в Дании, в «датских» проливах и в южной половине Балтийского моря.

«Drang nach Norden» — стремление на север—немецкого империализма открывается циклом прусских войн за Шлезвиг-Гольштинию, за Киль и Кильский перешеек, за господство Пруссии на южных морских и сухопутных границах Скандинавии: две войны против Дании (1848—1850 и 1864) и как их прямое продолжение — война против Австрии (1866), завершившая борьбу за ключевые позиции северноморско-балтийской сферы. Таким образом, начало «Drang nach Norden» прусско-германского империализма восходит к национальному движению 1848 г., возникшему в атмосфере революционного подъёма и отведённому затем прусской реакцией в русло завоевательной войны под романтическим флагом «освобождения» братьев-немцев от «варварского» ига датчан.

Это было время, когда «свободный немецкий дух» не нашёл выхода ни на Западе, ни на Востоке; когда единственно открытым путём его экспансии на север был путь к морю, к превращению Германии в морскую державу, господствующую на Балтике и на Северном море. Там, на границах с Данией, германский национализм был на подъёме, и его бурный прибой крешко бил в рыхлый, подточенный немецкой колонизацией шлезвиг-гольштинский берег.

В Шлезвиг-Гольштинии смешались течения буржуазной великогерманской революции, феодально-дворянского тяготения к гогенцоллернской Пруссии и мелкобуржуазного сепаратизма. Эта идейно-политическая мешанина противопоставляла себя датской монархии, выдвигая то лозунги борьбы против датского абсолютизма, то лозунги против датской конституции.

На Шлезвиг-Гольштинию устремилось внимание прусского юнкерства, прусской и всегерманской буржуазии, всего германского мещанства. Согнуть в бараний рог поляков, уверовавших в немецкую свободу, было делом прусским; усмирить чехов или итальянцев — делом Австрии. Но «освободить» шлезвиг-гольштинцев от «датского ига» — это было дело «всего германского народа».

Ещё в сентябре 1846 г. Энгельс спрашивал Маркса, читал ли он в «Rheinischer Beobachter» «знаменитое» стихотворение о Шлезвиг-Гольштинии. Не запомнив стихотворения дословно, Энгельс очень точно воспроизвёл в письме к Марксу его «дух», придав ему пародийно-сатирическое заключение:

Шлезвиг-Гольштейн, окружённый
Моря пенистой волной!
Шлезвиг-Гольштейн, оглашённый
Нашей речью, нам родной!
Шлезвиг-Гольштейн, раскалённый
Жаром страсти огневой!
Шлезвиг-Гольштейн, принуждённый
Жить под датскою пятой!
Шлезвиг-Гольштейн, увлечённый
Предстоящею борьбой!
Шлезвиг-Гольштейн, устремлённый
На победу, крешко стой!
Шлезвиг-Гольштейн, хоть с лужёной
Глоткой, с немощной рукой!
Шлезвиг-Гольштейн, беспардонный
Обезьянней клики вой!¹

Эта «дрянь», эта «ужасная песня», как её с отвращением характеризовал Энгельс, стала в 1848—1849 гг. чем-то вроде национального гимна.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XXI, стр. 39—40.

В этот «Drang nach Norden» вовлечены были разнородные классовые элементы: и юнкерство и крупная, и средняя, и мелкая буржуазия. Застрельщиками этого движения были второстепенные германские правительства и безвластное франкфуртское национальное собрание. «Меч Германии», как себя называла Пруссия, был, пока с революцией не было покончено, обнажён лишь наполовину: прусское правительство с недоверием и ненавистью смотрело на своих непрощенных германских союзников из либерального и радикального лагерей и с благоговейным страхом озиралось на Николая I. Оно исподтишка импортировало в Гольштинию и Шлезвиг под видом «повстанцев» своих «волонтёров» и офицеров запаса и едва осмелилось послать на выручку их, когда им пришлось туго, часть регулярной армии под командованием «генерала Друфа»¹.

Одновременно в Шлезвиг-Гольштинию отправилось множество «воодушевлённых юношей». По словам немецкого социал-демократического историка Блосса, эта молодёжь верила, «что цель борьбы там — освобождение народа»².

Маркс называл этих воодушевлённых юношей «революционной, но близорукой молодёжью», он применял для определения их «сверхпатриотизма» гейневское выражение: «die patriotische Ueberkraft»³. От «шумливого хвастовства националистов», от «бесконечных причитаний шлезвиг-гольштинского морского горе-энтузиазма» «Новая Рейнская газета» решительно отмежевалась. Газета выражала сочувствие движению против датского абсолютизма в Шлезвиг-Гольштинии, но не питала иллюзий насчёт либеральной буржуазии из франкфуртского национального собрания, разоблачая её готовность проглотить любое оскорбление и отдаться в рабство Пруссии⁴, лишь бы не начинать убийственную для её классового господства в Германии революционную войну. «Новая Рейнская газета» предсказывала 7 сентября 1848 г., что события развернутся именно так: «Слишком велика трусость буржуазной натуры», чтобы «спасти честь Германии».

Вместе с тем «морской горе-энтузиазм» германского национализма был явлением

гораздо большего значения, чем можно было думать. Он бросал яркий свет на то, что объединение Германии создавалось под знаком внешнеполитической агрессии. Бисмарк писал в 1865 г., что «ни один вопрос не вызывал за последние 20 лет такого единодушного интереса общественного мнения Германии, как именно вопрос о флоте»⁵.

Вопли воинствующей националистической прессы во главе с рейнским «Беобахтером» подхватила вся Германия. Всевозможные ферейны, вся пресса, все ландтаги с франкфуртским национальным собранием во главе воодушевились. Несмотря на то что наспех созданный флот германского союза потерпел от датского флота постыдное поражение и забился в устье Ведера (в ожидании своей продажи с молотка), «морской энтузиазм» несколько не остыл. Более того: он немедленно принял мстительный, яростный и пруссоманский характер. Кошельки раскрылись для сборов на флот, ассигнования на его строительство приняли вышительные размеры. Либеральные партии нападали на свои правительства и на консерваторов за их скупость и недостаток энергии в этом вопросе. Под этим натиском «генерал Друф», разоруживший в ноябре 1848 г. «национальную гвардию» в Берлине, даже на момент колебался, согласиться ли на перемирие с Данией, предписанное ему берлинским правительством.

Прусских юнкеров обуревал страх перед двумя возможностями: с одной стороны, угрожающе поднят был начальственный палец Николая I, а с другой — неизбежно было (если бы у них хватило отчаянной решимости послушаться предостерегающего перста русского царя) соединиться с германской «чернью», потонуть в бушующем море «якобинской революции».

II

Николай I выразил свою волю категорически и непреложно: он потребовал прекратить войну против Дании, прекратить всякую связь с франкфуртскими «бунтовщиками». Давняя связь России с Данией стала гарантией датской независимости, политического равновесия и мира в скандинавско-балтийской сфере.

Понятную тревогу поэтому вызвали у Николая I «болезненное увлечение» флотом, «морской энтузиазм» «демократической» Германии 1848 г. и вторжение немецких вооружённых сил в Гольштинию и Шлезвиг. Русский царь немедленно вспомнил о правах и обязательствах, взятых на себя Российской империей ещё в XVIII столетии. Секретный артикул трактата дружбы и гарантии, заключённого в Копенгагене 26 мая 1732 г. между Россией и Австрией с одной стороны и Данией — с другой, гаран-

¹ Насмешливая кличка «General Druf», (берлинский диалект, покажённое drauf), присвоенная ген. Врангелю.

² Блосс В. «История революции в Германии», стр. 202. Перевод с немецкого. СПб. 1908.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. VI, стр. 63.

⁴ «Хотя, чтобы мы непременно стали пруссаками... с земским правом, дворянским высокомерием, тиранией чиновничества, с господством сабли и розги». — писала «Новая Рейнская газета» 13 марта 1849 г. (русский перевод этой статьи не опубликован; цит. по брошюре «Маркс и Энгельс о реакционном пруссачестве», стр. 29. М. 1942).

⁵ Бисмарк О. «Мысли и воспоминания». Т. II, стр. 15—16. Соцэкгиз М. 1940.

тировал датскому королю «спокойное и беспомешательное владение» землями его государства и, в частности, герцогства Шлезвигского¹.

Санктпетербургским трактатом от 10 июня 1746 г. российская гарантия была подтверждена частично в отношении гольштинского герцогства и в полном объёме — для Шлезвига: «Российская императрица обещает королю датскому и в рассуждении герцогства Шлезвигского содержать противу всех и каждого гарантию, выключая российского великаго князя и его мужеска пола наследников»².

Ключи к Балтийскому морю были, таким образом, доверены Дании. Николай I не сомневался в том, что нельзя допустить переход этих ключей в немецкие руки.

Письмом к прусскому королю от 28 апреля 1849 г. Николай I потребовал немедленно прекратить войну, которая «есть не что иное как дело революции и которую осуждают все принципы международного права».

«Мог ли бы я, — писал Николай I Фридриху-Вильгельму IV, — поддерживать ваше правительство в его борьбе против революционеров Германии, если бы оно обща с этими революционерами продолжало войну, имеющую целью уничтожить древнюю монархию, союзницу России, сохранять которую столь необходимо для равновесия и мира на севере?.. Подобное положение — если бы оно продолжилось — имело бы неминуемым результатом соглашение по датскому вопросу между Россией и Францией», — грозил Николай. «Полный разрыв с Франкфуртом, мир с Данией — таковы, на мой взгляд, необходимые условия для укрепления правительства вашего величества»³.

Конечно, поползновения короля Фридриха-Вильгельма IV, романтика унтер-офицерского пошиба, на конституционный компромисс старой Пруссии с буржуазией возмущали Николая I: он рассматривал их как распространение либерализма или «революции» до границ романовской империи, как вовлечение неподвижной Пруссии в германское «движение», сближающее её с франкфуртскими «бунтовщиками». Но ещё больше тревожило Николая I вовлечение Пруссии в войну против Дании. Записка Николая I⁴ свидетельствует о том, что он намерен был, если его «отеческие советы» не воздействуют, собрать на прусской границе 250 тыс. солдат (не считая гвардии и гренадер), перейти границу, занять Восточную Пруссию и не выпускать её из своих рук «до тех пор, пока королю дат-

скому не будут возвращены полностью его владения».

Наконец, не в проекте только, а уже в живой действительности в Копенгаген явился участник Наваринского сражения — адмирал Епанчин — с балтийскими моряками и пушками.

Фридрих-Вильгельм IV принимал поэтому с «собачьей преданностью» (он сам так определял свои чувства к русскому царю⁵) советы Николая I — разорвать с «бунтовщиками»; при этом он всё же пробовал убедить своего опекуна в том, что Пруссия в Шлезвиг-Гольштинии бунтовщиков не поддерживает, а хочет восстановить законное положение вещей, нарушаемое датским королём, который в февральском декрете (1848) обещал включить герцогство Шлезвиг в датское королевство.

Когда прусские войска в Шлезвиге приблизились к границе Ютландии, русскому посланнику в Берлине Мейендорфу поручено было заявить прусскому правительству, что дальнейшим продвижением своих войска Пруссия «нанесёт тяжёлый удар интересам всех прибрежных на Балтийском море держав»; что этим она «нарушит политическое равновесие, установленное трактатами на всём севере Европы» и что «Россия не может допустить возможности этого»⁶. 26 апреля 1848 г. нессельродовская инструкция Мейендорфу поясняла: если прусские войска вступят в Ютландию, разрыв между Россией и Пруссией неминуем.

Угроза подействовала: начались переговоры о мире. Когда Австрия взяла под своё покровительство вождения германского союза, чтобы защитить герцогства от прусской алчности, тогда требование Николая I «Руки прочь от Дании!» приобрело двойной вес и превратилось для прусской политики в категорический императив.

Мейендорф, аттестованный его биографом — проф. О. Хетчем как знаток прусской государственности, немецкой культуры и всех жизненных импульсов германского народа, писал 14 (26) мая 1849 г. русскому министру иностранных дел графу Карлу Нессельроде: «Немцы ненормальны, они терпят только тогда, когда они несчастны. Чуть только улыбнется им удача, наглость их не знает границ. Они говорят о своих победах над датчанами, о своей военной и национальной чести, как будто на свете нет, кроме них, никого обладающего храбростью и честью. Этот дух, который император всегда называл *la morgue prussienne* (т. е. прусская надменность — Е. А.), чудовищно вырос после революции. Это стало манией с тех пор, как Австрию счи-

¹ Бантыш-Каменский Н. «Обзор внешних сношений России». Ч. 1-я, стр. 267—268. М. 1894.

² Там же, стр. 275.

³ Meyendorff P. Politischer und privater Briefwechsel. Hrsg. u. eingeleitet von Prof. O. Hoetsch. Bd. II, S. 197—198. Berlin. 1923.

⁴ Опубликована А. Н. Савиным в сб. «Россия и Запад», стр. 134. 1923.

⁵ Зайончковский А. «Восточная война 1853—1856 гг. в связи с современной ей политической обстановкой». Особое приложение на правах рукописи к томам II и III. СПб. 1911, стр. 37. (Письмо «Фрица» «Никсу» от 29 апреля 1854 г.)

⁶ Мартенс Ф. «Собрание трактатов и конвенций, заключённых Россией с иностранными державами». Т. VIII, стр. 375. СПб. 1888.

такой бессильной, а все германские правительства — существующими по воле Пруссии и ради её удовольствия. Одни больше одержимы германским объединением, другие больше вожделеют прусского господства, но все согласны в том, чтобы действовать одновременно в обоих этих направлениях»¹.

Программа дальнейших действий Пруссии, как изложил её Мейендорф со слов влиятельнейшего прусского государственного деятеля — генерала Радовица, была такова: заключать и перезаключать перемирия с Данией в течение десяти лет, поддерживая «шлезвигскую путаницу» без всякого риска и ущерба для себя, но к неизбежному и полному истощению Дании. В результате Дания должна будет подчиниться Пруссии во всём и безоговорочно². Но у Дании были покровители; приговор Николая I по шлезвигскому делу был санкционирован Англией, и лондонский протокол 1852 г. за подписями Англии, России, Франции, Австрии, Пруссии, Швеции и Норвегии отдал датскую монархию под общую европейскую гарантию и защиту.

Лагард-Беттихер, один из первых авторов пресловутой программы германской «Срединной Европы», считал, что Пруссия так же легко приобрести Шлезвиг-Гольштинию, как поглотить Мекленбург или Ангальт³. И действительно: как только пожар революции был потушен соединёнными усилиями главных контрреволюционных сил Европы, «благодарная» Европа предъявила Николаю I заготовленные ещё до 1848 г. счета за Адрианопольский, Туркманчайский и Ункьяр-Искелесский договоры.

В ожидании этого счастливого момента Пруссия вооружалась и перевооружалась, учтя опыт датской войны. Вооружаясь, она поддерживала «шлезвигскую путаницу» нескончаемыми спорами: о престолонаследии; о признании прав августенбургской семьи на герцогскую корону; о датской конституции 1849 г.; о манифесте датского короля 28 января 1852 г. о соединении и разъединении Шлезвига с Гольштинией, Шлезвига с Данией; об автономном управлении в обоих герцогствах; о связи Шлезвига с германским союзом через связь его с Гольштинией; о датско-шлезвигской конституции 15 февраля 1854 г. и датско-гольштинской конституции 11 июня 1854 г.; об «унитаризации» владений датского короля декретом 26 июля 1854 г. и законом 2 октября 1855 г., о протесте 11 депутатов шлезвигского сейма против этого закона. В 1858 г. Дания отменила этот закон, так как «протест 11-ти» был поддержан Пруссией, за нею — Австрией, а за Австрией — и рестав-

рованным франкфуртским сеймом. Всё вернулось к исходному положению.

III

Короткий маневр Наполеона III на сближение с Россией, против Австрии (штутгартское свидание 1857 г. его с Александром II) «пошатнул — по выражению Бисмарка — германский союз», обеспокоил и самого Бисмарка: не было ли в Штутгарте речи о Шлезвиге? Но в Штутгарте случилось нечто прямо противоположное: Наполеон завёл речь о Польше.

В 1853 г. изоляция России стала фактом и вынудила Россию заключить «союзную» конвенцию с Пруссией по польскому вопросу. Датское правительство (кабинет национал-либеральной партии с Галлем во главе) приняло решение, отразившее его полное неверие в «европейскую гарантию» без поддержки её Россией. Оно поставило крест на владении Гольштинией. Устранив спор с германским союзом, оно собиралось отстаивать Шлезвиг. Но как могла бы Дания сопротивляться прусским вооружённым силам? Для этого мало было начатого усиления оборонительных линий Дюбеля и копенгагенских фортов. Тогда датское правительство сделало всё, что было в его силах, чтобы противопоставить германскому «Drang nach Norden» объединение скандинавского севера. Идея «Северного единства», облеклась в конкретную форму — в план скандинавской федерации или (как минимум) военного союза скандинавских стран.

Галль (датский премьер и министр иностранных дел), Монрад и Леман (члены правительства), ведя переговоры со шведами, ставили вопрос ребром: либо весь скандинавский север встанет на защиту южной своей границы (р. Эйдер) либо Дания не только потеряет эту границу, но попадёт в полную зависимость от Пруссии — Германии⁴ и «тысячелетний враг» подступит вплотную к берегам Швеции и Норвегии, располагая подавляющим превосходством сухопутных и морских сил.

Швеция отвергла (за себя и за Норвегию) датский план по мотивам внешней и внутренней политики. Мотивы эти мало согласовались со скандинавскими и шведскими национальными интересами. До того шведская аристократия с королём и королевскими принцами во главе деятельно поощряла скандинавистское движение, и на этом были основаны надежды датских скандинавистов. Но «руководящие» шведские круги при этом имели в виду не защиту угрожаемой южной границы Скандинавии, а продвижение вперёд восточных границ, которым ничто — на этом настаивали датчане — не угрожало. Таков был «шведский скандинавизм», противопоставивший себя

¹ Meyendorff P. Politischer und privater Briefwechsel. Hrsg. u. eingeleitet von Prof. O. Hoetsch. Bd. II, S. 206.

² Ibidem, S. 262.

³ Paul de Lagarde (Boetticher Paul Anton) «Deutsche Schriften», S. 31, u. ff. 1853.

⁴ «Мысль о вступлении Дании в германский союз не нова», — писал шведский посланник в Дании Гамильтон министру иностр. дел Мандерстрёму 26 января 1863 г. (Friis A. «Skandinavismens Kulmination». «Historisk Tidsskrift». Bind. 3, S. 608).

«датскому скандинавизму». Должны же датчане понимать, писал 17 января 1863 г. шведский министр иностранных дел Мандерстрём шведскому посланнику «скандинависту» графу Гамильтону, что в состав «федерации, образующейся на севере, безусловно будет включена и Финляндия»¹. Для этого, конечно, нужны были не защита Шлезвига и Дании и неизбежный конфликт с Пруссией, а пособничество Пруссии против России, надежда на которое была возбуждена в Швеции во время Крымской войны².

Судьба Дании была решена в Берлине именно в тот момент, когда изоляция России дала Бисмарку возможность искупить «кольмюцкий позор» «здоровой эгоистической войной», т. е. захватом Кяля стимулировать пруссификацию Германии.

Смерть Фредерика VII Датского 13 ноября 1863 г. возвратила вопрос о герцогствах в плоскость престолонаследственных дискуссий. При всей запутанности этого вопроса одно было ясно: у прусского короля законных прав на них было не больше, чем у короля сиамского. Но Бисмарк заявил на созванном тотчас же коронном прусском совете, что Пруссия должна забрать герцогства себе. Король Вильгельм I³, как и все присутствующие, был озадачен: ведь во время шлезвиг-гольштинской «путаницы» Пруссия защищала законное право, законный порядок, законную власть и законных претендентов! На каком же основании прусский король Вильгельм I, не имеющий никаких законных прав даже на ничтожный Лауэнбург, уступленный Пруссией Дании в 1815 г. в обмен за остров Рюген, может претендовать на владение герцогствами Гольштинским и Шлезвигским? На том основании, ответил Бисмарк, что все предшественники Вильгельма I добивались приращения своих владений. И он привёл в нази́дание королю перечень всех прусских приращений и приобретений его предков, начиная со времени «великого курфюршества» и кончая временем Фридриха-Вильгельма IV. «Я советовал ему идти по их стопам», — заключает рассказ об этом эпизоде Бисмарк в своих «Мыслях и воспоминаниях»⁴.

30 марта 1863 г. датское правительство обнародовало своё решение: предоставить Гольштинию германскому союзу, а Шлезвиг сделать провинцией «унитарного» датского королевства.

1 октября германский союзный сейм принял, со своей стороны, решение о «союзной экзекуции» против Дании. 18 октября всту-

пивший на датский престол Христиан IX утвердил новую датскую конституцию — общую для Дании и для Шлезвига. Германский союзный сейм — «вся Германия» — жаждал ввести войска и в Лауэнбург, и в Гольштинию, и в Шлезвиг. Но Пруссия менее всего хотела суверенитета непруссифицированной Германии в Киле. Она с жаром ссылаясь на свои «священные» обязательства по лондонскому протоколу 1852 года. Поэтому союзная оккупация ограничилась Лауэнбургом и Гольштинией (членами германского союза). По решению правительства Галля, датчане очистили эти территории без всякого сопротивления 12-тысячному отряду ганноверских и саксонских войск. Герцогом Гольштинии был провозглашён Фридрих VIII Августенбургский.

Вслед за тем, в январе 1864 г., Пруссия, а с нею и ревнивая Австрия потребовали отмены новой датской конституции на том основании, что она нарушает автономные права Шлезвига. Дания не подчинилась. 37 тыс. пруссаков и 23 тыс. австрийцев под общим прусским командованием Брангеля вторглись в Шлезвиг.

Датская армия (35 тыс. солдат) оказала упорное сопротивление. Лишь 18 апреля Дюббольшские укрепления пали. С 12 мая по 25 июня — на время дебатов собравшейся в Лондоне конференции участников протокола 1852 г. — военные действия были прекращены.

Прусский делегат Бернсторф объявил с самого начала лондонских дебатов, что война прекратила действие договора 1852 г. о неотделимости Гольштинии и Шлезвига от датской монархии. Представители России и Австрии заявили своё несогласие с прусским тезисом. Представитель Наполеона III поддержал этот тезис. Пруссия предложила включить оба герцогства в германский союз как «независимое государство» под законной властью Августенбурга. Представитель России Бруннов выразил «горестное изумление» по поводу столь явного намерения ограбить Данию среди бела дня на большой европейской дороге. Дания и Швеция отказались обсуждать прусский проект. Тогда начались нескончаемые и безрезультатные споры по поводу английского проекта раздела Шлезвига между Данией и Августенбургским герцогством. Протоколы конференции увековечили интересное заявление Бруннова, гласившее: отречение Пруссии и Австрии от их обязательств по договору 1852 г. побуждает императора все-российского вступить в обратное пользование своими наследственными правами на Гольштинию и Шлезвиг, принадлежащими возглавляемому им Готторпскому дому; желая, однако, подать пример бескорыстия, Александр II передаёт свои права герцогу Ольденбургскому. «Пример бескорыстия», конечно, не соблазнил Бисмарка.

14 июня военные действия возобновились. В течение месяца вся Ютландия была оккупирована пруссаками. Генерал Фогель фон Фалькенштейн промаршировал до мыса Скагена и водрузил прусский флаг на башне Скагенского маяка, против шведского берега.

¹ Friis A. Op. cit., S. 600.

² Бородкин М. «Война 1854—1855 гг. на финском побережье», стр. 24—25. СПб. 1904.

³ Главнокомандующий армией, разгромившей баденское восстание в 1849 г., принц-регент с 1858 г., король со 2 января 1861 года.

⁴ Бисмарк О. «Мысли и воспоминания». Т. II, стр. 8.

20 июня было заключено перемирие и начались переговоры о мире. Так как датчане пытались отстоять северную, чисто датскую часть Шлезвига, то прусские оккупационные власти получили приказание из Берлина дать почувствовать датчанам все неудобства оккупации. Это было осуществлено столь успешно, что ненависть к пруссакам с тех пор вошла в плоть и кровь датского народа. 30 октября 1864 г. в Вене был подписан мирный договор об уступке королём Дании всей территории обоих герцогств Пруссии и Австрии.

IV

Покончив с датчанами, Пруссия принялась за немцев. Она потребовала вывести из Гольштинии войска германского союза — ганноверцев и саксонцев. Саксония заупрямилась, но союзный сейм 5 декабря подчинился берлинскому распоряжению и отдал Гольштинию в распоряжение Австрии и Пруссии.

Между тем население Шлезвиг-Гольштинии предпочитало Августенбурга прусской казарме. Казарма сочла это за святотатство. Бисмарк приказал организовать «прусскую партию» из местных помещиков и направить в Берлин от её имени ходатайство о принятии «освобождённого» населения Шлезвиг-Гольштинии в прусское подданство. С тем большей энергией ухватилось немецкое население за Августенбурга, признанного самой Пруссией законным наследником выморочных герцогств. Шлезвигские датчане стали добиваться возможности решить свою судьбу плебисцитом и добились в этом поддержки Парижа¹.

Бисмарк организовал затем «научное» исследование вопроса о престолонаследии в герцогствах. Задача учёных прусских чиновников была ясна: после того как датский король уступил Пруссии с Австрией свои права на герцогства, надо было доказать, что единственно законным носителем герцогской короны в момент заключения договора о передаче датских прав был датский король. «Добросовестность» прусских учёных выразилась в том, что они потратили шесть месяцев на изыскания, которые привели их к требовавшемуся выводу. Но им и нельзя было спешить: Бисмарку нужно было некоторое время для того, чтобы подготовить переход от торжественной защиты прав Августенбурга к наглому их отрицанию. Его «коронованный рупор» — Вильгельм I — не обладал гибкостью, необходимой для того, чтобы произвести подобный маневр так легко, как Бисмарк.

Королю и его окружению Бисмарк объяснил, что сохранение соединённых герцогств в качестве членов германского союза хуже, с прусской точки зрения, чем «датское иго»: датский представитель, стремясь

к миру с Пруссией, всегда голосовал в германском сейме с Пруссией, а теперь Августенбург, как герцог шлезвиг-гольштинский, прибегнет к покровительству Австрии против Пруссии. Поэтому прежде всего нужны гарантии со стороны Августенбурга. И Бисмарк поставил Августенбургу условия дальнейшего признания Пруссией его прав: союз с Пруссией, военная и морская конвенции, вступление в прусско-германский таможенный союз, прусская морская база в Киле, прусский гарнизон в Рендсбурге, уступка Пруссии территории вдоль трассы будущего Кильского канала.

Принц Августенбургский имел неосторожность, согласившись на все эти условия, робко спросить: не слишком ли обширна требуемая Пруссией территория в районе будущего канала? Миротвориво расставшись с наивным принцем, Бисмарк объявил королевскому окружению, что Августенбург отверг соглашение. Никакие протесты и объяснения Августенбурга не помогли; Бисмарк принял лишь меры, чтобы избежать очной ставки с Августенбургом.

В то же время (22 февраля 1865 г.) из Берлина в Вену посланы были условия Пруссии, при которых она давала согласие на образование марионеточного государства: его войско и флот должны быть соединены с армией и флотом Пруссии, личный состав их должен присягать прусскому королю; зона будущего канала и Кильской базы передаётся в собственность Пруссии; таможни, почта, телеграф объединяются с прусскими. 24 марта Пруссия без всяких разговоров перевела свой флот в Кильскую гавань, объявив её своим владением.

1 июня 1865 г. с прусской парламентской трибуны Бисмарк говорил о том, что вопрос о создании немецкого морского могущества составляет суть вопроса об объединении Германии; Киль — основа решения обоих этих вопросов и потому может быть оспариваем у Пруссии только силой оружия. Правда, у Пруссии общие права с Австрией, но Пруссия ни при каких условиях не откажется считать Кильскую гавань своей единоличной собственностью.

Прусское решение вопроса о Киле утверждало прусскую гегемонию; Австрию отстраняли как ненужную помеху от германских дел, Германия должна была превратиться в прусскую казарму.

Австрия сдавалась не сразу: она отвергла прусские условия и взяла вместе с ещё не пруссифицированной Германией под своё покровительство Августенбурга. Этим она поощрила стремление жителей Шлезвига и Гольштинии избежать порабощения Пруссией. Прусские же власти принялись искоренять августенбургскую партию, объявивши её партией революции, анархии, измены германству и т. д.

Австрия протестовала и против захвата Кила и против прусского военно-полицейского террора. 6 апреля союзный сейм принял австро-баварско-саксонское предложение: ввести в герцогствах регентство Августенбурга, подтвердивши вместе с тем законность его права на корону.

¹ Плебисцит предложен был на лондонской конференции французами и поддержан пруссаками ввиду резко отрицательного отношения к нему остальных участников конференций; впоследствии (после 1866 г.) все участники договора были за плебисцит в Северном Шлезвиге, Пруссия — против.

На протест Австрии по поводу захвата Килья Бисмарк ответил издевательским предложением перевести в Киль и австрийский флот. На постановление сейма Бисмарк ответил таким же издевательским предложением — «предоставить населению герцогства возможность высказать свои пожелания через законные органы» при условии, что Августенбург будет изгнан из пределов герцогств, так как его присутствие стеснит свободное волеизъявление жителей страны, страны, оккупированной прусскими войсками и прусской полицией.

Австрия, сознавая свою слабость, согласилась в июне оставить Киль и Рендсбург за Пруссией, если последняя согласится признать Августенбургское герцогство, решить с Августенбургом вопрос о канале договорным порядком, а вопрос о военной связи предоставить решению союзного сейма.

С Августенбургом — ответил в сознании своей безнаказанности Бисмарк — Пруссия не может иметь никаких дел, так как Пруссия — честная страна закона и порядка, Августенбург же завёл «революционные связи» и поддерживает «революционную анархию» в герцогствах; кроме того, «как выяснилось», Августенбург — прусский подданный, так как у него имеются поместья в Силезии. Более того: он офицер запаса прусской армии. Поэтому 1 июня прусский король приказал ему немедленно покинуть герцогства и прекратить злонамеренную агитацию своих сторонников. Нарушив долг прусского верноподданного и прусского военнослужащего, Августенбург отказался подчиниться королевской воле. Он даже позволил себе в день своего рождения, 6 июля, произносить и выслушивать «возмутительные» речи, недозволенные ни для явняка, ни для ушей прусского подданного, и тем паче — прусского офицера. И, тяжко обиженный таким непослушанием, прусский король предложил австрийскому императору сообща принять меры против оскорбителя прусского величества¹.

К этому времени были завершены и организованные Бисмарком научные труды прусско-королевских юристов и историков — «*Gutachten*» (специальное заключение) по шлезвиг-гольштинскому государственно-наследственному вопросу. В этом «*Gutachten*» было окончательно и бесповоротно выяснено, что прежнее признание герцогских прав Августенбурга законными, было основано на недоразумении, на недостаточном знакомстве с вопросом: ни Августенбурги², ни Ольденбурги², ни глава гольштинско-готторпского дома, ни даже глава бранденбургского дома не являются законными шлезвиг-гольштинскими престолонаследниками; единственный законный престолонаследник — датский король Христиан IX, кото-

рому, по Венскому мирному договору, угодно было уступить Пруссии и Австрии все свои законные права и герцогства³.

Передав этот «*Gutachten*» для внимательного чтения королю, кронпринцу и колеблющимся своим коллегам, Бисмарк спросил 7 июля генерал-инспектора прусской артиллерии и военного министра, может ли Пруссия недели через две начать войну против Австрии.

21 июля прусский коронный совет решил предъявить австрийскому императору ультиматум с требованием «упразднить» Августенбурга и сообща восстановить порядок в герцогствах; ультиматум сопровождался угрозой, что если Австрия не согласится, то Пруссия возьмёт все дела Шлезвиг-Гольштинии в свои руки. Не ожидая ответа, Бисмарк распорядился: генералу Эрварту, командующему прусскими войсками в герцогствах, во-первых, принять меры к тому, чтобы по первому приказанию из Берлина схватить Августенбурга, посадить его на прусский корабль и отправить, куда будет указано; во-вторых, незамедлительно произвести аресты и высылки других видных противников присоединения герцогств к Пруссии.

Результатом этих проделок «величайшего из пруссаков» была капитуляция Австрии — Гаштейнская австро-прусская конвенция 14 августа 1865 года. В силу этой конвенции Пруссия и Австрия разграничили территориально свои права в герцогствах: Пруссия избрала себе Шлезвиг, оставив Австрии Гольштинию, но с прусским флотом в Киле, с прусским командованием в Кильском порту, прусским гарнизоном в Киле, прусским строительством Кильского канала, прусской охраной его, прусской администрацией на гольштинских железных и прочих дорогах и на телеграфных линиях. Лауэнбург же Австрия уступила Пруссии за 2½ млн. талеров; это было важно, как объяснил Бисмарк в своих мемуарах, для того, чтобы развить вкус у прусского короля к территориальным приобретениям...

Гаштейнская конвенция вызвала, как и предвидел Бисмарк, «бурю» негодования в Лондоне и даже в Париже, но буря эта была всего лишь бурей в стакане воды.

Когда Бисмарк расширил рамки австро-прусского конфликта, выдвинув проект реформы германского союза, Горчаков предложил в Лондоне и в Париже совместно обуздать прусскую «скоропостижность». Это была бессильная и бесплодная попытка: ничто уже не могло вывести разбегившиеся европейские правительства из роли негодующих, но пассивных наблюдателей. Бисмарк беспрепятственно продолжал свою деятельность, которую сам называл работой мясника над живым человеческим мясом.

В Шлезвиге прусская администрация (губернатор — генерал Мантейфель) с 19 сен-

¹ Simon Ed. L'empereur Guillaume et son régime, pp. 108—109. Paris. 1886.

² Бисмарк не стеснялся при случае сослаться в пику Августенбургу и на «претендентство» Ольденбурга.

³ Débidour A. Histoire diplomatique de l'Europe. Vol. II, pp. 285—286. Paris. 1891.

тября с корнем истребляла военную, политическую и общественную жизнь, насаждая страх и повиновение прусской бюрократии. Первой мерой Мантейфеля было объявить, что при попытке регента и «законного государя» — Августа Вуртембергского — проникнуть из Гольштейна в Шлезвиг он будет арестован и посажен в тюрьму.

Австрийский наместник Гольштейна между тем не стеснялся пребывания в Киле претендента — Фридриха Августа Вуртембергского. Печатной и устной пропаганды независимости соединённых герцогств. В январе 1866 г. в Альтоне, на съезде 4 тыс. делегатов области, была выражена верность «законному государю, принцу Фридриху», и принята резолюция о созыве генеральных штатов Гольштейна.

Бисмарк тотчас же потребовал от Австрии, чтобы она порвала «связи с революцией», признал ответ Австрии неудовлетворительным, а Гаштейнское соглашение — потерявшим силу. 28 февраля коронный совет в Берлине решил не останавливаться перед войной с Австрией, если герцогства не будут приобретены без войны. 7 марта коронный совет в Вене решил принять оборонительные военные меры. На 11 июня назначено было открытие собрания земских чинов Гольштейна.

Но 10 июня Мантейфель уже маршировал в Гольштейн. Австрийцы (4800 солдат) отошли к Альтоне, и 12 июня ни одного из них не было в Гольштейне. 10 же июня Мантейфель распустил гольштейнское правительство, назначил организатора прусской партии верноподданных шлезвигских помещиков барона Шееля-Плессена обер-президентом обоих герцогств. 11 июня он разогнал собрание гольштейнских земских чинов. Затем вопрос о герцогствах решён был битвой при Садовой и Пражским мирным договором с Австрией (1866 г.).

В дальнейшем европейская дипломатия могла ещё, до 1879 г., не считать шлезвигский вопрос исчерпанным. Удовлетворяя желание Наполеона III, Бисмарк включил в 5-ю статью австро-прусского Пражского мирного договора пункт о предоставлении права населению северных округов Шлезвига воссоединиться с Данией, если такое пожелание будет выражено им в форме плебисцита.

После выигрыша войны против Франции и с окончательным переходом Австрии на положение прусско-германского протектората этот, ставший лишним, абзац статьи 5-й Пражского договора был уничтожен соглашением 11 октября 1878 г. между Германией и Австро-Венгрией. Это была дань признательности Вены за то, что Германия содействовала ей в деле оккупации Боснии и Герцеговины.

Вопрос о Киле и Кильском канале был изъят из «ведения» европейской дипломатии вплоть до первой мировой войны. К этому времени вполне оправдалось

предостережение, сделанное датским правительством в 1865 г. России, Англии и Франции: «Если Германия сохранит в своих руках крупную морскую базу, которую она намерена создать в Киле», а также укрепит Дюббель и остров Альс, то датская независимость станет «совершенно иллюзорной».

Германский флот, говорилось далее в той же циркулярной ноте датского правительства 1865 г., будет иметь возможность «занять Балтику и угрожать Швеции и Норвегии судьбою, подобной нашей»¹. Это в полной мере оправдалось опытом нынешней войны.

Акт 24 декабря 1866 г. о присоединении Шлезвиг-Гольштейна к Пруссии сопровождался мотивировкой, излагавшей как бы основы «прусского международного права» и дополнявшей как нельзя лучше предостережение Дании:

«Политическая необходимость вынуждает нас не возвращать побеждённым странам власть, которой они лишились благодаря победам наших армий. Если бы эти страны сохранили свою независимость, они могли бы в силу своего географического положения подготовить прусской политике препятствия, значительно превосходящие размер их действительного могущества»².

Это должно было служить предостережением Дании, которая, быть может, в нём уже и не нуждалась: после 1865 г. датская внешняя политика была политикой прусско-германского вассала. Под пышной вывеской «скандинавского нейтралитета» скрывался отказ Дании от независимой внешней политики.

★

В августе 1914 г. Германия распорядилась в датских территориальных водах расстановкой мин и наблюдательных постов как на своей собственной территории и превратила Данию на время войны в свою животноводческую ферму и в своего рода «порто-франко» военной контрабанды. В 1940 г., после оккупации Дании гитлеровской армией, датское правительство было принуждено к «лояльному сотрудничеству» с германскими оккупационными властями. Это «сотрудничество» получило высокую оценку гитлеровцев как залог утверждения их господства на севере Европы. Но оно вызвало всё более возраставший и всё более единодушный отпор со стороны датского народа. Свою борьбу против датских квислингов датский народ не отделяет от своей борьбы против фашистских оккупантов.

¹ Jessen F. «L'intervention de la France dans la question du Sleswig du Nord», p. 31. Paris. 1919.

² Торсов А. «История нашего столетия 1815—1899». Т. II, стр. 84. Перевод с датского. Киев. 1902.

СООБЩЕНИЯ И ПУБЛИКАЦИИ

ХОЛОПСТВО И ХОЛОПЫ В МОСКОВСКОМ ГОСУДАРСТВЕ XVII ВЕКА*

(Автореферат)

Чл.-корр. АН СССР А. Яковлев

Холопством в древней Руси называлось состояние невольничества; человек, в это состояние попавший, становился собственностью своего господина, мог быть им подарен, продан, завещан по наследству, даже совершенно безнаказанно изувечен и убит, как домашнее животное. Роль холопства в русской жизни была громадна и в смысле хозяйственного использования и в смысле воспитания около холопообладения навыков и понятий. Холопы были и земледельческими рабочими, и управителями владельческих имений, и дядьками у детей своих господ, и доверенными приказчиками, и вооружённой силой, и слугами во владельческом доме и т. д. Термин «государь», обозначавший хозяина-холоповладельца, стал в Москве названием главы государства и символом политического суверенитета. Термин «холоп» начал затем обозначать всякое должностное лицо на государственной службе, независимо от служебного ранга, будь то боярин, мелкий сын боярский или дворцовый ключник. Поняты отсюда интерес историков к холопству, не раз привлекавшему к себе наших крупных исследователей—Чичерина, Ключевского, Дьякова и многих других, но изучение истории холопства затруднялось чрезвычайной скудостью материала, оставшегося от этого социального явления; несколько десятков статей в наших юридических памятниках, несколько специальных царских указов о холопстве, беглые упоминания летописей, да отрывки из разных случайных документов, затрагивавших то ту, то другую его сторону,— вот всё, что оставила в изданных памятниках явления холопства быта и права. Автору этих строк посчастливилось напасть в кремлевской Троицкой башне, в

составе архива бывшей Оружейной палаты, на остатки архивного наследия Холопьяго приказа, большого учреждения, ведавшего в XVI—XVII вв. холопскими делами. Эта архивная находка дала возможность, в связи с упорядочением архивного дела при советской власти, изучить холопьи отношения уже по материалу, сравнительно с прежним, гораздо более богатому. Многие из того, что в истории древнерусского холопства казалось непонятным (например, странные и кажущиеся непоследовательными сравнительно с общим закрепостительным направлением политики Московского государства в крестьянском вопросе, указы о холопстве), становилось ясным при изучении материала холопских процессов, статистики холопских закабалений и других фактов, закреплённых документами во вновь найденном архивном материале.

Обратимся теперь к обзору наиболее важных наблюдений и выводов, из них вытекающих, к которым привело автора ближайшее ознакомление с этими документами.

I

Прежде всего, откуда произошёл самый термин «холоп» и когда сложились понятия и терминология холопьяго права, впервые встречаемые нами в памятниках XI в.— в Русской Правде, княжеских уставах, договорах и памятниках?

Ещё в X в. невольники назывались «челядью», и слово «холоп» на Руси не было в употреблении. Оно появилось в XI в., около 1030 г., когда на Русь стали попадать многочисленные пленники, привозимые в русские области князьями, громившими тогдашнюю Польшу. В Польше хлопом, из которого русское полногласие сделало холопа, назывался земледелец вообще; но, так как польские хлопья попадали на Русь в качестве военнопленных и сажались пленившими их князьями и дружинниками на землю, а пленник, по тогдашним понятиям, становился невольником-рабом, хлоп-хлоп или холоп стал на Руси обозначать именно невольника и заменил старый, привычный в X в. термин «челядь».

* Статья представляет собой автореферат работы А. И. Яковлева «Холопство и холопы в Московском государстве XVII в.». По архивным документам Холопьяго и Посольского приказов, Оружейной палаты, Разряда и др. АН СССР. М. 1943. 532 стр. Эта работа получила в 1943 г. Сталинскую премию второй степени.

Самое слово хлоп, бывшее в ходу в Польше, получилось, вероятно, через фонетическое перерождение средневекового греческого и латинского термина «склавос», обозначающего невольника вообще. Термин этот был взят от этнического названия, относившегося в Греции сначала ко всякому славянину, а потом именно к славяну-невольнику, так как тогдашние войны со славянами выбрасывали на рынок огромное количество взятых в плен на войне и обращённых победителями в невольников славян.

Слово «склав», или «слав», претворённое путём сложной звуковой эволюции в слово «хлоп»-«хлоп», стало обозначать на Руси невольника, хотя то же самое слово сохраняло в своей более близкой к греческому «склавосу» форме (славянин) свой основной этнический смысл.

Женским родом для холопа в древней Руси стала не холопка, как позднее, а раба — термин, взятый от германского *Raub* — *rauben*, обозначающий нечто награбленное, добычу. Термин этот прилагался ко всякому взятому при грабеже неприятеля добру, особенно к женщинам, являвшимся одним из самых заманчивых видов добычи в качестве ходового товара на невольничьих рынках. Так, гибридное сочетание терминов холоп-раба вскрывает двойственное происхождение понятий и норм холопского права, сформировавшегося на Руси около середины XI века.

Общим принципом холоповладения на Руси становится не только охрана этого вида имущества политической и военно-административной властью князей, обязанных помогать возвращению убежавших или силой отнятых у более слабых владельцев принадлежавших им холопов, но и обязанность всех общественных, «мирских», органов ловить и возвращать «законным» владельцам их беглых невольников.

В XII в., в связи с переходом к земледельческой культуре и с возрастанием ценности холопов как рабочей силы, мотив охранения холопства, и как самого ценного имущества и как юридического порядка, становится, насколько мы можем судить об этом по Русской Правде, доминирующим мотивом общественно-политических организаций на Руси.

2

В феодально-удельной Руси XIII и позднейших веков мы встречаем холоповладение уже как порядок, вполне установленный, санкционированный божеским и человеческим законами. Холопы должны повиноваться своим господам «не за страх, а за совесть», должны быть им преданы до могилы, должны быть верными их хранителями и защитниками в опасностях и бедах и т. д. Холопству, гласит постоянно повторяемое правило междукняжеских договоров, — «суд от века», т. е. на беглого холопа давности нет, и все холопские дела должны решаться, по древней традиции, безо всяких новшеств и поправок, как самими холопам, так и всяким нарушителям святости этого неприкосновенного института.

Случаи измены холопов своим господам рассматриваются памятниками того времени как нечто противоестественное, безгранично возмутительное, аналогичное посягательству родных детей на жизнь и честь своих родителей. Холопа можно отнять силою, но противоестественно и преступно подтачивать самые принципы холоповладения, подговаривая холопов к измене господам. Так дружно ошестивалось феодальное общество на защиту этого текучего, скользкого и опасного вида собственности, являвшегося основным орудием всех хозяйственных и боевых операций древней русской жизни. Не тронь меня в моём священном холоповладельческом праве, но зато и я не трону тебя — такой, на разные лады выраженный дружный уговор объединял и солидаризировал всех представителей тогдашнего буржуазного общества, как военнотруженика, так и торгово-промышленного, как великокняжеской Москвы, так и новгородского народоправства. Бегать и укрываться холопы могли — это явление было непредотвратимо, но только отверженец во владельческой среде мог оспаривать законность самого порядка холоповладения, подрывать и колебать основы этого древнего и священного уклада. Но пришло время и власть московских государей и их приказных руководителей и исполнителей начинает понемногу подкалывать это священное право холоповладения. Почему и как? В нашей литературе высказывались разные мнения. Одни исследователи полагали, что Москва стала подрывать холопье право как бы из чувства гуманности по отношению к холопам, другие приписывали эту тенденцию чисто правовым соображениям московских юристов, мысливших с точностью правоведов Рима и Византии. Так ли? Заглянем во вновь открытые источники, рисующие быт холоповладения XVI—XVII вв., так как состояние холоповладения в более раннюю эпоху нам вскрыть по отсутствию данных невозможно.

3

Объединительная работа московских государей, шедшая все ускораясь в течение двух столетий, от Ивана Калиты до Ивана Грозного, присоединяла к Московскому княжеству не только области и города, но и отрываемые при присоединении новых областей социальные слои: как самих бывших великих и удельных князей с их ярославским, тверским, рязанским и т. д. окружением, так и военных слуг, посадских людей, даже обыкновенных земледельцев, перебрасываемых в какие-нибудь иные районы раздвигавшего свои пределы Московского государства.

Этот процесс приводил к сосредоточению в самой Москве и около неё громадных холопских дворов, принадлежавших новым подданным московских государей. Каковы были эти холопские скопления, можно отчасти видеть по материалу наместничьих, губных и земских грамот. Собственные московские наместники, волостели и кормленщики, окружённые отрядами своих не на живот, а на смерть с ними связав-

ных холопов, оказывались для подвластного им населения не лучше, чем в былые времена татарские баскаки, так как их холопы свиты производили бесчинства, грабежи, держали притоны для воров и разбойников, обирали живых и мёртвых, насильно кабалили своим господам в холопство через подставных свидетелей или подмену выставляемых при опросе лиц свободных людей и т. д. Ещё в XVII в. подмосковные районы, особенно в летнее время, были небезопасны для проезда из-за грабежей распущенных отрядов боярских холопов, некормимых своими господами, промышлявших себе хлеб с оружием в руках, а потом укрывавшихся по дворам своих влиятельных хозяев, с которыми они нередко и делились результатами разбойничьих подвигов. Во время крупных народных волнений, связанных с вопросами о преемстве власти (например в малолетство Ивана Грозного), с татарскими набегами и внутренними междоусобиями, при близости литовской и шведской границ такие скопления вооружённых и во всяком случае привычных к оружию холопов становились опасными уже не только в полицейско-уголовном, но и в политическом смысле.

Все эти соображения неизбежно должны были заставить московское приказное правительство задумываться над целесообразностью неуклонного дальнейшего поддержания святости и неприкосновенности холопского владельческого права, согласно принципам которого, нигде не написанным дословно, но всюду и везде подразумевавшимся, трогать основы холопского института было и святотатственно и опасно для самих носителей государственной власти, в своём домашнем быту тоже опиравшихся на своих холопов.

Вот почему к явно неудобному для государственной власти холопскому институту московские государи подходят с крайней осторожностью: беспрестанно на холопий вопрос наталкиваясь, беспрестанно его по разным поводам задевая (целая четверть статей Уложения царя Алексея связана с вопросами холоповладения), московские великие князья и цари никогда не имели решимости начать радикальную ломку его, да и не чувствовали к этому внутренних принципиальных побуждений юридического или этического характера. Но у сложившегося в XVI в. положения была ещё одна сторона, выведшая холопий вопрос из его относительной устойчивости; эта сторона была связана с обострившейся потребностью Москвы в формировании новых вооружённых сил. Значительная часть таких формирований в середине XVI в. осуществлялась сборанием под московскими стягами уездных отрядов служилых людей, городских (уездных) дворян и детей боярских, являвшихся на службу в окружении своих собственных боевых слуг-холопов из расчёта по одному конному, вооружённому бронёй, шлемом, копьём, мечом и т. д. человеку на каждые 150 десятин пахотной земли. Но, подготовляя к царской службе эти отряды и отрядики, сливавшиеся затем в московском водоёме уже в многотысячные

конные армии, служилые люди проявляли разную степень энергии, предприимчивости, изворотливости, организационного умения, без которых трудно было подобрать и вооружить к бою даже и пяток холопов. Разные слои служилых людей находились в этом случае в разном положении: старые, давно успевшие наследственно укорениться в Москве, холоповладельцы высоких служебных рангов располагали огромными дворнями из нескольких сотен человек, а вновь водворённые в столице бывшие уездные элементы не могли на тогдашнем холопьем «рынке» получить и нужного им пятка холопов, привычных к оружию и необходимых в бою, не только в силу правительственных требований, но и для личной охраны в сражении своего владельца и предводителя.

Не может быть сомнения в том, что московское правительство середины XVI в. находилось под сильным давлением окружавшего его дворец служилого люда из вновь повёрстаных по московскому списку элементов в этом чрезвычайно остром для зарождавшейся тогда дворянской гвардии (так называемого московского списка) специальном вопросе: надо было как-то помочь новым приближённым слугам обзавестись своими собственными холопами!

Москва подходит к этой задаче при помощи требования, никогда последовательно ею не выполненного, но по-своему полезного: все холопы сплошь, чья бы они ни были, должны были быть перерегистрированы и должны были быть при переходе из рук в руки заново прикреплены к каждому новому владельцу, хотя бы это был сын и прямой наследник предыдущего владельца, особым документом — «кабалой за рост служить», — сила которого истекала при смерти владельца, так что все холопы умершего боярина¹, хотя бы их была целая тысяча, в момент смерти владельца юридически выходили на волю и могли быть объектом искательства для новых закабалителей, в них нуждавшихся. Это был некоторым образом принцип фритредерства (свободной торговли), шедший навстречу домогательствам новых, ещё не обеспеченных холопами элементов. В какой-то степени мера эта, никогда, впрочем, строго не проведенная, смягчала положение.

Другая мера была направлена на принудительный разгон холопских дворов после опалы лиц, политически скомпрометированных. Московское правительство в самом конце века собиралось сделать ещё несколько частичных нажимов на так называемое старинное холопство, ничем доселе не ограниченное в принципиальном, правовом смысле, защищая от принудительного закабаления малолетних детей холопа и препятствуя замаскированной передаче холопов по наследству под видом дарения, но встретило отпор со стороны холоповладельцев как держателей старинных наследственных холопских дворов, так и со сторо-

¹ Боярином холопы называли своего владельца независимо от его служебного ранга на государственной службе, даже если он был всего-навсего подьячим.

ны вновь запасшихся холопами свежих групп московского списка. Встретив отпор, правительство нерешительно остановилось на этом пути, перестав настаивать на проведении своих, стеснявших холоповладельцев мер до конца. Так, неопределённое положение с общей регистрацией всех холопов и с переводом всех холопов на условную и временную зависимость по служилой кабале только по жизни холоповладельца застыло на весь почти XVII в. и закончилось полным отступлением московских властей от всякой ограничительной политики по отношению к холопьюму праву: московская гвардия, дворяне московские и жильцы за сто лет срослись с ядром старой столичной знати и в то же время так были связаны с уездными служилыми корпорациями, что ни о какой серьёзной оппозиции старинным принципам холоповладения из низов служилого класса речи быть уже не могло. К тому же сравнительно узкий холопий вопрос был погашён другим, более важным и широким, крестьянским вопросом, принципиальная ликвидация которого, после разинского восстания, последовательным проведением системы закрепощения окончательно закончила более мелкие счёты по поводу холопства, порядка обложения, форм суда и т. д., разделявшие до этого времени разные разряды служилых людей. Внутриклассовый конфликт испарился, принципиальные юридические противоречия в служилой среде смолкли перед другим грозным противоречием: конфликтом между закреплёнными крестьянами и их помещиками, и холопий вопрос в этих условиях отошёл уже на задний план. В то же время финансовая невыгодность для московского правительства существования разряда не платящих государственных податей холопов (преодолеть традицию неплатежа холопами государственных повинностей до конца XVII в. правительство так и не решилось) в начале XVIII в. была ликвидирована включением сплошь всех холопов в податные разряды. Таким компромиссом окончилась многовековая история холопства, как особого правового института.

Обратимся теперь к фактам, раскрываемым изучением наследия Холопьева приказа и отражающим положение холопьевого населения в Московском государстве в первую половину XVII века. Что же мы застаём в этой области в эпоху первого царя из дома Романовых? Мы видим, что борьба московского правительства с холоповладением отнюдь не могла иметь тогда принципиального характера и не могла брать холоповладение, так сказать «в лоб»; антагонизм правительства древнему, крутому и не знающему юридических компромиссов холопьюму праву имел совершенно иной характер, будучи обусловлен только внутренними конфликтами по поводу холоповладения, развивавшимися в недрах самого класса холоповладельцев.

4

Среди документов Холопьева приказа имеем весьма ценный материал в виде по-

лутора десятка записных кабальных книг, в которые записывались в Новгороде Великом случаи свежего закабаления новых холопов и регистрировались старые крепости в последние годы XVI и первые годы XVII века. Эти драгоценные для исследователя книги дают нам возможность ознакомиться с ходом похолопления в самом Новгороде и в Новгородской области (новгородских пятнах) как раз в эпоху страшных голодов 1601—1603 годов.

Детальное изучение новгородских кабальных книг рисует нам ярче и доказательнее всяких общих глазомерных характеристик современных событиям наблюдателей, какую роль в закабалении и похолоплении крестьянских масс играли периодические голода, поражавшие то один, то другой район тогдашней России. Коэффициент возрастания количества закабаляемых людей вследствие упорных недородов поднялся для Бежецкой пятны, например, почти в 13 раз, а для Деревской пятны — почти в 18 раз¹. Суммируя наличный материал и гипотетически при помощи аналогии восполняя пробелы его, можно утверждать, что удары голода по крестьянству настолько ослабили его, что в среднем по Новгороду и пятнам похолопление за голодные 1601—1603 гг. возросло в 9 раз и, следовательно, сопровождалось громадным развалом хозяйственного положения новгородского крестьянства, разорение которого, вызванное неурожаями, закреплялось и делалось окончательным благодаря переходу обломков разбитых голодом семейств в кабальную холопью зависимость от помещиков. Это колоссальное количество исчезающих навсегда из податных кадров крестьянских хозяйств не могло не вызывать тревоги в финансовых органах Московского государства. Данные эти наглядно иллюстрируют, конечно, и беспокойство правительства о платёжных последствиях закабаления. Московские государственные финансисты не могли не почувствовать тревоги задолго до голодов 1601—1603 гг. и не могли не выставить требования относительно некоторых предупредительных мер против похолопления, отмеченных нами выше, уже с середины XVI века. Ясно, где надо искать побудительных мотивов указанной политики, направленной враждебно старинному холопьюму праву.

Дело было не в гуманности московского приказного чиновника (!!), как полагали некоторые историки, а в страхе за исправное поступление государственных доходов и за исправное отбывание крестьянами повинностей для государства, всё возрастающих год от году именно под давлением низов служилого класса, служба которых поддерживалась выплатами, получавшимися через аппарат с этого самого крестьянства. Таков деловой и прозаический смысл мнимой «гуманности» московской власти, несколько стеснительной для похолопления.

¹ Бежецкая пятна обнимала земли, лежащие примерно к северозападу, а Деревская — к югозападу от Октябрьской железной дороги.

Изучая состав закабаляемых, мы видим, что голод бьёт всего сильнее по семьям: на рынке появляется масса закабаляемых детей и женщин, тогда как в нормальное, безголодное, время среди закабаляемого контингента преобладают мужчины. Есть немало случаев, когда цена закабаляемого ребёнка падает до 20 коп., т. е. человек идёт по цене ниже телёнка или жеребёнка. По данным кабалных книг, мы видим, что голод неумолимо бьёт по слабым и наиболее незащищённым элементам крестьянства, выгоняя тысячи семейств из их дворов и превращая их в товар, самопродающийся холоповладельцам.

Кому же из среды служилого класса доставались эти обломки тысяч хозяйств? Изучая состав самих закабалителей, видим, что неурожаи, несомненно, затронувшие и их хозяйства, в общем не подорвали их покупательной силы и не ослабили их закабалительной энергии. В составе закабалителей мы видим даже известную демократизацию: если раньше, до голодных лет, закабалитель тратил в среднем в Бежецкой пятине, например, в год по 5 р. 83 к., то в голодные годы он тратит в среднем только по 3 р. 27 к., и не потому, что он сократил свои операции, а потому, что холопы стали дешевле и он берёт их теперь по более дешевой цене.

Изучая состав закабалителей по группам участвовавших в этих операциях фамилий, видим, что большинство их принадлежит как раз к тем самым служилым родам, которые систематически занимались этими операциями и до голодных лет; более того, некоторые семьи закабалителей даже увеличили размах своих операций как раз в голодные годы.

Эти наблюдения укрепляют наблюдателя в том общем понимании динамики этих процессов, которое изложено выше: развитие этих отношений как в экономической и бытовой форме, так, несомненно, и в области юридических концепций должно было совершаться под давлением наиболее сильных и энергичных верхов служилого класса, напавших на московское правительство со всех четырёх сторон горизонта: из Новгорода Великого, Галича, Владимира, Новгорода Нижнего, Рязани и Тулы, где сидели наиболее людные и наиболее важные в боевом отношении группы уездных служилых людей. Как и на земских соборах, вновь испечённые служилые люди по московскому списку являются глашатаями своих уездных корпораций, и приказным дьякам остаётся только регистрировать и юридически оформлять их прямые и косвенные, единичные и коллективные заявления, адресованные на имя государя всея Руси. Статистика похолоплений вполне объясняет динамику понятий и норм холопского права в XVI в. и показывает, под чьё диктовку и в чьих интересах велась правительственная указная политика по этому предмету. Давление сильных групп нового молодого столичного дворянства — основного ядра будущего «благородного сословия» — сказывается здесь вполне явственно.

5.

Показательным вопросом в развитии норм холопского права являлся вопрос о старине. Понятие «холопской старины», т. е. право владельца на данного холопа, вытекавшее из более или менее длительного пребывания данного, формально не закабалённого человека во дворе господина, должно было бы исчезнуть из юридического оборота московских учреждений с середины XVI в., когда правительство начало всё твёрже и всё настойчивее требовать наличности формального укрепления за владельцем каждого его холопа.

Если выразить тогдашнюю точку зрения московской власти на холопье право, то основное положение его можно формулировать так: не утверждённая специальным, приказом проверенным, документом зависимость не могла называться холопской крепостью со всеми вытекающими отсюда для самой власти последствиями, т. е. обязательной защитой прав владельца органами администрации, ловлей беглого холопа полицейскими органами и т. д. Никакой старины при этом не следовало принимать в расчёт; «не держи холопа без кабалы ни одного дня», как наставительно гласит формула одного из указов. На деле совсем не так: при отсутствии всякого намёка на документальное подтверждение прав владельца на закабаляемого им человека и только на основании длительного проживания его во дворе данного господина человек уже тем самым превращался в холопа. Так, в процессе ростовцев Еремеева и Коробкина малый Вахрушка был выдан Еремееву на том основании, что он с малолетства проживал у Еремеева, «а иного истца (II) тому малому Вахрушке, опроче Петра Еремеева в холопстве не было». Замечательно, что этот невероятный аргумент в пользу данного претендента на закабаление, исходивший из констатирования того факта, что перед приказом нет конкурента на похолопление данного человека, повторяется в приговорах Холопского приказа нередко. Ни приказ, ни стороны не стесняются то и дело козырять ссылкой на старину, и, хотя понятие старины не отличается ни ясностью, ни устойчивостью, однако ссылка на старину то и дело и на уме и на языке как истцов, так и ответчиков.

Больше того: понятие старины иной раз даже побивает аргумент оформленной и юридически утверждённой холопской кабалы! Иногда Холопий приказ к аргументам о наличности кабалы благодушно прибавляет ссылку и на сопутствующую кабале старину, как будто одного формального документированного доказательства мало (дело Еропкина и Стюнеева). В деле Завесина и Плещеева приказ открыто и твёрдо признаёт имеющей вес ссылку на старину, совершенно независимо от того, есть ли налицо кабала или нет. В деле Красенского и Петлина аргумент старины в приказном решении побивает силу аргумента кабалы. Нечего говорить, что сами стороны безо всякого стеснения игнорируют вопрос о кабале и то и дело энергично

ударяют на старину, хотя кабальный документ фигурирует тут же в деле. Если они и развивают и уточняют мотив старины, то только в сторону её фактического доказательства; но и для приказа и для сторон понятие это остаётся совершенно неясным: какая длительность давала владельческим претензиям, какими доказательствами старина должна была подтверждаться и т. д.? На все эти юридически неизбежные вопросы мы не найдём никакого ответа ни в указном праве, ни в мышлении восседавших в трибунале Холопьего приказа судей. Единственный сравнительно устойчивый момент в понимании старины относился только к факту рождения данного человека уже во дворе господина.

При таком нелепом, в приговорах приказа нередко попадавшемся, понимании «старинным» холопом мог сделаться двухнедельный ребёнок, если мать его разрешилась от бремени во дворе господина! Хотя указное право никакой старины не знало, или, вернее, с середины XVI в. не должно было знать, старина фигурирует в качестве аргумента то и дело. В нескольких десятках дел, где встречается ссылка на старину, приказ отверг её только в двух случаях: в деле Боршова и Селунского и в деле Голенищева-Кутузова и Чагина. Из этого явствует, что потенциально приказ всё же понимал, что указное право требует обязательного отвержения понятия старины во имя формальной кабалы. Такая постановка дела объясняется тем, что приказ, сам состоявший из холоповладельцев, про себя был всегда на стороне именно старины, как аргумента для холоподержателей, по своей расплывчатости гораздо более удобного, чем отчётливый и деловой принцип утверждения холопства кабалой, всё же несколько стеснявшей капризный закабалительный произвол владельца. Кабальное право, дававшее закабалённому формальную возможность требовать отпуска на свободу по смерти взявшего на него кабалу владельца, казалось и сторонам и приказу слишком стеснительным.

В вопросе о холопских детях единодушный тезис всех холоподержателей — их право на холопских детей, рождённых у них во дворе, хотя много раз и указы и судебники, а в половине XVII в. и Уложение подтверждали как общее правило принцип запрещения родителям кабалить своих малолетних детей и требовали привода холопских детей для выдачи ими специальной кабалы на себя только по достижении ими 15 лет. Совершенная сбивчивость кабального права в этом случае давала сильной стороне холоповладельцев полную возможность для толкования каждого данного случая в свою пользу. Холопий приказ относился весьма уважительно к тенденции кабалить холопских детей «по старине». Совершенно исключительными, встретившимися среди полтора десятка холопских процессов, были два случая, когда приказ потребовал отпуска на волю холопских детей, не закреплённых специальной кабалой (дело Бибикова и Маслова и дело Северова). Эти случаи показывают, что приказ не знал

своих норм, а сознательно их игнорировал и нарушал, потому, что, очевидно, им не симпатизировал и чувствовал их стеснительность для владельцев, на стороне которых, очевидно, были все его симпатии.

6

Четвёртым, важным типом юридических казусов, разбиравшихся Холопим приказом, был вопрос о взаимоотношении холопов — мужа и жены. Традиция многих столетий требовала, чтобы при похолоплении мужа становилась рабой и его жена, а при похолоплении жены становился холопом и муж её. Эта древняя точка зрения обуславливалась, разумеется, не возвышенным религиозным взглядом на нерасторжимость брачного союза, а хозяйственной заботой о сохранности холопского приплода, которому грозила преждевременная гибель в случае отрыва от хозяйства жены или мужа. Согласно общей идее холопского кабального права, автоматическое закабаление мужа по жене и жены по мужу не должно было бы иметь места; но и холоповладельцы и сам приказ дружно проводят архаическую точку зрения, согласно которой похолопление мужа влечёт за собой похолопление жены и обратно. Приказ интересуется только тем, кому отдать брачную пару, а не тем, можно ли считать законным похолопление мужа при жене или жены при муже.

Вопрос о нерасторжимости брака (уже с христианской точки зрения) при дележе срединённой брачными узлами пары возникает лишь после специального указа по этому поводу патриарха Фидарета, но и то приказ сделал об этом специальный доклад государю по делу Деева и Сьянова. Критерии оформленности брачного союза между холопами очень сбивчивы: то это церковное венчание, то «взятие молитвы», а иногда просто констатирование факта сожителства. Приказ торопится при разборе этих дел решить основной с его точки зрения вопрос — кому отдать по своему приговору брачную пару, — и только! Таким образом, и в этом важном вопросе мы не встречаем никакой устойчивой юридической идеи, и все вопросы решаются «по усмотрению» приказа.

7

Обратимся к бытовой стороне холоповладения. Можно сказать, что обзаведение своими собственными холопами было одной из первых забот домоводства сколько-нибудь зажиточного обывателя, особенно из служилого класса: без своих лошадей, коров, домашней птицы и без своих холопов нельзя было, по их понятиям, устроить нормальной хозяйственной жизни. Но холоп — не домашнее животное; найти подходящего холопа было не так-то легко, да и пребывание холопа в доме, особенно холопа вновь закабалённого, было делом, связанным со значительным риском. Холопы сбежали, унося, часто да очень солидную сумму, хозяйское имущество, а иногда совершив поджог хозяйского дома или даже убив своего хозяина. И, тем не менее, в

Москве всякий хозяйственный и домовитый обыватель стремится заpastись закабалёнными им людьми, крепости на которых он хранит, как драгоценность, у себя под изголовьем или сдаёт на сохранение в свой приходский храм в железом окованных сундуках. Холопов кабалют и боярин, и рядовой сын боярский, и поп, и даже нищий, приютившийся в государевой богадельне. Такой холоп. Карпушка, оказался, например, у жившего под кровом кулишской богадельни нищего Лукьяна Синцова. Этот Карпушка сбежал со сносом, т. е. с покражей имущества, по заявлению Синцова, на целых 35 рублей. У знатных бояр были холопы привилегированные, так называемые «большие», имевшие нередко своих собственных холопов, права на которых не оспаривает и Московский приказ. Так, мы встречаем холопов, принадлежавших холопам же князей Лыкова, Воротынского, Синцова, Голицына, боярина Шереметева, боярина Милославского и т. д.

Кого только не кабалили в Москве! Кабалют и бездомного детину, и девочку-сироту, и тяглеца из соседней слободы, и учеников-иконописцев, поступивших учиться своему искусству к мастеру и ставших неожиданно для себя объектом закабалительных тенденций этого мастера, как случилось с мальчиками Ивашкой да Васькой, учившимися иконному мастерству у дякона Софронища со Старого Ваганькова. Дерзость закабалителей, даже в середине XVII в., доходила до того, что они, вопреки прямому смыслу царских указов, стремились закабалить иной раз даже казачьего атамана, как покушался сделать некий тулянин Григорий Крюков, у которого донской атаман Павел Бешенцев неосторожно на время приютился. Боярский двор пытался втянуть в свою пасть даже государева стрельца, безместного попа, домашнего учителя и т. д. Так, некий Прошка Арзамасцев, обладавший каллиграфическим почерком, образчик которого нам сохранила его собственноручная челобитная, поступил в дом к кадомскому воеводе князю Тюменскому для обучения грамоте внука воеводы, князя Василия Канбаева. Хотя учение воеводского внука и было «туло гораздо», Арзамасцев всё же грамоте его выучил. Но воевода не отпустил его из дому после науки, приказывая ему учить грамоте и другого внука — Григория Жеребцова, вымучивая у него холопью крепость и прозясь «изувечить или на смерть убить», если учитель такой холопией крепости на себя ему не выдаст. То, что грозился сделать, а может быть, в дальнейшем и сделал князь Тюменский, на каждом шагу делали другие сильные люди, кабалившие свободных людей при помощи угроз, побоев, заперевания в тюрьму и т. д.

Особенно большой улов закабаляемых происходил после удачных войн, когда служилые люди начинали спешно холопить пленников. Так, под видом «литовского холопа» во время войн царя Алексея с Польшей похолопили массу «поляков», т. е. на деле белоруссов, украинцев, евреев, только частью подлинных поляков и т. д. Очень

часто встречаются случаи похолопления татар, каким-нибудь случаем попавших в Москву, особенно если они были малолетними.

Усилия закабалителей не останавливались перед закабалением даже своего брата — служилых людей, — хотя подобные деяния были строго воспрещены царскими указами, причём за такие операции строго наказывались кнутом и сами жертвы добровольного закабаления и должны были отвечать (хотя практически случаев ответственности мы не встретили) также и закабалители. Так, Семёном Лукьяновичем Стрешневым, царским шурином, был закабалён кашинский сын боярский Ивашка Шехонский, переданный потом Стрешневым некоему Андрею Колычеву. Братья Шехонские вступились за Ивашку и в 1649 г. извлекли его из колычевского двора.

Подобная история около того же времени (в 1650 г.) произошла и с представителем довольно видной служилой семьи — Ивашкой Тарбеевым, закабалённым во дворе боярина И. В. Морозова, крупного сановника этой эпохи. Как и в случае закабаления Шехонского, в похолощении участвовал царский свойственник Яков Стрешнев. По специальному вмешательству самого царя Алексея, закабалённый Ивашка был за своё самопохолощение «бит батоги» и возвращён в первобытное служилое состояние к своим родственникам Тарбеевым.

Насильственное похолощение сопровождалось нередко уголовными деяниями, кражами, разбоями и убийствами. Так, был похолоплен представитель тоже заметной служилой семьи — костромитин Фёдор Жихарев, насильно схваченный на отцовском поле неким стольником Булатниковым, родственником довольно известного тройцкого келара старца Александра Булатникова. Похитители довольно быстро превратили похищенного мальчика в конокрада. Повястно, почему царские указы по временам так ополчаются (больше, конечно, на словах) против приёмов насильственного похолощения, особенно похолощения с так называемой подставой, когда перед кабалищим трибуналом ставили человека, обманно называвшего себя именем какого-нибудь свободного жителя этого района. Созданный таким фиктивным лицом крепостной документ превращал ничего не подозревавшего свободного человека в холопа. Если такие случаи были возможны в самой Москве и по отношению к представителям московских служилых семейств, нетрудно представить себе, что могли творить наместники и волостели где-нибудь в Казани, на Вятке или на Вологде лет за сто перед тем!

Технику таких насильственных закабалений наглядно рисует дело некоего стольника и воеводы Петра Годунова, родича одновременно и царя Бориса и новой династии Романовых. Пётр Годунов, систематически применяя угрозы и насилие, кабалил в Сибири пленных поляков, татар и татарок, заодно прихватывая и русских мальчиков. Из делопроизводства по этому случаю не видно, чтобы разбойник-воевода, дерзко нарушивший один из строгих

указов, запрещавший воеводе кабалить людей по месту его службы, понёс за эти операции какую-либо кару, хотя дело это во всех подробностях было раскрыто его товарищем по тобольскому воеводству князем Бельским и было доведено до сведения самого царя.

Очень многочисленны случаи сманивания чужих холопов, т. е. того, что в те времена называлось «подговором». Подговором чужих холопов к побегу (обычно с хозяйским имуществом) занимаются все разряды холоповладельцев: и мелкий*уездный сын боярский, сманивающий холопа у своего соседа по владению помещьем, и крупный московский служилый человек, имеющий «приезд ко двору». Годунов занимается подговором холопов у Шереметева, у иконописца Пойсеина подговаривает холопа князь Афанасий Козловский, впрочем, быстро наказанный за это повальным разбегом своих собственных холопов. У князя Фёдора Волконского сманивает холопов видный приказный дьяк Баим Болтин, у Воронцова-Вельяминова сманил холопа московский туз Андрей Бороздин и т. д. В этой работе подговаривания обычно действовали специалисты по сманиванию — холопы заинтересованных лиц, специально подсылавших своих клеветов для разыгрывания по отношению к чужим холопам роли сирен. Но стоит соблазненному холопу оказаться в когтях подговорщика, как его в чужом дворе немедленно обрабатывают, отнимают у почему-либо неудобного чужого холопа краденый снос, а затем просто выгоняют его на улицу.

Подговором не брезговал никто; холоповладение не солидаризировало холоповладельцев, а, наоборот, сталкивало их между собою. Это объясняется одновременно и конкуренцией закабалителей между собою, и шаткостью правовых норм, регулировавших (если здесь можно говорить о регулировании вообще) холопьи правовые отношения, и исключительным отсутствием у населения правового чувства и уважения к норме, защищающей перед судом и законом слабую сторону, когда такая норма даже существовала, затерянная где-нибудь в куче беспорядочных и непоследовательных указов по холопьюму вопросу.

На фоне этого юридического беспорядка развёртывается картина постоянных холопских побегов. Холопы бегут от своих закабалителей во все четыре стороны света. Побег облегчается тем, что беглый холоп — гость, везде желанный, хотя часто и опасный: рабочая сила нужна во всей сотне московских уездов, и разборчивым тут быть не приходилось, тем более что беглый холоп, принятый в усадьбу нового владельца, оказывался сейчас же под надзором старой холопией дворни, а находясь в бегах, был вполне беззащитен и при первом подозрении мог сделаться предметом немедленной и жестокой расправы со стороны давшего ему приют нового владельца. Опасно было для последнего лишь явно незаконное закабаление при наличии ранее выданной другому лицу и официально зарегистрированной кабалы. К формальному закабалению

такие пристанодержатели поэтому часто обращаются, предпочитая держать у себя принятых ими чужих беглых холопов, не вникая глубоко в юридическую сторону своих операций. Так, у московского дьяка Пахома Лучникова сбежали в 1631 г. восемь холопов (две холопьи семьи с детьми), которые затем нашли себе приют в Арзамасском уезде, у тамошних уездных тузов Бахметевых. Когда Лучников отыскал беглых холопов, Бахметев предложил ему в обмен холопа, Якушку, тоже от кого-то сбежавшего. При попытке Лучникова изъять беглых холопов Бахметевы взяли да пзбили посланного Лучниковым его племянника Самойлова и даже пятерых приставов, официально прикрывавших наступление на их усадьбу этого Самойлова. Ввиду отступного Бахметев предложил взять у него в обмен холопа Фильку, но Лучников, проглотивший обиду с побоями, побоялся это сделать, так как Филька был явно чей-то беглый холоп. Судебная борьба не дала, однако, Лучникову, несмотря на его относительно крупное положение в московской приказной иерархии, ничего положительного, и ему пришлось помириться с Бахметевыми, взяв себе в утешение сомнительного Фильку.

Иногда сбежавшие холопы жили десятками лет в московских и даже соседних дворах у своих укрывателей, а старые хозяева холопа либо сознательно не замечали такого нарушения своих прав либо почему-то просто игнорировали факт укрывательства. Так, «беглая жёнка» Авдотья, украденная у знатных московских людей Нарбековых, переходя от одного хозяина к другому, попала в дом к дьяку Григорию Волкову, но затем (через 20 лет после своего побега от Нарбековых) сбежала обратно к Нарбековым.

Волковы и Нарбековы жили в одном приходе; стало быть, жёнка должна была то и дело попадаться на глаза нарбековским людям и самим Нарбековым, но они не обращали на неё внимания, а потом вдруг инсценировали якобы неожиданную встречу Авдотьи с нарбековскими людьми на Яузской портомойне. Вырвать беглого холопа из вотчины или поместья сильных людей вообще было нелегко. Тарушения Татарова, пытавшегося извлечь свою беглую жёнку из каширской вотчины кн. Горчакова, приказчики и люди Горчакова просто выгнали вон, хотя для поддержки татаровских претензий в качестве представителя государственной полицейской власти был привлечён на помощь пушкарь Сенька. Сообщая о своём выгоне из горчаковской вотчины, пушкарь меланхолично прибавлял: «То мой Сенькин доезд».

В холопских делах происходит то же, что и в крестьянских: сильные люди сманивают или силой хватают чужих холопов и ставят слабую сторону в беспомощное положение, упрягая беглого холопа в своих дальних деревнях, за сотни вёрст от места побега. Можно сказать, что территория Московского государства кишела беглыми холопами и количество сбежавших холопов в одной только Москве надо было

за год считать тысячами. Положение хозяина беглого холопа отягощалось ещё и тем, что он продолжал нести юридическую ответственность за своего сбежавшего холопа, если не успевал сделать официального заявления о побеге холопа, нередко быстро менявшего своё холопье состояние на профессию вора и разбойника.

Любопытна одна специфическая черта холопских отношений с господами, почему-то доселе совершенно ускользавшая от наблюдения исследователей,—это «приход беглых холопов к старому хозяину на сопас»,—черта, указывающая на нечто вроде органического срастания холопов и господ и, естественно, вызывавшая подозрительное отношение одновременно к господам и холопам из-за их внутренней близости у царской власти. Например беглый холоп Бор. Бибикова сбежал от него, служил в стрельцах и казаках и даже выдал на себя кабалу Маслову, но потом пришёл «на сопас» назад к Бибикову. «Прийти на сопас» означало получить приют, прокорм, платье, даже защиту у своего бывшего владельца в случае преследования за какие-либо преступления во время бегов. Факт особого юридического значения констатированного «сопаса» для подтверждения прав на данного холопа находил у представителей приказной власти признание и уважение.

Побеги холопов внутри государства, на восток, юг и север от Москвы, были более или менее частным делом хозяина-холоподержателя; но побег на запад, в сторону польской границы, находившейся от Москвы всего-навсего только в 200 с небольшим километрах, был уже вопросом государственным: московская власть видела в таком беглеце возможного шпиона, целившегося уйти за рубеж для передачи врагам «московских вестей». Для ловли таких беглых холопов, шедших в сторону Можайска, Вязьмы, Белой и т. д., приводилась в движение вся пограничная администрация и начинал действовать весь арсенал московских розыскных средств: дыба, кнут и прочее—ради получения от беглых холопов показаний, имеющих уже политическое значение. Так например брянские воеводы поймали холопа Лукьяна Давыдова—Ивашку, стремившегося уйти в Рославль. Питанный Ивашка оговорил в соучастии в своём побеге брянчанина, сына боярского, Мясоедова, поставив своим оговором его под дыбу. Висевший на дыбе холоп после первого жжения огнём объявил, что Мясоедова он оговорил напрасно, надеясь, что «будет легче». Дело было передано в Москву. Бояре приговорили пытать Ивашку накрепко, а потом повесить. Если так тревожно и подозрительно московская власть относилась к побегам через рубеж и даже к скитаниям около рубежа в XVII в., когда масса боярства уже не вызывала политических подозрений, то вполне естественно, что за сто лет до того, во времена Грозного, переход через рубеж, связанный с ещё большими политическими опасностями, неизбежно вызывал очень серьёзные подозрения.

8.

Убегавший от хозяина холоп, как правило, уносил с собой тот или другой «снос», т. е. часть пожитков своего хозяина в дополнение к своему весьма скудному имуществу. Изучая в цифрах величину сноса, мы можем придти к установлению некоторых средних размеров его. Так, убегавший из двора московского служилого человека холоп уносил в среднем имущества рублей на 70, т. е. в переводе на современные золотые рубли рублей на 600—700, что было, конечно, весьма чувствительным ударом по домашнему благополучию холоповладельца.

В снос входят самые разнообразные предметы: домашнее платье, шубы, костюмы, шапки, серебряные сосуды, оружие, сёдла, драгоценности, «золотая и серебряная рухлядь», кабальные грамоты-крепости и т. д. По тысячам сохранившихся явок-заявлений о сносе можно даже изучать домашний быт тогдашних зажиточных людей. Любопытно, что снос у уездных служилых людей по своему размеру не так значителен и достигал в среднем только 30—40 руб., что говорит об известной правдивости показаний заинтересованных лиц, заявлявших о побеге холопов и о сносе имущества.

Зимой 1627—1628 гг., за семь месяцев, в Москве сбежало, по данным явок, 1244 человека, унесших имущества на 20 973 рубля. Важной частью свода, сноса и своза был, конечно, свод лошадей, своз упряжи, саней, телег и т. д., служивших для убегавших холопов средством передвижения, иногда за много сотен вёрст, так как убегавший холоп имел возможность по дороге находить пристань и покровителей, с которыми он расплачивался унесённым хозяйским имуществом. Ловкого и предприимчивого холопа поймать было поэтому чрезвычайно трудно, особенно, если он успел перебраться через ближайшую полосу пограничных заграждений на широте Тулы, а тем более Орла и Ельца. Но иные энергичные хозяева гонялись за беглыми холопами с целыми вооружёнными отрядами до самого Дона, откуда, по старинному обычаю, «холопам выдачи не бывало». В 1627 г. своих шестерых холопов Ив. Безобразов настиг с отрядом привлечённых на помощь 10 сторожевых казаков уже на реке Хопре. Часть рухляди на этом огромном пробеге от Москвы до Хопра беглецы успели спустить, а «письмо», т. е. крепостные документы на себя, «передраз пометали в воду на реке на Полночаше».

В статистике сбежавших холопов обращает на себя внимание весьма значительное количество холопов, принадлежавших московским приказным дьякам и подьячим, долженствовавшим проводить ограничительные нормы холопского права, поскольку такие нормы до конца XVII в. всё же могли считаться действующими. Понятно, что у приказного дьяка или подьячего, холоповладельца в своём собственном домашнем быту, не могло быть побуждения особенно настойчиво противодействовать другим холоповладельцам, стремившимся вся-

чески освободиться даже от малейших стеснений (например при противозаконной передаче холопов по наследству), которые налагались на их произвол ограничительными указными нормами. О том, как враждебно приказные относились к законным с точки зрения даже указного права нормам, ограждавшим убогие права холопов, можно судить по тем тяжбам, которые изредка удавалось вести самим холопам со своими порабощителями. Заглянем теперь в эти процессы.

9

В деле холопов Хомутова и Плужникова, отбивавшихся от дьяка Григория Пятово, деле, разыгравшемся в тревожные для царской власти дни 1649 г., холопы, подвергнутые старым дьяком истязаниям (он сек их кнутом, привязав к грядке саней), решили использовать настроения 1649 г. и, убежав зимней ночью в столицу из Дмитрова, донесли, что старый дьяк занимается колдовством, что по тогдашним понятиям считалось большим государственным преступлением, так как колдовство, поскольку дьяк имел доступ во дворец, могло повести к порче царя, царицы, царских детей и т. д.

Колдовство дьяка состояло в том, что Григорий — человек суеверный и не очень крепкий головой, — страдая от падежа скотины, решил ночью опакать двор, ограждая этим своё владение от действия нечистой силы, которая, по его мнению, и вызвала падеж его лошадей. Другая подзёртывающая манипуляция дьяка Григория состояла в том, что, болев, повидимому, ревматизмом, он выписал себе каких-то знахарей, которые парили его в бане, причём дьяк приказывал возить себя в эту баню на своём же собственном дворе не на лошади, а слямами холопов, тащивших сани с дьяком и сидевшим с ним вместе знахарем, в чём доносчиками было замечено нечто мистическое. Холопьяго доноса было достаточно, чтобы начался сложный розыск, вызвавший арест и привоз в Москву десятков лиц, находившихся в разных отношениях с дьяком, имевшим под самым Дмитровом вотчину — село Подлиличье, существующее и донныне. Был арестован и сдан под стражу, другому дьяку и сам дьяк Григорий. В московских узниках оказались десятки лиц, ничего не подозревавших ни о болезни дьяка, ни о способах лечения, им применяемых. Только через три месяца, когда выяснилась вся пустота этого нелепого дела, дьяк Григорий и его соседельцы по делу были выпущены на свободу. Мы, к сожалению, не знаем судьбы злополучных холопов Хомутова и Плужникова, пошедших на этот отчаянный шаг, но надо думать, что они были возвращены обратно в руки Пятово и испробовали кнута на его конюшне. Дело это показательное по той лёгкости, с которой холоп, знавший интимный быт своих владельцев, даже в половине XVII в., когда отношения между царём и его окружением отнюдь не были острыми, мог раздуть наивные медицинские манипуляции хозяина в громкое политическое дело. Становятся понятными такие же процессы

XVI и начала XVII в., особенно так называемое Романовское дело 1601 года.

Дело холопов Плужникова и Хомутова показывает, каким могучим и верным средством шпионажа и проникновения в глубину любой владельческой семьи обладало московское правительство: стоило только кликнуть клич — и домашние обвинителя тотчас находились во всяком боярском или дворянском хозяйстве. Эти наблюдения показывают также, что настойчиво проводимый отрыв старинных холопов от их холопских «государей» своей цели вполне достиг и что в каждом агрегате холопией двора у царской власти всегда были холопы-союзники. Становится понятным и полное исчезновение всяких оппозиционных настроений в среде боярства: ряды холопов, когда-то не на живот, а на смерть преданных своим господам (как был предан легендарный Василий Шибанов князю Андрею Курбскому), превратились теперь в пористую и рыхлую массу, в которую как обязательный ингредиент входили временные, «кочевые», кабальные холопы.

В другом деле — пушкаря Даниила Большой Бороды, нагло закабалённого сильной семьёй Лодыгиных на реке Инсаре (приток Алатыря), — мы имеем случай, весьма наглядно рисующий ту народную поговорку, что ворота боярского двора были широко распахнуты для вхождения холопа и плотно закрыты для выхода из них.

Насильно закабалив, пользуясь своим родством с арзамасским воеводой князем Оболенским, служилого человека пушкаря Даниила, забив его в алатырской глуши в колоду, взяв измором его семью, дерзкая шайка закабалителей Лодыгиных считала себя, повидимому, недостижимой для всякого воздействия и, раздавив семью пушкарей, защищавших границы Московского государства в двух поколениях, торжествовала свою победу.

Много надо было смелости для Даниила, чтобы (как и холопы Плужников и Хомутов в только что пересказанном деле дьяка Григория Пятово) через 19 лет после закабаления, оставив свою семью из 8 душ в лапах закабалителей, начать юридическую борьбу с Лодыгиными через московский Холопий приказ. Эта борьба, по каким-то нам неизвестным причинам ставшая известной самому царю и вызвавшая его несомненный интерес, тянулась, несмотря на полную доказанность и очевидность всех перипетий дела, целых два года, в течение которых, при наличии живого интереса к тяжбе царя Алексея, Данила должен был с величайшими усилиями пробивать себе дорогу на свободу. Вследствие выигрыша Даниилом дела он мог предъявить к Лодыгиным иск за незаконное держание его самого в тюрьме и за истязания его семьи во дворе закабалителя, с момента вчинения им формального иска, в начале 1649 года. Иск этот, неизбежно вытекавший из выигрыша основного дела о принудительном освобождении Даниила из холопства во дворе Лодыгиных (причём во время процесса одна из дочерей его во дворе у Лодыгиных погибла), достигавший всего-навсего 63 р.

20 алтын и принципиально признанный даже таким заскорузлым учреждением, как Холопий приказ, вызвал неистовый прилив бешенства во всем Лодыгинском клане: под видом поручительства за Лодыгиных выступила целая фаланга их родственников и свойственников (всё служила знать — стольники, дворяне московские, стряпчие и т. д.), давших недвусмысленно понять самому царю, что они крайне раздражены его вмешательством в это гнусное дело насильственного закабаления служилого человека.

Дело Данилы чрезвычайно показательное по тем сверхъестественным трудностям, которые должен был преодолеть, чтобы вырваться из цепких лап чиновного негодяя, принадлежавший к служилой семье и имевший право писаться в челобитных «государевым холопом» (признак служилого ранга), насильно и обманно похолопленный темниковский пушкарь. В этом показательном для нас деле обрисовывается смелый, идущий на страшный риск и для себя и для семьи характер безвестного артиллериста, вместе со своим отцом более полстолетия защищавшего от ногайских набегов южные окраины Московского государства. Дело Данилы разыгрывалось как раз в тех местах, где 20 лет спустя бушевало разинское восстание, и, изучая перипетии его, мы видим, как старательно московская служилая знать готовила взрыв народного гнева.

Дело холопов Грачёвых, тоже ведших упорную борьбу против своего закабаления дворянами московскими Телегинными и Зыковыми, обращает на себя особое внимание по жестоким истязаниям, которым была подвергнута семья Клима Грачёва, когда он ушёл в Москву бить царю челом на своё насильственное закабаление. Акулина Телегина приказала своему старосте заковать жену Клима в кандалы, одному человеку из своей дворни сесть несчастной женщине на голову, а другому — на плечи и собственноручно избивала её ослопом; мало того, велела одному из своих холопов её «позорить» (изнасиловать), но холоп отказался ей повиноваться. И всё это делалось не в дальней алатырской вотчине, как в деле Данилы Большая Борода, а под самой Москвой! В этом процессе любопытна юридическая находчивость холопа Клима Грачёва, меткими и быстрыми репликами не раз сбивавшего противника с юридической позиции и отлично владевшего не только диалектикой судоворения, но прекрасно составлявшего свои письменные возражения и ответы. Юридически бесспорное и принципиально уже решённое дело Холопий приказ волочит больше года, не делая никакого усилия, чтобы оформить своё же собственное состоявшееся решение. Только благодаря выхлопотанному Климом переносу дела к боярам, что было вызвано личным интересом самого царя Алексея, Грачёвым удалось, наконец, добиться своего освобождения.

Наблюдения над борьбой холоповладельцев в защиту своих закабалительных операций, законных и незаконных, показывают, что владельческий мир постепенно становится на путь требования от государственных органов террористических мер по отношению к холопам: применения дыбы, раскалённых клещей, горячих венчиков, которыми жгли обнажённые спины людей, повешенных на дыбу, а затем и виселицы. Эта система свирепых мероприятий, навязываемых правительству холоповладельцами, своей цели достигла, и всякий коллективный протест закабаляемого в холопы или крестьянское крепостное состояние люда был временно задушен.

В деле холопа Рылеева мы встречаем (редкий для московского человека случай) открытый принципиальный протест против торговли холопами. «Несбыточное то дело, что людей продавать!» — с горечью и негодованием заявил на процессе этот холоп. Ответом ему был тоже промогласно заявленный принцип холоповладельца дьяка Волкова: «Сыну своему своих кабалных холопей и дать и взять я волен!», что в корне противоречило официальным принципам кабалного холопства, не подлежащего передаче по наследству. В деле Данилы Большая Борода и Лодыгиных твёрдо формулирована и основная точка зрения на холоповладение, навязываемая держателями холопов царской власти. Разъярённые борьбой с пушкарём Данилой, Лодыгины требуют, чтобы царская власть шла полностью у них на поводу: «чтобы впредь неподажд было иным нашим холопом от нас от холопства оттягиваться!»

В конечном счёте правительство пошло по «диагонали сил»: оно признало, что холопы не должны «оттягиваться» от своих господ, но зато потребовало от владельцев, чтобы вразрез со старыми понятиями и навывками холоп наравне с крестьянином стал плательщиком государственных повинностей и поставщиком рекрут для армии. Оформление этих принципов относится уже к эпохе императора Петра I.

Ближайшее изучение холопского права в быту разрушает всякие иллюзии, не высказывавшиеся в нашей исторической литературе, будто московское законодательство иногда проникалось какими-то гуманными настроениями и что цари и их приказные исполнители хотели и могли становиться на сторону социально слабых классов населения. Отдельные спорадические приливы внимания к неумолимо шедшему всё вперёд закабалительному процессу, даже если они исходили от самого царя, были совершенно бессильны повлиять на общую динамику похолопления. Но, закабалляя за собой холопов, московские служилые люди сами зато становились полными холопами своих правителей. Это была обратная сторона социального торжества господина над холопом.

БУКОВИНА ПОД АВСТРО-ВЕНГЕРСКИМ И РУМЫНСКИМ ИГОМ

К. Софроненко

По свидетельству летописей, предки современных буковинцев — славянские народы — уличи и тиверцы — ещё в древние времена, в период образования империи Рюриковичей, входили в состав Киевского государства. Летописец истории Галицко-Волынской Руси говорит о славянских племенах, живших по Днестру и Бугу, следующее: «А уличи и тиверцы сядяху по Бугу и по Днестру и приседаху к Дунаеву и бе множество их сядяху по Бугу и по Днестру оли до моря и суть города их и до сего дне»¹.

Во время распада Киевского государства и образования Галицко-Волынского княжества, границы которого доходили до Нижнего Дуная, земля Буковинская была волостью в составе земель галицкого князя Ивана Берладника (первая половина XI в.).

В середине XI в. князь галицкий Ярослав Осмомысл объединил волости Перемышльскую, Терембовольскую и земли Буковины в одно Галицкое княжество с главным городом Галичем. С этого времени на протяжении почти четырёх веков судьба Буковины неотделима от экономического, политического и культурного развития Галицко-Волынского княжества, которое в XII — XIII вв. было высокоразвитой и в военном отношении могущественной державой. Раздел земель Галицко-Волынской державы между Венгрией, Польшей и Литвой в середине XV в. был поворотным пунктом и в дальнейших судьбах Буковины. В конце XIV в. образовалось Молдавское государство (с главным городом Сучава), в состав которого Буковина вошла как основная часть. Молдавское государство было недостаточно крепким в экономическом и в военном отношении, чтобы отстоять свою государственную самостоятельность. На протяжении почти всего XV столетия шла упорная борьба между Польшей и Венгрией за обладание Покутием и Северной Буковиной. Буковинская земля, разоряемая и ограбляемая захватчиками, неоднократно переходила из рук в руки. В конце XVI в. Молдавское государство было подчинено Турции. Во время русско-турецкой войны 1768—1774 гг. Австрия самовольно захватила земли Буковины, а Турция после поражения в войне с Россией подписала в 1775 г. договор о присоединении земель Буковины к Австрии.

Австрия всячески старалась закрепить за собой Буковину с её богатым сельским хозяйством, скотоводством, лесами, солью, нефтью.

Буковина была выделена из состава Молдавского государства, но не получала права на самостоятельное административное управление. Декретом от 1 февраля 1787 г. император Иосиф II объединил «буковинские станы» с галицкими (входившими в состав Австрии). В состав так называемого королевства Галичины Буковина была включена как отдельный округ. Провозгласив затем в 1804 г. «независимость» буковинских станов, австрийское правительство уже в 1817 г. снова присоединило Буковину к Галиции, подчинило её львовскому административному управлению и наблюдению «наивысшего» ревизора.

Австрийское государство держало буковинский народ в крепостной неволе. Хотя в 1781 г. император Иосиф II издал указ («патент») о личном освобождении крестьян в Чехии, Моравии, Крайне и Галиции, реформа эта фактически не была завершена вплоть до середины XIX века. Пережитки крепостничества (оброк и барщина) и национальный гнёт в начале XIX в. вызвали неоднократные восстания крестьян. Обычно правительство, подавляя такие восстания, ещё больше увеличивало количество барщинных дней. Австрийские монархи, отдав Буковину, как и Галицию, на расправу и ограбление немецким, польским и румынским помещикам и капиталистам, вводили им также судьбу народного образования и вообще судьбу всей культуры буковинского народа. Немецкие и польские колонисты всемерно искореняли украинскую культуру буковинского народа, умышленно поддерживали неграмотность и забитость буковинцев. По данным переписи 1880 г., в Буковине было неграмотных мужчин 87%, неграмотных женщин — 92,5%.

Массовое восстание крестьянства, начавшееся в 1840 г. в местечке Путилово, в Гуцульщине, охватило всю Гуцульщину и продолжалось вплоть до 1843 года. Горский народ — гуцулы (также украинцы) — отказывался нести крепостные повинности, изгонял панов из их владений, отбирал у них земли и леса, провозглашал леса и земли собственностью общества, «мира».

Австрия отдала Буковину на расправу Польше: польские войска потопили в крови восстание гуцулов.

Товарищ Сталин подразумевал именно такую национальную политику австрийской монархии, когда говорил на XII съезде РКП(б): «Австрийцы приближали к себе поляков, давали им привилегии, чтобы поляки помогли укрепить австрийцам свои позиции в Польше, и за это давали полякам возможность душиять Галицию. Это особая, чисто австрийская система — выделить некоторые национальности и давать им

¹ Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). Т. II. Ипатьевская летопись, стр. 9—10, л. 6. СПб. 1908.

привилегии, чтобы затем справиться с остальными»¹.

Террор польской шляхты не устрашил свободолюбивого гуцульского народа: борьба крестьян Буковины против помещиков вспыхнула с новой силой в 1845 г. и продолжалась в последующие годы. Руководителем этого народного движения был Лукьян Кобылица из села Плоськи, чья имя передаётся из поколения в поколение до наших времён, с любовью и гордостью, как имя народного героя, борца за свободу буковинского народа. В 1846 г. крестьянское восстание распространилось по всей Галиции.

Крестьяне, изгоняя помещиков, требовали полной отмены крепостного права и передачи земли и лесов в ведение сельских громад (обществ), права гуцульского народа на вооружение, подсудности крестьян народному суду. Особенно широкие размеры приняло это крестьянское движение в 1848 г., когда буковинцы выступили вместе с венгерскими и австрийскими крестьянами против меттерниховской монархии. Под угрозой народных восстаний император Фердинанд вынужден был провозгласить полную отмену крепостного права (декрет от 1 июля 1848 г.), но, по решению рейхсрата Австрии, крестьяне должны были внести панам выкуп за землю, вернее, за своё «освобождение».

В это время румынские бояре попытались использовать народное движение в своих интересах и подали петицию правительству об объединении Буковины с Румынией. В свою очередь и молдавские господа обратились к правительству с просьбой о присоединении Буковины к Молдавии. Австрийское правительство не хотело выпустить из своих рук Буковину. Ему удалось подавить восстание буковинцев. Однако из страха перед новым восстанием оно вынуждено было пойти на уступки.

По конституции от 4 марта 1849 г., Буковина была преобразована в самостоятельную административную единицу, называвшуюся герцогством Буковинским. В 1850 г. Буковина получила право иметь свой сейм в городе Черновцах. В 1854 г. была образована отдельная краевая управа во главе с президентом бароном Фр. Шмиком. Таким образом, прельстив буковинских дядычів² «автономией края», австрийское правительство затем провозгласило в 1860 г. объединение Буковины с Галицией, отдало её снова на расправу польским панам и постепенно свело к нулю её скромные демократические права.

Немецкие и румынские депутаты в государственном совете, которые были заинтересованы в свободе действий в Буковине, выразили протест по поводу объединения Буковины с Галицией.

По февральскому «патенту» 1861 г., Буковине было вновь предоставлено право созыва краевого сейма в Черновцах, фактически упразднённого при объединении с

Галицией. Из 31 места в сейме только 11 мест отводилось для депутатов от сельских общин, которые были представлены главным образом богатыми крестьянами. Председателя сейма назначал император Австрии.

По конституции 1867 г., в парламенте Австро-Венгрии Буковине предоставлено было 11 мест: из них сельским общинам принадлежало только 3 места при общем количестве 425 депутатских мест в парламенте.

Показательно, что немецкое население, составлявшее только 35% общего количества жителей Австро-Венгерской империи, было представлено 117 депутатами, тогда как славянское население, составлявшее 60%, было представлено в рейхсрате 136 депутатами. Таким образом, норма представительства немецких помещиков и буржуазии в империи была увеличена почти в два раза сравнительно с нормой представительства славянских народов.

Австрийские, немецкие, румынские и польские бароны и магнаты с жадностью набросились на богатые земли и недра Буковины. Они присвоили себе и превратили в сырьевую базу для своей промышленности лучшие пахотные земли, пастбища, леса, лесные промыслы, горные промыслы (добыча нефти, медной и марганцевой руды).

Австрийское правительство искусственно поддерживало феодально-крепостную технику земледелия и ручную технику в промыслах Буковины, препятствуя развитию фабрично-заводской промышленности.

Обезземеленное и разорённое крестьянство либо постепенно превращалось в армию сельскохозяйственных рабочих, уходило на лесные промыслы, либо, спасаясь от голодной смерти, массами эмигрировало в США, Канаду, Бразилию и другие страны.

Перепись населения, проведённая правительством в 1910 г., показывает, что прирост населения в Буковине равнялся в 1859—1880 гг. — 1,03%, в 1900—1910 гг. — 0,97%³. Эти цифры свидетельствуют о вымирании населения. Указанный здесь незначительный прирост населения происходил за счёт усиленного притока немецких, румынских и польских колонизаторов. За 40 лет (1869—1910) разросся административный и судебный аппарат управления австро-венгерского правительства в Буковине, усилились национальный гнёт и политика онемечивания славянских народов. В начале XIX в. правительство объявило, что украинские школы могут существовать лишь там, где нет немецких и польских школ, а затем и это ограниченное право было ликвидировано. В Черновицком университете со времени его основания (1875) большинство лекционных курсов читалось на немецком языке.

¹ И. Сталин «Марксизм и национально-колониальный вопрос», стр. 157. Госполитиздат. 1939.

² Дядычи — буковинские помещики.

³ Кузеля З. «Галичина и Буковина в свідлі переписи з 31 грудня 1910 року». Літературно-науковий вістник. Кв. 1-я за січень — березень 1914 р., стр. 102.

Буковинский народ, измученный кабалой и бесправием, продолжал борьбу за освобождение от классового и национального гнёта, за объединение с украинским народом. В песнях-«коломийках» буковинцы поют:

«Е у мене топір, топір та кована бляшка,
Не боюся того вімця, а ні того ляшка».

В начале XX в. в Буковине возникли культурно-просветительные общества, которые содействовали развитию украинской культуры — языка, литературы, искусства и т. п.

Особое значение в истории развития украинской культуры в Буковине имела революционная и литературная деятельность крупнейшего писателя Западной Украины — Ивана Франко. В тот период, в конце XIX в., возникло социал-демократическое движение в Буковине, возглавленное Григоровичи и др. и находившееся под влиянием австрийской социал-демократии. Следуя указаниям австрийских социал-демократов, они усердно ратовали за единение Буковины с Австрией, за совместную оборону Австро-Венгерской империи в предстоящей империалистической войне.

Даже после того, как Германия и Австро-Венгрия потерпели поражение в войне 1914—1918 гг., когда пала империя Габсбургов и образовались самостоятельные государства — Венгрия и Чехословакия, — Буковина всё ещё оставалась под властью Австрии. Буржуазные националисты Буковины во главе с Василько усердно ратовали за единство Буковины с Румынией. Но не того хотел буковинский народ. В 1918 г. почти во всех уездах Буковины были восстания против национального гнёта и за воссоединение с украинским народом¹.

Буржуазия, меньшевики и разные мелко-буржуазные националистические партии и политические группировки Буковины, напуганные распространением «большевистских настроений» в народе, готовы были продать Буковину кому угодно, лишь бы только приостановить борьбу народа Буковины за власть советов, за объединение с Советской Украиной.

В момент народного восстания в Буковине румынские бояре пустили в ход все средства борьбы за присоединение Буковины к Румынии, а австрийские и германские бароны — за сохранение Буковины под властью Австрии.

Восставший народ создал новый орган власти — Народное вече — и Краевой комитет, — административный орган управления Буковины.

Народное вече, созданное по требованию народа 3 ноября 1918 г., поставило вопреки меньшевистско-националистическому руководству из Краевого комитета (председатель — меньшевик Попович Ем.) на повестку дня вопрос об объединении Букови-

ны с Советской Украиной. На этом собрании лидеры меньшевистской и националистической партий старательно убеждали народ присоединиться к Австрии или Румынии, так как на Украине, по их мнению, господствует «анархия». Однако их голос остался одиноким. Народные депутаты с трибуны Народного вече заявили: «Не хочемо ні до Австрії, ні до Румунії — мы хочемо пристати до Київа». Подавляющим большинством голосов вече вынесло решение об объединении Буковины с Советской Украиной.

Изгоняя из своих земель и лесов дидичив, баронов, панов и капиталистов, буковинцы образовывали в громадах комитеты по управлению народной собственностью. К народу присоединились и военные части Буковины. 41-й и 42-й полки заняли почти всю Северную Буковину с городом Черновицы.

Румынские бояре и буковинские дидичи в страхе перед растущим революционным движением в стране послали делегацию к румынскому правительству с просьбой ускорить оккупацию Буковины. Одновременно меньшевистское и националистическое руководство из Краевого комитета во главе с Поповичем и К^о подписало от имени комитета соглашение с представителем румынских националистов Ончуловым о передаче Румынии тех уездов, где было большинство румынского населения, а тех уездов, где преобладало украинское население, — Западной Украине. В сущности это было соглашение об оккупации всей Буковины Румынией. Образовавшаяся Национальная рада, составленная из румынских и буковинских меньшевиков и националистов, фактически была исполнительным органом румынского правительства и всячески содействовала захвату Буковины Румынией.

6 ноября 1918 г. Румыния заключила соглашение с Польшей, на основе которого Польша обязалась поддерживать притязания Румынии на Буковину, получив взамен поддержку Румынией польских притязаний на Восточную Галицию.

8 ноября 1918 г. румынские самолёты разбрасывали воззвания над Черновицами с призывом положить «конец большевизму», — а 9 и 10 ноября румынские оккупационные войска вторглись в Буковину и заняли Черновицы.

В период оккупации меньшевистское и националистическое руководство партий и учреждений предавало народ на расправу румынским войскам.

Генерал Задик, командующий румынской армией в Буковине, заявил населению в воззвании: «Я пришёл по высочайшему повелению для охраны жизни и имущества жителей всех национальностей от преступных банд. С величайшей строгостью я буду подавлять попытки к беспорядкам, а также карать за неподчинение моим распоряжениям»².

За спиной румынских оккупационных войск стояла французская военная миссия

² См. «Киевская мысль» от 12 ноября 1918 года.

¹ Газета «Киевская мысль» от 5 ноября 1918 г. писала: «Сознательное крестьянство, рабочие и женщины с оружием в руках во всех уездах Восточной Галиции и Буковины выступили единодушно в защиту интересов украинского народа».

во главе с её начальником генералом Бертело. В то же время румынское правительство предоставило свою территорию и германскому военному командованию, которое превратило её в свой плацдарм.

Между тем эшелоны германских солдат под красным флагом уходили с Украины не для того, чтобы продолжать борьбу против союзников на территории Румынии: они спешили кончать войну, так как уже разваливалась империя Вильгельма II.

Во время дележа австро-венгерского наследства в сентябре 1919 г. южная часть Буковины отошла, по Сен-Жерменскому мирному договору, к Румынии. Что касается Северной Буковины, то вопрос о ней должен был решиться после исхода гражданской войны в России. По договору с царской Россией, союзники дали согласие на присоединение Северной Буковины к России после разгрома Германии и Австро-Венгрии. Когда же гражданская война окончилась победой Советов, когда и в России и на Украине упрочилась советская власть, бывшие союзники царской России закрепили права Румынии на Северную Буковину специальным трактатом на конгрессе в г. Севре 10 августа 1920 года.

Румынская военщина установила в Буковине военную диктатуру во главе с Я. Флондором. Начались гонения на буковинский народ. В административные органы управления допускались лишь те буковинские старосты громад, которые предъявляли особо заготовленные румынскими властями на местах бланки с печатью громады, удостоверявшие «исключительное желание» буковинского народа присоединиться к Румынии.

Между тем крестьяне и рабочие Буковины продолжали вести партизанскую войну против румынских поработителей. Особенно отличались в этих боях отряды гуцульских партизан. Военские части Буковины—112-й и 113-й полки—отказались идти на службу к румынской военщине и перешли на территорию Советской Украины.

Летом 1920 г., когда Красная Армия громила белополяков, буковинские крестьяне восстали против интервентов. Румынская военщина жестоко подавила это народное восстание, пользуясь тем, что Красная Армия вскоре была отвлечена борьбой против генерала Врангеля.

Но заглушить голос народа было невозможно. На всеародном вече 16 июля 1922 г. была вынесена резолюция о том, что учредительное собрание в Бухаресте неправомочно решать вопросы от имени Буковины. Румынские бояре силой оружия лишали крестьян земли, но крестьяне оказывали упорное сопротивление румынским оккупантам, отстаивали земли, леса и промыслы, отобранные у землевладельцев и капиталистов в 1918 году.

Правительство Румынии наводило Буковину шпионами и провокаторами. Сигуранца (румынская политическая полиция) проводила кровавую расправу над крестьянами, рабочими и представителями трудящейся интеллигенции, которые принимали участие в восстаниях, содействовали по-

встанцам либо выражали недовольство румынским рабством. Сигуранца расправлялась также и со всеми теми, кто казался ей «подозрительным» или поддавался на провокацию румынских агентов.

Крестьяне села Неполокивцы до сих пор не забыли ещё, как гнали в Черновицы на расправу 60 их односельчан, скованных попарно в кандалы. Розги и публичные расстрелы применялись как система по всей Буковине. Не было ни одного села, которое не испытало бы зверств и издевательств румынских бояр.

Крестьянство Буковины в подавляющем своём большинстве оставалось безземельным и малоземельным со времён австро-венгерского господства. По статистическим данным за 1900—1919 гг., размеры земельных наделов по крестьянским хозяйствам распределялись следующим образом: от 0 до 1 га—59% хозяйств, от 1 до 5 га—31,28%, от 5 до 20 га—8,06%, от 20 до 1000 га—1,66%¹. Если же учесть хозяйства, имевшие от 0 до 5 га, то все они составляли около 90,28% общего числа всех хозяйств страны. Та часть земли, которую они занимали, могла их прокормить только в течение трёх месяцев. В хозяйстве, имевшем 6 прозин² на 6 чел. семья, люди, разумеется, обречены были на голод. Поэтому 90% населения вынуждено было идти в кабалу к помещикам за третьяку. А между тем народ Буковины знал, что на Советской Украине не осталось и следа от помещичьей кабалы и что крестьянство получило земли и леса в вечное пользование.

Под предлогом проведения земельной реформы румынская военщина приступила к румынизации Буковинского края. Закон о проведении земельной реформы от 30 июля 1921 г. устанавливал норму землевладения (не менее 100 га) для землевладельцев; остальная земля переходила в распоряжение центрального земельного фонда, которым ведала краевая земельная комиссия. Закон изобилует многими примечаниями, и дадычи фактически сохраняли у себя значительно больше земли, чем полагалось по закону. Владельцы, получившие земельные наделы (не больше 5 га), должны были выкупать её в течение 20 лет. Но 90% безземельных и малоземельных крестьян, обременённых кабалой у помещиков и повинностями румынскому правительству, не под силу были выкупные платежи за землю. Закон учитывал именно это обстоятельство; из него следовало, что если крестьянин в течение двух лет не будет исправно вносить выкупные платежи государству, он лишается земли.

Показательно, что стоимость 1 га земли в Буковине была ниже стоимости 1 га в Румынии; правительство умышленно установило такую расценку, чтобы привлечь возможно больше колонизаторов из Румынии на буковинские земли. Буковину наводила целая орда чиновников, офицеров,

¹ Піддубний «Земельне питання в Румунії, Буковині, Бессарабії». «Білшовик України» № 4—5. 1925 р., стр. 80.

² Прозин = 1/76 га.

жандармов, полиции, солдат, подстарост, получивших наделы по 5 га, главным образом в украинских сёлах.

На собрании румынских колонистов в Черновицах в мае 1925 г. министр Буковины так пояснял задачу колонизации: «Крестьяне-румыны обязаны своим трудом научить крестьян Северной Буковины доброму румынскому патриотизму»¹. Румынская «земельная реформа», как и вся система правления, стала орудием искоренения самобытности буковинского народа, орудием его порабощения.

С первых же дней оккупации румынское правительство запретило употребление украинского языка в государственных учреждениях, суде, церкви и даже в разговоре. За разговор на украинском языке румынская полиция избивала на улице «виновного» или брала штраф в несколько тысяч лей. Министерство внутренних дел в 1926 г. запретило выписывать из-за границы украинские книги, журналы, газеты и даже ноты украинских музыкальных произведений.

22 года румынской оккупации свергли народ Буковины в нищету и бесправие, но мечта о воссоединении со всем украинским народом никогда не покидала украинцев Северной Буковины, сотни лет искусственно оторванных от своих кровных братьев украинцев.

28 июня 1940 г. при поддержке Красной Армии Советского Союза буковинский народ сбросил с себя классовое и национальное иго и начал строить новую, социалистическую жизнь. В августе 1940 г. на VII

¹ Піддубний. Указ. соч., стр. 170.

сессии Верховного Совета СССР делегаты Северной Буковины от имени буковинского народа обратились к Верховному Совету СССР с просьбой о включении Северной Буковины в состав Украинской ССР: «Трудящиеся Северной Буковины горят пламенным желанием навсегда воссоединиться с украинским народом в едином украинском социалистическом государстве. Мы просим включить территорию Советской Буковины в состав Украинской Советской Социалистической Республики»².

Эту просьбу поддержал весь украинский народ, и Советский Союз осуществил стремление буковинского народа воссоединиться с украинским народом.

В июне 1941 г. немецкие и румынские полчища вторглись в земли Советской Северной Буковины. Уже два года находится буковинский народ под игом немецких и румынских палачей. С помощью расстрелов и виселиц, издевательств и поруганий гитлеровские заправилы установили крепостной, рабский строй в землях Буковины.

Но не сломить фашистским захватчикам воли свободолюбивого народа Буковины. В далёких Карпатских горах буковинские крестьяне вместе с другими славянскими народами ведут партизанскую борьбу в тылу противника. В этой всенародной освободительной войне народ Северной Буковины вместе со всеми народами Советского Союза, по призыву нашего великого Сталина, грудью защищает свою свободу, свою честь, свою родину.

² Стенографический отчёт VII сессии Верховного Совета СССР за 1940 г., стр. 52. Изд. Верховного Совета СССР.

ДОКУМЕНТЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ПРЕЗИДИУМА ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО КОМИТЕТА КОММУНИСТИЧЕСКОГО ИНТЕРНАЦИОНАЛА

Историческая роль Коммунистического Интернационала, образовавшегося в 1919 году в итоге политического крушения подавляющего большинства старых довоенных рабочих партий, состояла в том, что он отстоял учение марксизма от опошления и извращения его оппортунистическими элементами рабочего движения, содействовал сплочению в ряде стран авангарда передовых рабочих в подлинные рабочие партии, помогал им мобилизовывать массы трудящихся для защиты своих экономических и политических интересов, для борьбы против фашизма и подготавливавшейся им войны, для поддержки Советского Союза, как главной опоры против фашизма. Коммунистический Интернационал своевременно раскрыл подлинное значение «антикоминтерновского пакта», как орудия в подготовке гитлеровцами войны. Он неустанно разоблачал задолго до войны гнусную подрывную работу гитлеровцев в чужих государствах, маскируемую их криками о мнимом вмешательстве Коммунистического Интернационала во внутренние дела этих государств.

Но еще задолго до войны все более становилось ясным, что, по мере усложнения как внутренней, так и международной обстановки отдельных стран, решение задач рабочего движения каждой отдельной страны силами какого-либо международного центра будет встречать непреодолимые препятствия.

Глубокое различие исторических путей развития отдельных стран мира, различный характер и даже противоречивость их общественного уклада, различие в уровне и темпах их общественного и политического развития, наконец, различие в степени сознательности и организованности рабочих обусловили и разные задачи, стоящие перед рабочим классом отдельных стран.

Весь ход событий за истекшую четверть века и накопленный Коммунистическим Интернационалом опыт убедительно показали, что организационная форма объединения рабочих, избранная Первым Конгрессом Коммунистического Интернационала, отвечающая потребностям начального периода возрождения рабочего движения, все больше изживала себя по мере роста этого движения и усложнения его задач в отдельных странах и становилась даже помехой дальнейшего укрепления национальных рабочих партий.

Развязанная гитлеровцами мировая война еще более обострила различие в положении отдельных стран, проложив глубокий водораздел между странами, ставшими носителями гитлеровской тирании, и свободолюбивыми народами, сплотившимися в мощную антигитлеровскую коалицию. В то время, как в странах гитлеровского блока основная задача рабочих, трудящихся и всех честных людей состоит во всемерном содействии поражению этого блока путем подрыва изнутри гитлеровской военной машины, в содействии низвержению правительств, виновных в войне, в странах антигитлеровской коалиции священный долг широчайших народных масс, и прежде всего передовых рабочих, состоит во всемерной поддержке военных усилий правительств этих стран ради скорейшего разгрома гитлеровского блока и обеспечения сотрудничества нации на основе их равноправия. При этом нельзя упускать также из виду, что и у отдельных стран, примыкающих к антигитлеровской коалиции, имеются и свои особые задачи. Так, например, в оккупированных гитлеровцами и потерявших свою государственную независимость странах основная задача передовых рабочих и широких народных масс состоит в развертывании вооруженной борьбы, перерастающей в национально-освободительную войну против гитлеровской Германии.

В то же время освободительная война свободолюбивых народов против гитлеровской тирании, приведшая в движение широчайшие народные массы, сплывающиеся без различия их партийной и религиозной принадлежности в ряды мощной антигитлеровской коалиции, еще с большей очевидностью показала, что общенациональный подъем и мобилизация масс для скорейшей победы над врагом лучше всего и наиболее плодотворно могут быть осуществлены авангардом рабочего движения каждой отдельной страны в рамках своего государства.

Уже VII Конгресс Коммунистического Интернационала, состоявшийся в 1935 году, учитывая изменения, происшедшие как в международной обстановке, так и в рабочем движении, требовавшие большей подвижности и самостоятельности его секций в деле

решения стоящих перед ними задач, подчеркнул необходимость для Исполнительного Комитета Коммунистического Интернационала при решении всех вопросов рабочего движения «исходить из конкретных условий и особенностей каждой страны и избегать, как правило, непосредственного вмешательства во внутри-организационные дела коммунистических партий».

Теми же соображениями руководствовался Коммунистический Интернационал, приняв к сведению и одобрив решение коммунистической партии США в ноябре 1940 года о выходе её из рядов Коммунистического Интернационала.

Руководясь учением основоположников марксизма-ленинизма, коммунисты никогда не были сторонниками сохранения изживших себя организационных форм; они всегда подчиняли формы организации рабочего движения и методы работы этой организации коренным политическим интересам рабочего движения в целом, особенностям данной конкретной исторической обстановки и тем задачам, которые из этой обстановки непосредственно вытекают. Они помнят пример великого Маркса, который сплотил передовых рабочих в рядах Международного Товарищества Рабочих, а после того, как 1-ый Интернационал выполнил свою историческую задачу, заложив основы для развития рабочих партий в странах Европы и Америки, осуществил, в результате назревшей потребности создания массовых национальных рабочих партий, роспуск 1-го Интернационала, поскольку эта форма организации уже не отвечала этой потребности.

Исходя из вышеизложенных соображений и учитывая рост и политическую зрелость коммунистических партий и их руководящих кадров в отдельных странах, а также имея в виду, что за время нынешней войны ряд секций возбуждал вопрос о роспуске Коммунистического Интернационала, как руководящего центра международного рабочего движения, Президиум Исполнительного Комитета Коммунистического Интернационала, не имея возможности в условиях мировой войны созвать Конгресс Коммунистического Интернационала, позволяет себе внести на утверждение секций Коммунистического Интернационала следующее предложение:

Коммунистический Интернационал, как руководящий центр международного рабочего движения, распустить, освободив секции Коммунистического Интернационала от обязанностей, вытекающих из устава и решений Конгрессов Коммунистического Интернационала.

Президиум Исполнительного Комитета Коммунистического Интернационала призывает всех сторонников Коммунистического Интернационала сосредоточить свои силы на всемерной поддержке и активном участии в освободительной войне народов и государств антигитлеровской коалиции для скорейшего разгрома смертельного врага трудящихся — немецкого фашизма и его союзников и вассалов.

**Члены Президиума Исполнительного Комитета
Коммунистического Интернационала:**

**ГОТВАЛЬД, ДИМИТРОВ, ЖДАНОВ, КОЛАРОВ, КОПЛЕНИГ, КУУСИНЕН,
МАНУИЛЬСКИЙ, МАРТИ, ПИК, ТОРЕЗ, ФЛОРИН, ЭРКОЛИ.**

К настоящему Постановлению присоединяются следующие представители коммунистических партий:

БИАНКО (Италия), ДОЛОРЕС ИБАРРУРИ (Испания), ЛЕХТИНЕН (Финляндия), ПАУКЕР (Румыния), РАКОШИ (Венгрия).

Москва, 15 мая 1943 года.

«Правда» от 22/V 1943 г.

ОТВЕТ ТОВ. И. В. СТАЛИНА НА ВОПРОС ГЛАВНОГО КОРРЕСПОНДЕНТА АНГЛИЙСКОГО АГЕНТСТВА РЕЙТЕР

Московский корреспондент английского агентства Рейтер г. Кинг обратился к Председателю Совета Народных Комиссаров СССР тов. И. В. Сталину с письмом, в котором он просил ответить на вопрос, интересующий английскую общественность.

Тов. И. В. Сталин ответил г-ну Кингу следующим письмом:

Господин Кинг!

Я получил от Вас просьбу ответить на вопрос, касающийся роспуска Коммунистического Интернационала. Посылаю Вам свой ответ.

Вопрос. «Британские комментарии по поводу решения о ликвидации Коминтерна были весьма благоприятными. Какова советская точка зрения на этот вопрос и на его влияние на будущее международных отношений?»

Ответ. Роспуск Коммунистического Интернационала является правильным и своевременным, так как он облегчает организацию общего натиска всех свободолюбивых наций против общего врага — гитлеризма.

Роспуск Коммунистического Интернационала правилен, так как:

а) он разоблачает ложь гитлеровцев о том, что «Москва» якобы намерена вме-

шиваться в жизнь других государств и «большевизировать» их. Этой лжи отныне кладется конец.

б) Он разоблачает клевету противников коммунизма в рабочем движении о том, что коммунистические партии различных стран действуют якобы не в интересах своего народа, а по приказу извне. Этой клевете отныне также кладется конец.

в) Он облегчает работу патриотов свободолюбивых стран по объединению прогрессивных сил своей страны, независимо от их партийности и религиозных убеждений, в единый национально-освободительный лагерь, — для развертывания борьбы против фашизма.

г) Он облегчает работу патриотов всех стран по объединению всех свободолюбивых народов в единый международный лагерь для борьбы против угрозы мирового господства гитлеризма, расчищая тем самым путь для организации в будущем содружества народов на основе их равноправия.

Я думаю, что все эти обстоятельства, взятые вместе, приведут к дальнейшему укреплению единого фронта союзников и других объединенных наций в их борьбе за победу над гитлеровской тиранией.

Я считаю, что роспуск Коммунистического Интернационала является вполне своевременным, так как именно теперь, когда фашистский зверь напрягает свои последние силы, — необходимо организовать общий натиск свободолюбивых стран для того, чтобы добить этого зверя и избавить народы от фашистского гнета.

С уважением И. СТАЛИН.

28 мая 1943 г.

«Правда» от 30/V. 1943 г.

СООБЩЕНИЕ ПРЕЗИДИУМА ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО КОМИТЕТА КОММУНИСТИЧЕСКОГО ИНТЕРНАЦИОНАЛА

На последнем своём заседании 8-го июня 1943 года Президиум Исполнительного Комитета Коммунистического Интернационала рассмотрел полученные от секций решения по поводу Постановления от 15-го мая 1943 года о роспуске Коммунистического Интернационала и установил:

1. Что предложение о роспуске Коммунистического Интернационала одобрили:

Коммунистическая партия Австралии,
Коммунистическая партия Австрии,
Коммунистическая партия Аргентины,
Коммунистическая партия Бельгии,
Коммунистическая партия Болгарии,
Коммунистическая партия Великобритании,
Коммунистическая партия Венгрии,
Коммунистическая партия Германии,
Коммунистическая партия Ирландии,
Коммунистическая партия Испании,
Коммунистическая партия Италии,
Коммунистическая партия Канады,
Объединенная социалистическая партия Каталонии,
Коммунистическая партия Китая,
Коммунистическая партия Колумбии,
Революционно-Коммунистический Союз Кубы,
Коммунистическая партия Мексики,
Рабочая Партия Польши,
Коммунистическая партия Румынии,
Коммунистическая партия Сирии,
Всесоюзная Коммунистическая Партия (большевиков) СССР,
Коммунистическая партия Уругвая,
Коммунистическая партия Финляндии,
Коммунистическая партия Франции,
Коммунистическая партия Чехословакии,
Коммунистическая партия Чили,
Коммунистическая партия Швейцарии,
Коммунистическая партия Швеции,
Коммунистическая партия Югославии,
Коммунистическая партия Южно-Африканского Союза,
Коммунистический Интернационал Молодёжи (входящий в Коммунистический Интернационал на правах его секции).

2. Что ни от одной из существующих секций Коммунистического Интернационала не поступило возражения против предложения Президиума Исполнительного Комитета. Ввиду всего этого, Президиум Исполнительного Комитета Коммунистического Интернационала:

1. Объявляет, что предложение о роспуске Коммунистического Интернационала одобрено единогласно существующими и имевшими возможность сообщить свои решения секциями Коммунистического Интернационала (в том числе всеми важнейшими секциями).

2. Считает с 10-го июня 1943 года упраздненным Исполнительный Комитет Коммунистического Интернационала, Президиум и Секретариат Исполнительного Комитета, а также Интернациональную Контрольную Комиссию.

3. Поручает комиссии в составе: Димитрова (председатель), Мануильского, Пика, и Эрколи провести практически ликвидацию дел, органов, аппарата и имущества Коммунистического Интернационала.

По поручению Президиума Исполнительного Комитета Коммунистического Интернационала:

Г. ДИМИТРОВ.

9 июня 1943 года.

«Правда» от 10/VI 1943 г.

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

ОТВЕТЫ ТОВА И. В. СТАЛИНА НА ВОПРОСЫ КОРРЕСПОНДЕНТА АМЕРИКАНСКОЙ ГАЗЕТЫ «НЬЮ-ЙОРК ТАЙМС» И АНГЛИЙСКОЙ ГАЗЕТЫ «ТАЙМС»

Московский корреспондент американской газеты «Нью-Йорк Таймс» и английской газеты «Таймс» г. Паркер обратился к Председателю Совета Народных Комиссаров СССР тов. И. В. Сталину с письмом, в котором он просил ответить на два вопроса, интересующие американскую и английскую общественность.

Тов. И. В. Сталин ответил г-ну Паркеру следующим письмом:

Господин Паркер!

3-го мая получил два Ваших вопроса относительно польско-советских отношений.

Посылаю Вам мои ответы:

1. Вопрос: «Желает ли Правительство СССР видеть сильную и независимую Польшу после поражения гитлеровской Германии?»

Ответ. Безусловно, желает.

2. Вопрос: «На каких, с Вашей точки зрения, основах должны базироваться отношения между Польшей и СССР после войны?»

Ответ. На основе прочных добрососедских отношений и взаимного уважения, или, если этого пожелает польский народ, — на основе союза по взаимной помощи против немцев, как главных врагов Советского Союза и Польши.

С уважением И. СТАЛИН.

«Правда» от 6/V 1943 г.

4 мая. 1943 г.

ЗАЯВЛЕНИЕ ЗАМЕСТИТЕЛЯ НАРОДНОГО КОМИССАРА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ ТОВА А. Я. ВЫШИНСКОГО ПРЕДСТАВИТЕЛЯМ АНГЛО-АМЕРИКАНСКОЙ ПЕЧАТИ В МОСКВЕ 6 МАЯ с. г.

Ввиду поступивших запросов со стороны некоторых представителей англо-американской прессы по поводу советско-польских отношений, я, по поручению Народного Комиссариата Иностранных Дел, считаю необходимым ознакомить Вас с некоторыми фактами и моментами, относящимися к этому вопросу.

Это в данное время тем более необходимо, что нынешнее Польское Правительство, под влиянием прогитлеровских элементов в нём и в польской печати, вызвало известное решение Советского Правительства прервать отношения с Польским Правительством, а польские официальные лица, польская печать и польское радио продолжают распространять многочисленные лживые заявления по вопросу о советско-польских отношениях. При этом они сплошь и рядом пользуются неосведомлённостью широких общественных кругов о действительных фактах из области этих отношений.

I. О польских воинских частях, формировавшихся в СССР. — Вслед за заключением 30 июля 1941 г. польско-советского соглашения было приступлено к формированию на территории Советского Союза польской армии в соответствии с заключённым между советским и польским командованием военным соглашением от 14 августа того же года. Тогда же по договорённости между советским и польским командованием общая численность польской армии была определена в 30 тыс. человек, причём в соответствии с предложением генерала Андерса было признано также целесообразным, по мере того как та или иная дивизия будет готова, немедленно направлять её на советско-германский фронт.

Советские военные власти, по указанию Советского Правительства, всемерно содействуя польскому командованию в наиболее быстром разрешении всех вопросов,

связанных с ускоренным формированием польских частей, полностью приравняли снабжение польской армии к снабжению частей Красной Армии, находящихся на формировании. Для финансирования мероприятий, связанных с формированием и содержанием польской армии, Советским Правительством был предоставлен Польскому Правительству беспроцентный заём в сумме 65 миллионов рублей, который впоследствии, после 1 января 1942 г., был увеличен до 300 миллионов рублей. Помимо этих сумм, выделенных Советским Правительством, было выдано больше чем 15 миллионов рублей безвозвратных пособий офицерскому составу формирующихся польских воинских частей.

Нужно отметить, что несмотря на первоначально установленную численность польской армии в 30 тыс. человек, на 25 октября 1941 г. польская армия уже насчитывала 41.561 человек, из них 2.630 офицеров. Советское Правительство благожелательно отнеслось к предложению Польского Правительства, сделанному в декабре 1941 г. генералом Сикорским, о дальнейшем расширении контингента польской армии до 96 тыс. человек. Вследствие этого решения польская армия развёртывалась в составе 6 дивизий и, кроме того, первоначально определённый состав офицерской школы, запасных частей и частей усиления армии в 3 тыс. человек было решено увеличить до 30 тыс. человек. Вся армия, в соответствии с пожеланием Польского Правительства, была переведена в южные районы СССР,— что диктовалось, главным образом, климатическими условиями,— где было развёрнуто строительство лагерей и размещены штабы, военные школы, санитарные учреждения и т. п.

Несмотря на трудные условия военного времени, в феврале 1942 года польская армия развернулась уже в составе намеченных дивизий и насчитывала 73.415 чел. Однако, вопреки неоднократным заверениям польского командования о решимости возможно скорее ввести в действие свои части, фактический срок выступления этих частей на фронт неизменно откладывался. В начале формирования польской армии срок её готовности был определён 1 октября 1941 г., причём польское командование заявляло, что оно считает целесообразным направлять на фронт отдельные свои дивизии по мере того, как будет заканчиваться их формирование. Хотя подготовка отдельных частей и запаздывала, тем не менее, если не 1 октября, то несколько позже, имелась полная возможность выполнить это намерение. Между тем, оно не было выполнено и польское командование даже не поставило ни разу вопроса о направлении сформированных польских дивизий на советско-германский фронт. Советское Правительство не считало возможным торгаться с польским командованием с этим делом, но всё же спустя 5 месяцев после начала формирования польских частей, а именно в феврале 1942 г., Советское Правительство заинтересовалось, когда польские части начнут воевать против гитлеровцев. При этом была названа 5-я дивизия, как уже закончившая свою подготовку. Ставя этот вопрос, Советское Правительство исходило, раньше всего, из прямых и ясных положений советско-польского военного соглашения 14 августа 1941 г., в пункте 7 которого говорилось: «Польские армейские части будут двинуты на фронт по достижении полной боевой готовности. Они будут выступать, как правило, соединениями не меньше дивизии и будут использованы в соответствии с оперативными планами Верховного командования СССР».

Несмотря на столь категорическое указание военного соглашения, генерал Андерс от имени Польского Правительства впоследствии заявил, что он считает нежелательным вводить в бой отдельные дивизии, хотя на других фронтах поляки дрались даже бригадами. Генерал Андерс дал обещание, что вся польская армия будет готова принять участие в боевых действиях с немцами к 1 июня 1942 г. Известно, что ни 1 июня, ни значительно позже польское командование и Польское Правительство готовности направить польскую армию для боевых действий на советско-германский фронт не проявило. Больше того, Польское Правительство и формально отказалось от направления своих частей на советско-германский фронт, с мотивировкой, что «использование отдельных дивизий ничего не даст» и что «возможная боевая подготовка одной дивизии не оправдывает наших ожиданий». (Телеграмма генерала Сикорского от 7 февраля 1942 г.).

Между тем, недопоставка в СССР продовольствия вследствие возникновения войны на Тихом океане привела к необходимости сократить количество пайков, отпускавшихся невоюющим войсковым частям в интересах обеспечения снабжения воюющих войск. Поскольку польское командование не проявило никакого желания направить хоть какие-нибудь польские воинские части на советско-германский фронт и продолжало держать их в глубоком тылу, Советское Правительство, естественно, вынуждено было рассматривать эти части как невоюющие войска, вследствие чего на них и было распространено решение о сокращении продовольственных пайков для невоюющих войсковых частей.

В силу этого, Советским Правительством было принято решение с 1 апреля 1942 г. сократить количество продовольственных пайков до 44 тыс. и разрешить, в соответствии с желанием Польского Правительства, эвакуацию в Иран польских частей сверх 44 тысяч, оставшихся в Советском Союзе. Эта эвакуация была проведена в марте 1942 г., когда из СССР выехало 31.488 человек военнослужащих. Вместе с ними было разрешено выехать и 12.455 чел. членов семей польских военнослужащих.

Отказываясь вывести свою армию на советско-германский фронт, Польское Правительство в то же время добивалось согласия Советского Правительства на проведение на территории СССР дополнительного набора в польскую армию. Одновременно с предложением о дополнительном наборе, Польское Правительство обратилось к Советскому Правительству с нотой, в которой говорило о таком использовании польских воинских частей, которое означало не что иное, как отказ от их использования на советско-германском фронте. В ответ на эту ноту (от 10 июня 1942 г.) Советское Правительство уведомило Польское Правительство, что, так как, вопреки договору между СССР и Польшей, Польское Правительство не считает возможным сформированные в СССР польские части использовать на советско-германском фронте, Советское Правительство не может разрешить дальнейшее формирование польских частей в СССР.

Тогда был поставлен вопрос о полной эвакуации польской армии из СССР на Ближний Восток и в августе 1942 г. были эвакуированы дополнительно 44.000 человек польских военнослужащих.

Таким образом, вопрос об участии польских войск в общей с советскими войсками борьбе против гитлеровской Германии Польским Правительством был снят с порядка дня, Польское Правительство решило этот вопрос отрицательно, вопреки первоначальным своим заявлениям, вопреки сделанному в Декларации 4 декабря 1941 г. торжественному заявлению о том, что «войска Польской республики, расположенные на территории Советского Союза, будут вести войну с немецкими разбойниками рука об руку с советскими войсками».

Перед второй эвакуацией командование польской армии просило о выезде вместе с частями польской армии 20—25 тыс. человек членов семей польских военнослужащих. Советское Правительство удовлетворило эту просьбу. Фактически же к 1 сентября 1942 г. уже было эвакуировано 25.301 чел. членов семей польских военнослужащих. Всего, таким образом, выехало из СССР ещё в 1942 году, кроме 75.491 чел. польских военнослужащих, 37.756 чел. членов их семей.

В последнее время польский посол г. Ромер возбудил вопрос о дополнительном выезде из СССР 10 чел. членов семей польских военнослужащих, которые не успели к моменту эвакуации прибыть на эвакуационные пункты. Советское Правительство разрешило этот вопрос положительно. Никаких других предложений об эвакуации семей польских военнослужащих ни командование польской армии, ни польское посольство Советскому Правительству не делали.

Все утверждения, будто советские власти препятствовали или препятствуют выезду из СССР польских подданных, численность которых в действительности не велика, а также членов семейств польских военнослужащих, выехавших из Советского Союза, являются лживыми.

Всё вышеизложенное свидетельствует, что со стороны Советского Правительства были приняты все меры, обеспечивавшие успешное формирование и развёртывание польской армии на территории Советского Союза.

Соглашение от 30 июля 1941 г. и Декларация от 4 декабря 1941 г. поставили перед Советским Правительством и Польским Правительством совершенно определённую и ясную задачу — объединить усилия советского и польского народов в совместной борьбе против гитлеровских разбойников и оккупантов, создать воодушевлённую этой великой идеей польскую армию и дать ей возможность плечом к плечу с Красной Армией сражаться за независимость своей родины.

Советское Правительство сделало всё необходимое для разрешения этой задачи. Польское Правительство пошло по другому пути. Оно не захотело вывести свои дивизии на советско-германский фронт, отказалось использовать против немцев на этом фронте польские войска рука об руку с советскими войсками, и тем самым уклонилось от выполнения принятых на себя обязательств.

В связи с вопросом о формировании на территории СССР польской армии, необходимо остановиться также на следующем:

После воссоединения волею украинского и белорусского народов Западных областей Украины и Белоруссии с Украинской Советской Республикой и Белорусской Советской Республикой был издан 29 ноября 1939 г. Указ Президиума Верховного Совета, в силу которого, в соответствии с общесоюзным законодательством о гражданстве, жители этих областей приобрели советское гражданство. Как я уже указал, после восстановления отношений между Советским Правительством и Польским Правительством и заключения советско-польского военного соглашения от 14 августа 1941 г., Советское Правительство провело ряд мероприятий по облегчению формирования на территории СССР польской армии. Чтобы содействовать формированию этой армии и обеспечить её кадрами, Советское Правительство выразило готовность, в виде изъятия из Указа от 29 ноября 1939 года, рассматривать лиц польской национальности из числа жителей Западной Украины и Западной Белоруссии как польских подданных. Несмотря на это проявление доброй воли и уступчивости Советского Правительства, Польское Правительство отрицательно отнеслось к этому акту Советского Правительства и не удовлетворилось им, исходя из своих незаконных претензий в отношении территорий Западной Украины и Западной Белоруссии. Между тем, Польское Правительство ещё в августе 1942 г., как я уже говорил раньше, вывело из СССР свои воинские части, и тем самым отпала необходимость в дальнейшем формировании

польских воинских частей на советской территории. Ввиду указанных выше обстоятельств оппала необходимость того изъятия в отношении лиц польской национальности, на которое Советское Правительство выразило свою готовность в декабре 1941 года. Поэтому Советское Правительство 16 января 1943 года сообщило Польскому Правительству, что сделанное им ранее заявление о готовности допустить изъятие из Указа 29 ноября 1939 г. в отношении указанных выше лиц польской национальности следует считать утратившим силу и вопрос о возможности нераспространения на них постановлений советского законодательства о гражданстве — отпавшим.

Таковы факты, проливающие полный свет на обстоятельства формирования на территории СССР польских воинских частей и вывода этих частей из Советского Союза.

II. О мероприятиях помощи польским семьям, эвакуировавшимся из занятых немецкими захватчиками районов. — С самого момента восстановления советско-польских отношений летом 1941 года Советское Правительство охотно шло навстречу Польскому Правительству в деле организации помощи польским гражданам, находящимся на территории СССР. В связи с этим Советское Правительство разрешило открыть во многих городах Советского Союза представительства польского посольства. Такие представительства были открыты в 20 пунктах Советского Союза. На местных представителях посольства возлагалась обязанность оказывать польским гражданам материальную помощь. Эта помощь оказывалась прежде всего за счёт средств предоставленного для этой цели Советским Правительством займа в 100 миллионов рублей, сверх упомянутого уже мною займа в 300 миллионов рублей. Эта помощь оказывалась также за счёт средств польского посольства и поступающих в распоряжение посольства пожертвований из-за границы.

Советское Правительство сочло возможным, наряду с учреждением в 20 пунктах Советского Союза специальных представительств Посольства, допустить также назначение Посольством так называемых доверенных лиц. К 1 января 1943 г. Народный Комиссариат Иностранных Дел дал согласие на назначение 421 доверенного лица польского посольства, которым местные органы оказывали всяческое содействие в работе.

Таким образом, польское посольство получило возможность организовать на всей территории Советского Союза широкую сеть своих представителей, через которых оно могло осуществлять систематическую помощь нуждающимся польским гражданам и оказывать своё влияние в духе советско-польского сотрудничества, используя для этого и такие средства, как издаваемая польским посольством, при содействии Народного Комиссариата Иностранных дел, газета «Польска».

Представителям Посольства, как и доверенным лицам, были предоставлены Советской властью все условия для наиболее успешного разрешения поставленных перед ними задач.

Советское Правительство в тех же целях помощи польским гражданам провело также в жизнь ряд крупных финансовых и хозяйственных мер, направленных на усиление материальной помощи неимущим польским гражданам. Советским Правительством были выделены специальные продовольственные фонды для польских благотворительных учреждений и был предоставлен льготный железнодорожный тариф для предназначавшихся польским гражданам грузов. При полном содействии советских властей Посольством было организовано 589 благотворительных учреждений (столовых, детских домов, детских ясель, домов для инвалидов и т. д.). Таким образом, со стороны Советского Правительства были приняты все меры для удовлетворения нужд польского населения, для широкого и плодотворного развития деятельности польских учреждений, имевших своей задачей оказание польскому населению материальной помощи.

Всемерно содействовали развитию деятельности местных польских представительств и оказывали этим представительствам широкую помощь и местные советские органы — Исполнительные Комитеты Советов Депутатов Трудящихся, — на которые легли основные заботы по устройству польских граждан, по снабжению их продовольствием, жильём, топливом, медицинской помощью, по устройству их на работу и т. п., что представляло немалые трудности ввиду исключительных условий военного времени. В этих условиях польским представителям предоставлялись широкие возможности плодотворной работы по оказанию материальной помощи нуждающимся польским гражданам. На деле, однако, оказалось, что польские представительства на местах и ряд их сотрудников и доверенных лиц вместо честного выполнения своего долга и своих обязанностей в сотрудничестве с местными советскими органами стали на путь враждебной СССР разведывательной деятельности.

Винновы в этом лица были преданы суду, который установил, что свою разведывательную работу местные представители посольства проводили под прикрытием якобы «благотворительной» деятельности и широко используя нуждающихся в материальной помощи польских граждан и что главными организаторами этой враждебной Советскому Союзу преступной деятельности ряда польских граждан были некоторые дипломатические сотрудники посольства, которые поощряли, организовывали и руководили этой преступной деятельностью. Так, были изобличены и высланы из СССР

б. глава польской военной миссии генерал Воликовский, игравший одну из важнейших ролей в насаждении и осуществлении в СССР шпионажа, первые секретари посольства — Арлет и Залзский, являвшийся одновременно представителем Посольства по Владивостоку; вторые секретари — Груя (представитель по Архангельской области) и Глогровский, атташе посольства — Роля-Яницкий, Словиковский, Плосский, Лицкиндорф, Косцялковский, Хейцман и другие, большинство которых одновременно исполняли обязанности и представителей посольства в различных краях и областях. Кроме указанных выше лиц, в преступной по отношению к СССР деятельности участвовали другие представители посольства и сотрудники представительств, которые были привлечены к уголовной ответственности. Часть из них была выдворена из пределов Советского Союза, а часть была предана суду и осуждена к различным срокам лишения свободы.

Надо сказать, что подавляющее большинство привлечённых к уголовной ответственности представителей и сотрудников польского посольства, помимо разведывательной работы, занимались систематическим распространением всяких клеветнических, враждебных Советскому Союзу слухов и вымыслов, рассчитанных на дискредитацию советских порядков и преследовавших цель возбуждения недовольства и неприязни польских граждан к советским людям. Имели место и многочисленные факты восхваления гитлеровцев упомянутыми польскими представителями, а также злостных выпадов с их стороны против Красной Армии, распространения пораженческих провокационных слухов. Подавляющее большинство этих лиц, как и других из числа привлечённых к уголовной ответственности, на суде сознались в своей преступной деятельности и дали на суде показания, подробно характеризующие как существо, так и методы этой деятельности.

Необходимо также отметить изданную Посольством «Инструкцию о курьерской почте», в которой содержались практические указания курьерам по поводу выполнения ими нелегальных функций, по поводу пользования особым шифром, условным кодом, условными паролями и т. п.

Насколько неразборчивыми в средствах и методах своей преступной деятельности были некоторые представители Посольства, можно судить по документу, представляющему собой официальное отношение за подписью атташе Посольства г. Пожежа от 19 февраля 1942 г. на имя доверенного в гор. Алма-Ата г. Венцека. В этом отношении говорилось буквально следующее: «В дополнение к нашим предыдущим разговорам сообщая пану решение Посольства Польской республики, касающееся Вашей делегатуры: 1. Вам даётся право на проведение наиболее осторожным и секретным образом скупки драгоценностей...»

31 мая 1942 г. Народный Комиссариат Иностранных Дел сделал польскому посольству предупреждение по поводу фактов враждебной к СССР шпионской работы некоторых представителей Посольства. Этого предупреждения оказалось недостаточно. Разведывательная и другая враждебная Советскому Союзу деятельность сотрудников польского посольства, несмотря на предупреждение, не прекратилась. Тогда, 20 июля 1942 г. Народный Комиссариат Иностранных Дел сообщил Посольству, что институт польских представительств, как не оправдавший себя, подлежит ликвидации.

Таковы факты, относящиеся к вопросу о помощи польским семьям, эвакуировавшимся из занятых немецкими захватчиками районов, и характеризующие деятельность некоторых враждебных Советскому Союзу польских представителей в СССР.

Уже приведенные мною факты могут служить ответом на многочисленные за последнее время лживые и враждебные в отношении Советского Союза выступления со стороны польских представителей и польской официальной печати. Лживость и антисоветская враждебность подобных выступлений не могут воспрепятствовать действительно дружественным и близким советско-польским отношениям, в которых заинтересованы народы Советского Союза и Польши, особенно перед лицом общего врага — гитлеровской Германии.

* * *

Тов. А. Я. Вышинский заявил представителям англо-американской печати, что он готов предоставить в их распоряжение копии относящихся к вопросам, изложенным в его заявлении, — Памятной Записки Народного Комиссариата Иностранных Дел, врученной 28 октября 1942 г. Польскому Поверенному в делах г-ну Сокольникову, и ноты Советского Правительства, врученной 31 октября 1942 г. Министру Иностранных Дел Польской Республики г-ну Рачинскому.

«Правда» от 7/V 1943 г.

**ПРЕДСЕДАТЕЛЮ СОВЕТА НАРОДНЫХ КОМИССАРОВ СССР
ИОСИФУ СТАЛИНУ**

Съезд Союза Польских Патриотов в СССР с радостью констатирует, что несмотря на все препятствия, несмотря на все усилия врагов, Советское Правительство и Вы лично сохранили свое доброжелательное и дружеское отношение к освободительной борьбе польского народа, к делу восстановления в результате войны свободной, независимой и сильной Польши, а также к установлению дружеских отношений между нашими народами после войны.

Съезд Союза Польских Патриотов выражает горячую и искреннюю благодарность Советскому Правительству и Вам лично за Ваше согласие на формирование польской дивизии им. Тадеуша Костюшко, за всестороннюю помощь в её формировании, а также за Ваше доброжелательное отношение к делу организации помощи польским беженцам и обеспечения их культурно-просветительных нужд.

Съезд Союза Польских Патриотов заверяет Вас и Советское Правительство, что поляки в СССР выполняют свой долг перед объединённым фронтом народов, борющихся с гитлеровской тиранией, в особенности же в том, что они выполняют свой солдатский долг и, борясь плечом к плечу с героической Красной Армией против немецких захватчиков, спаяют кровью братство оружия и дружбу между польским народом и народами Советского Союза.

Глубоко убежденные, что упрочение польско-советской дружбы принадлежит к существеннейшим польским национальным интересам и отвечает также интересам и желаниям Советского Союза, мы заверяем Вас, что не позволим мутить воды людям, стремящимся вбить клин между польским народом и Советским Союзом, приложим все усилия к укреплению польско-советской дружбы, как необходимого условия восстановления нашей независимости и упрочения мира после победы над Германией.

Мы заверяем Вас, что не пожалеем ни сил, ни жертв в войне с нашим общим врагом — Германией, пока не достигнем полной победы, полной капитуляции гитлеровской Германии.

Президиум съезда: ВАНДА ВАСИЛЕВСКАЯ, БЕРЛИНГ — полковник, АНДЖЕЙ ВИТОС, ФРАНЦИШЕК КУПШ — ксендз, ЯКУБ ПАРНАС — профессор, БОЛЕСЛАВ ДРОБНЕР — д-р, АНТОНИ СИВИЦКИЙ — полковник, СТЕФАН ЕНДРИХОВСКИЙ — д-р, АЛЕКСАНДР КЛОС, КАЗИМИР ВИТАШЕВСКИЙ.

ЧЛЕНАМ ПРЕЗИДИУМА СЪЕЗДА СОЮЗА ПОЛЬСКИХ ПАТРИОТОВ В СССР ВАНДЕ ВАСИЛЕВСКОЙ, полковнику БЕРЛИНГ, АНДЖЕЮ ВИТОС, ФРАНЦИШЕК КУПШ, проф-ру ЯКУБУ ПАРНАС, д-ру БОЛЕСЛАВУ ДРОБНЕР, полковнику АНТОНИ СИВИЦКОМУ, д-ру СТЕФАНУ ЕНДРИХОВСКОМУ, АЛЕКСАНДРУ КЛОС, КАЗИМИРУ ВИТАШЕВСКОМУ

Благодарю Вас за Ваше тёплое и дружеское обращение к Советскому правительству.

Горячо приветствую Вас и Союз Польских Патриотов в СССР, начавший успешную работу по сплочению своих сил и укреплению дружбы между народами Польши и Советского Союза.

Можете быть уверенными в том, что Советский Союз делает всё возможное, чтобы ускорить разгром нашего общего врага — гитлеровской Германии, укрепить польско-советскую дружбу и всемерно содействовать воссозданию сильной и независимой Польши.

Желаю Вам успеха в Ваших делах!

И. СТАЛИН.

«Правда» от 17/VI 1943 г.

**МАРШАЛУ СОВЕТСКОГО СОЮЗА, ПРЕДСЕДАТЕЛЮ ГОСУДАРСТВЕННОГО
КОМИТЕТА ОБОРОНЫ ИОСИФУ СТАЛИНУ**

Москва.

От имени Польской дивизии им. Тадеуша Костюшко и своего прошу Вас, Гражданин Маршал, принять горячую благодарность за присланное приветствие.

Мы твёрдо уверены в том, что только при помощи Советского Союза наши надежды на восстановление сильной и независимой Польши воплотятся в жизнь.

Обязуемся честно и верно выполнить наши обязанности по разгрому общего врага:

Горячее желание советско-польской дружбы глубоко проникло в наши сердца. Заверяем Вас, Гражданин Маршал, что отдадим все наши силы на то, чтобы укрепить эту дружбу, и всегда будем с благодарностью вспоминать о той помощи, которую оказывает нам Советский Союз в восстановлении сильной и независимой Польши.

С. БЕРЛИНГ, А. СИВИЦКИЙ, КИНЕВИЧ, СОКОРСКИЙ и др.
подписи всего личного состава дивизии им. Тадеуша Костюшко.

«Правда» от 30/VI 1943 г.

ПРОЕКТ СОГЛАШЕНИЯ ОБ ОРГАНИЗАЦИИ «АДМИНИСТРАЦИИ ПОМОЩИ ВОССТАНОВЛЕНИЯ ОБЪЕДИНЕННЫХ НАЦИЙ»

Ниже приводится разработанный при участии представителей Советского Правительства и одобренный им проект соглашения между Правительствами Объединенных Наций и присоединившихся к ним стран об «Администрации помощи и восстановления Объединенных Наций».

«Правительства, должным образом уполномоченные представители которых, будучи Объединенными Нациями или государствами, присоединившимися к ним, в этой войне, решив, что немедленно после освобождения любого района вооруженными силами Объединенных Наций население данного района должно получить помощь и облегчение своих страданий, продовольствие, одежду, кров, помощь в предотвращении эпидемии и восстановлении народного здоровья, что приготовление и распоряжение должно быть сделано для возвращения домой ссыльных и пленных, для возобновления сельскохозяйственного и промышленного производства в деле восстановления основных видов обслуживания, с той целью, чтобы освобожденные народы могли быть сохранены, их здоровье и силы восстановлены для задач и возможностей нового строительства, согласились о нижеследующем:

Статья 1. О целях и задачах «Администрации»

Настоящим учреждается «Администрация помощи и восстановления Объединенных Наций».

1. «Администрация» будет иметь право приобретать, иметь и передавать собственность, заключать контракты и принимать на себя обязательства, назначать или создавать агентства и инспектировать деятельность таких агентств, руководить мероприятиями и вообще совершать любые юридические акты, соответствующие ее целям и задачам.

Формы деятельности Администрации на территории правительства-члена, где это правительство осуществляет административную власть, а также ответственность, которую примет на себя правительство-член за выполнение мероприятий, разрешенных Администрацией, будут определены после консультации с правительством-членом и с его согласия.

2. Цели и функции «Администрации» будут состоять в следующем:

а) планировать, координировать, управлять или устраивать администрирование мероприятиями для оказания помощи жертвам войны в любой местности под контролем любой из Объединенных Наций, путем предоставления продовольствия, топлива, одежды и других предметов первой необходимости, жилища, медицинского и другого необходимого обслуживания; содействовать в районах, получающих помощь производству и перевозке этих предметов и предоставлению этих видов обслуживания, поскольку это необходимо для оказания помощи в достаточных размерах.

б) Вырабатывать и рекомендовать мероприятия для отдельных или совместных действий тех или иных или всех вместе правительств-членов для координации закупок, использования судов и других снабженческих операций, в период, следующий за прекращением военных действий, имея в виду объединение планов и деятельности «Администрации» с общим ходом снабжения и с целью добиться справедливого распределения имеющегося снабжения. «Администрация» может проводить такие координационные меры с разрешения правительств-членов.

в) Вырабатывать и рекомендовать для отдельных или совместных действий одного или всех правительств-членов, относящихся к таким смежным вопросам, вытекающим из ее опыта в планировании и проведении работы по помощи и восстановлению, которые могут быть предложены тем или иным правительством-членом и одобрены единогласным голосованием Центрального Комитета.

Статья 2. Членство

Членами «Администрации помощи и восстановления Объединенных Наций» будут правительства и власти, подписавшие настоящее Соглашение, и другие правительства и власти, которые, подав заявления о вступлении в члены, будут приняты решением Совета или его Центрального Комитета.

Статья 3. Совет

1. Каждое правительство-член назначит одного представителя и столько заместителей, сколько возможно окажется необходимым в Совет «Администрации помощи и восстановления Объединенных Наций», который будет определять политическую линию «Администрации». Совет будет на каждой сессии избирать одного из своих членов председателем данной сессии.

2. Совет будет собираться Центральным Комитетом на очередные сессии не реже двух раз в год. На чрезвычайные сессии он может быть созван в любое время, когда это найдет необходимым Центральный Комитет, и в течение 30 дней после соответствующего требования членов Совета.

3. Центральный Комитет Совета будет состоять из представителей Китая, СССР, Соединенного Королевства и США под председательством Генерального Директора. Между сессиями Совета Комитет будет осуществлять его права и функции. Он будет приглашать представителей любого правительства-члена для участия в тех своих заседаниях, на которых будет обсуждаться деятельность, имеющая специальный интерес

для данного правительства. Центральный Комитет будет приглашать представителя, являющегося председателем Комитета по снабжению, к участию в тех заседаниях, где будет обсуждаться политика, касающаяся вопросов снабжения.

4. Комитет по вопросам снабжения при Совете будет состоять из членов Совета или их заместителей, которые представляют правительства-члены, являющиеся вероятными главными поставщиками материалов для помощи и восстановления. Члены будут назначены Центральным Комитетом с одобрения Совета, если происходит сессия последнего, а в противном случае — с последующей ратификацией. Комитет будет рассматривать, формулировать и рекомендовать Центральному Комитету и Совету политику, предназначенную для обеспечения добывания нужного снабжения. Центральный Комитет будет время от времени встречаться с Комитетом по снабжению для обсуждения политики, касающейся снабжения.

5. Европейский Комитет Совета будет состоять из всех членов Совета или их заместителей, представляющих правительства-члены территории, в пределах Европы и из других членов Совета, представляющих другие правительства, непосредственно заинтересованные в проблеме помощи и восстановления в Европе, по назначению Центрального Комитета с согласия Совета, если происходит сессия последнего, а в противном случае — с его последующей ратификацией.

6. Дальневосточный Комитет Совета будет состоять из всех членов Совета или их заместителей, представляющих правительства, непосредственно заинтересованные в проблеме помощи и восстановления на Дальнем Востоке, по назначению Центрального Комитета с одобрения Совета, если происходит сессия последнего, а в противном случае — с его последующей ратификацией. Региональные Комитеты будут нормально собираться в пределах своей территории. Они будут рассматривать и рекомендовать Совету и Центральному Комитету политику в отношении помощи и восстановления на своей территории. Европейский Комитет Совета заменит собой Межсоюзный Комитет послевоенной помощи в Европе, учрежденный в Лондоне 24 сентября 1941 г.

7. Совет учредит и другие постоянные Региональные Комитеты, какие он сочтет желательным, причем функции этих Комитетов и метод назначения членов будут идентичны с указанными в параграфе 5 настоящей статьи в отношении Европейского Комитета и Дальневосточного Комитета. Совет также учредит также другие постоянные Комитеты, какие он сочтет желательным для совещания с ними Совета, а в промежутке между сессиями Совета устраивает совещания с ними Центральный Комитет. Членами таких технических Комитетов, организуемых по особым проблемам, как питание, здравоохранение, сельское хозяйство, транспорт, материалы и снабжение, репатриация и финансы могут быть члены Совета или их заместители, назначенные в виду их специальной компетенции в соответствующих областях работы. Члены будут назначаться Центральным Комитетом с одобрения Совета, если происходит сессия, а в противном случае, — с его последующей ратификацией. Региональные Комитеты по своему желанию могут учреждать подкомитеты технических постоянных комитетов для консультации.

8. Путевые и другие расходы членов Совета и его Комитетов будут нести представляемые ими правительства.

9. Все доклады и рекомендации Комитетов Совета будут передаваться Генеральным Директором для рассылки их Совету и Центральному Комитету Секретариатом Совета, предусмотренным параграфом 4 статьи 4.

Статья 4. Генеральный Директор

1. Исполнительная власть Администрации помощи и восстановления Объединенных Наций будет находиться в руках Генерального Директора, который будет назначаться Советом по единогласному представлению Центрального Комитета. Генеральный Директор может быть устранен единогласным решением Центрального Комитета.

2. Генеральный Директор будет обладать всеми правами и полномочиями для проведения операций по оказанию помощи, предусмотренной в статье 1 п. 2-а в пределах имеющихся ресурсов и общей политики, определяемой Советом или его Центральным Комитетом. Немедленно по вступлении в должность Генеральный Директор совместно с военными и другими надлежащими властями Объединенных Наций подготавливает планы срочной помощи гражданскому населению в любой местности, занятой вооруженными силами одной из Объединенных Наций, организует приобретение и доставку необходимого снабжения и создает или избирает необходимые для этой цели временные организации. Организуя приобретения, перевозки и распределение снабжения и обслуживания, он и его представители будут совещаться и сотрудничать с надлежащими властями Объединенных Наций и, по мере возможности, использовать средства, предоставленные этими властями. Иностранцы добровольные организации по оказанию помощи не могут заниматься деятельностью в какой-либо местности, подлежащей помощи от «Администрации» без согласия и без подчинения распоряжениям Генерального Директора.

3. Генеральный Директор также отвечает за организацию функций, предусмотренных статьей 1 п.п. 2-б и 2-в, и руководство ими.

4. Генеральный Директор назначает заместителей Генерального Директора для каждой региональной территории, где учрежден постоянный комитет, предусмотрен-

ной статьей 3, и он может передоверять этим заместителям такие свои полномочия, какие он сочтет необходимым. Генеральный Директор назначает, если он сочтет нужным, также других заместителей Генерального Директора, должностных лиц, экспертов и штаты своего центрального аппарата и других мест, включая местные органы, передоверяя им такие свои полномочия, какие он сочтет нужным. Генеральный Директор или, по его уполномочию, его заместитель предоставят Секретариат, другой персонал и обслуживание, которые потребуются Совету и его Комитетам, включая Региональные Комитеты и подкомитеты.

5. Генеральный Директор будет представлять периодические доклады Центральному Комитету и Совету о ходе деятельности «Администрации». Эти доклады будут предаваться гласности, за исключением тех частей, которые Центральный Комитет признает необходимым в интересах Объединенных Наций считать конфиденциальными. Заместители Генерального Директора для каждой региональной территории будут делать периодические доклады Генеральному Директору о деятельности Администрации на соответствующей территории. Они должны присутствовать на заседаниях Региональных Комитетов и совещаться с ними. Генеральный Директор будет передавать такие доклады со своими комментариями Совету, Центральному Комитету и соответствующему Региональному Комитету.

Статья 5. Снабжение и ресурсы

1. Каждое правительство — член «Администрации» обязывается оказывать полнейшую поддержку «Администрации» в пределах имеющихся у него ресурсов и в соответствии с требованиями своей конституционной процедуры, путем предоставления средств, для употребления на своей собственной территории, на прилегающих или на других территориях, где в этом есть нужда, чтобы выполнить цели, указанные в статье 1 п. 2-а. «Администрация» будет отчитываться во всех полученных таким образом взносах.

2. Генеральный Директор будет вести учет снабжения и ресурсов, представленных правительствами-членами, «Администрации», в соотношении с предполагаемыми потребностями он будет предпринимать шаги для получения, в случае необходимости, дополнительного снабжения и ресурсов.

3. Все закупки, совершаемые правительствами — членами «Администрации» вне пределов своей территории во время войны для целей помощи или восстановления будут производиться только после консультации с Генеральным Директором и, по мере возможности, будут проводиться через соответствующий орган Объединенных Наций.

Статья 6. Административные расходы

Генеральный Директор представляет Совету ежегодную смету и время от времени такие дополнительные сметы, какие могут потребоваться для покрытия необходимых административных расходов «Администрации». После одобрения бюджета Советом все одобренные суммы будут разложены на правительства-членов в пропорции, определенной Советом. Каждое правительство-член обязуется в соответствии с требованиями своей конституционной процедуры вносить незамедлительно в «Администрацию» свою определенную долю средств на покрытие административных расходов.

Статья 7. Поправки

Постановления данного Соглашения могут быть изменены единогласным решением Центрального Комитета или двумя третями голосов Совета.

Статья 8. Вступление в силу Соглашения

Данное Соглашение вступит в силу для каждого его участника с момента подписания последним, если не будет других оговорок со стороны данного участника Соглашения.

«Правда» от 14/VI 1943 г.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

ТАРЛЕ Е., *акад.* Крымская война. I. Институт истории Академии наук СССР. Госвоенмориздат НКВМФ СССР. М.-Л. 1941. 727 стр. 14 руб.

Новая книга академика Е. В. Тарле отвечает одной из актуальных задач советской исторической науки. В условиях Великой отечественной войны, в дни, когда свежа память о беспримерной обороне Севастополя от натиска гитлеровской армии, наша мысль обращается к севастопольской эпопее 1854—1855 годов. Мы находим в сложной истории Крымской войны конкретный материал для уяснения целого ряда важных вопросов: о методах дипломатического искусства, о связи между дипломатией и войной, о зависимости военных операций от состояния тыла, о роли временных и постоянно действующих факторов в ходе военных кампаний и т. д.

Вдумываясь в события, отделённые от нас почти 90 годами, и сопоставляя их с явлениями нашей современности, мы получаем возможность глубже анализировать события современной войны, получаем возможность сознательнее и увереннее действовать во имя решающей победы над силами варварского фашизма.

Крымская, или Восточная, война 1853—1856 гг. породила огромную историческую литературу и на Западе и у нас, в России. Но несмотря на обилие документальных публикаций, мемуаров, исследований и статей, мы не имели до сих пор труда, всесторонне освещающего это крупнейшее событие русской и международной жизни XIX века. Старые исследования военных историков — Богдановича, Дубровина, Зайончковского — не использовали многих важных источников и к тому же проникнуты определённой официально-монархической тенденцией; между тем работы советских историков (за исключением чисто военной сводки Лаговского) представляют лишь небольшие по объёму научные популяризации. В самое последнее время подготовлен обстоятельный и оригинальный труд А. Попова, но задание, руководившее автором, — дать одну из глав для готовящейся многотомной истории СССР — ограничило объём и внутренние рамки его исследования.

Книга Е. Тарле восполняет зияющий пробел в русской исторической литературе. Впервые выходит в свет подробная дипломатическая и военная история Крымской войны, основанная на богатом собрании

разносторонних источников. Автор не ограничился изучением иностранных и русских публикаций, в том числе изданий последнего времени: он обследовал все имеющиеся у нас основные архивные фонды, включая обширную дипломатическую переписку, хранящуюся в архиве внешней политики. Существенное значение имели для автора архивы Шильдера, Меншикова, Аксаковых, Милютиных и др.; кроме московских и ленинградских хранилищ были обследованы хранилища Симферополя, Севастополя, Одессы и Алма-Ата.

При помощи своих ближайших сотрудников Е. В. Тарле имел возможность отобрать для работы значительное количество интересных и неизвестных до сих пор документов. Сопоставляя их с данными мемуаров и писем, учитывая новые иностранные работы, как то: Temperley H. W. «The Crimea» (L. 1936), Seton-Watson W. «Britain in Europe», de Guichenon «La guerre de Crimée (1854—1856) et l'attitude des puissances européennes» (P. 1936) и др., — автор избрал главной целью для своего исследования «анализ тех дипломатических конфликтов, которые непосредственно привели к войне, и тех дипломатических комбинаций, которые так влияли на развёртывание событий во время самой войны и особенно в конце её, перед Парижским миром и в дни парижских конференций» (стр. 19). Именно этот самостоятельный и детальный анализ дипломатической подготовки Крымской войны и её окончательного исхода делает особенно ценной и интересной книгу Е. В. Тарле. Разделы, посвящённые военным событиям, играют в ней второстепенную роль; их назначение выяснить, как влияла дипломатия на развитие военных операций, и обратно: как ход военных действий влиял на возникновение и развитие дипломатических выступлений.

Книга акад. Е. Тарле представляет собою первый том подготовленного к печати исследования и охватывает период начиная с января 1853 до начала сентября 1854 г., т. е. начиная с дипломатических предложений, сделанных Николаем I английскому

посланнику Сеймуру, и кончая высадкой союзнических войск около Евпатории. Введение даёт общую характеристику международного положения в Европе и внутренних отношений в России накануне крымской кампании. В дальнейшем автор показывает развитие ближневосточной политики Николая I, подробно излагает историю посольства Меншикова и посвящает большую и богатую содержанием главу европейской дипломатии и России перед вступлением русских войск в Молдавию и Валахию. После глав, носящих военно-исторический характер — о дунайской кампании и об операциях 1853 г. на Кавказе, — возобновляется анализ дипломатических переговоров до синопской победы. Автор освещает ход и последствия синопского боя, уделяя особое внимание миссии графа Алексея Орлова к Францу-Иосифу и позиции австрийской империи.

Немало места отведено автором разрыву Россией дипломатических сношений с Англией и Францией и обострению конфликта, приведшему к войне. В последних главах книги излагается история осады Силистрии и балтийской кампании 1854 г., пребывания союзников в Варне и их высадки на Крымском полуострове.

Использование богатого и свежего материала, прекрасное знание западноевропейской истории и глубокое проникновение в маневры дипломатической борьбы — всё это дало возможность Е. В. Тарле создать новую, критически заострённую концепцию возникновения Крымской войны. В первой главе автор подробно рассматривает развитие агрессивной политики Николая I в ближневосточном вопросе. По мнению автора, русскому царю нельзя было отказать в наличии продуманного военно-дипломатического плана: учитывая своё могущественное положение на континенте, прогрессирующее ослабление Турции и силы своих союзников, Николай выбрал партнёром по дележу турецких владений наиболее сильную и опасную державу — переловую капиталистическую Англию. Оторвать Англию от Франции, заинтересовать английские торгово-промышленные круги перспективой присоединения Египта и острова Крит к Англии и договориться с британским правительством о совместной ликвидации турецкого наследства — такова была очередная задача российской дипломатии, непосредственно руководившейся из апартаментов Зимнего дворца.

В свете этой разработанной и последовательно проводимой Николаем I программы новое толкование получает в книге Е. В. Тарле ликвидация Унклар-искелесского договора. Отказ Николая I от возобновления достигнутых преимуществ на подступах к Константинополю был не поражением русской дипломатии, а рассчитанным шагом со стороны России: «вбить клин между Англией и Францией, завоевать доверие Англии и привлечь её на свою сторону как союзника и партнёра — таковы были скрытые мотивы николаевской дипломатии. Это был «ход настолько неожиданный и ловкий, что ни Пальмерстон, ни

французы не успели его отразить вовремя соответствующим маневром» (стр. 86).

Но ставка на Англию, как выясняет автор, была заранее обречена на полную неудачу ввиду противоречий экономических интересов Англии и России, различия их позиций в ближневосточном вопросе и традиционного недоверия английских господствующих классов к царской агрессии. Неудача Николая I проистекала не только из его невежества в политических вопросах, но также из всей системы российской дипломатии николаевского царствования. Официальный руководитель внешней политики — канцлер Нессельроде был ничтожной пешкой в руках самодержца. «Угодать и лгать царю, угадывать, куда склоняется воля Николая, и стараться спешно забежать вперёд в требуемом направлении, стилизовать свои докладные царю так, чтобы Николай вычитывал в них только приятное, — вот какова была движущая пружина всей долгой деятельности российского канцлера» (стр. 63). Все русские дипломаты 40—50-х гг. прошлого столетия, не исключая наиболее способных, Киселёва в Париже и Брунова в Лондоне, действовали в том же духе. «Они следовали указаниям своего шефа-канцлера и своим карьеристским соображениям и писали иной раз вовсе не то, что видели их глаза и слышали их уши, а то, что по их мнению, будет приятно прочесть властелину в Зимнем дворце, т. е. нередко льстили и лгали почти так же, как и сам Нессельроде» (стр. 63). Самодержец принимал желаемое за действительное, укреплялся в своих первоначальных ошибочных расчётах и упорно держался принятого им неверного курса.

Как доказывает Е. В. Тарле, французская и особенно английская дипломатия искусно использовала эти особенности русского дипломатического корпуса. Агрессии Николая I противостояла не менее агрессивная, но более замаскированная и тонкая политика Наполеона III и английской кабинета Эбердина. Новоявленный французский император, стремившийся укрепиться на восстановленном троне, поставил себе определённую задачу: ликвидировать наследие Венского конгресса и, окончательно разрушив антифранцузскую коалицию, завоевать себе с помощью войны первенствующее положение в Европе. В свою очередь английская буржуазия, которая вступила в период широкой экономической экспансии и чьи интересы отразились в политической позиции Пальмерстона, стремилась нанести смертельный удар международному могуществу России. И Англия и Франция одинаково хотели войны, но они вовсе не хотели выступать в роли агрессоров. Английская и французская дипломатия, как убедительно показывает автор, прилагала все усилия к тому, чтобы искусно и незаметно спровоцировать Николая I на открытое военное выступление.

Эта политика дала себя чувствовать ещё в начале конфликта, во время дипломатических пререканий о Вифлееме и Иеруса-

лиме: «Один за другим в этот критический миг до Николая Павловича из Англии доносились спеша, соперничая друг с другом в откровенности, превосходя друг друга в дружелюбии, советы, мнения, заявления, излияния английских министров, послов, ответственных людей. И все они как бы говорили царю: «держай» (стр. 146).

В дальнейшем двойная дипломатия европейских государств получила ещё большее развитие. Надевая на себя маску миролюбивого посредничества, английские и французские политики старались систематически разжигать конфликт между Турцией и Россией. Обманывая русских посланников и самого Николая, они занимали внешне благожелательную позицию, демонстрировали свою незаинтересованность в разгоравшейся внешнеполитической борьбе и внушали российскому самодержавию непоколебимое убеждение, что его руки развязаны для войны с «умирающей Турцией».

Подробно анализируя весь ход дипломатических отношений, Е. В. Тарле прекрасно показал лицемерно-предательскую роль главы английского кабинета — лорда Эбердина. Выступая в беседах с Брунновым как неизменный друг России, притворно соглашаясь с доводами Николая I и его дипломатов, этот елейно-благожелательный «адвокат русского дела» в течение многих месяцев вёл сложную внешнеполитическую игру. В возглавляемом им кабинете сложилось своеобразное разделение труда: «С одной стороны, нужно было всячески поддерживать сопротивление Турции, обещая ей помощь и покровительство, и вести — и в английской прессе, и в европейских дипломатических кругах — деятельную агитацию. А с другой стороны, необходимо было сбивать Бруннова в Лондоне с пути верного понимания действительности, внушая ему разными способами мысль, что на самом-то деле английский кабинет ни за что из-за Турции не возьмётся за оружие. Первую функцию взяли на себя министр иностранных дел Кларендон, ставший орудием министра внутренних дел Пальмерстона, и лорд Стрэдфорд-Рэдклиф. Вторую функцию исполнял прежде всего, конечно, премьер лорд Эбердин, который сначала, правда, хотел достигнуть дипломатического поражения Николая без войны, а уж потом примкнул к Пальмерстону» (стр. 194). В общем кабинет действовал вполне солидарно, и, когда неизбежность войны стала очевидной, Эбердину пришлось снять маску, а Николаю I — убедиться в иллюзорности прогнозов и оценок своего посланника в Лондоне.

Аналогичную игру, как видно из изложения Е. В. Тарле, вёл в Париже Наполеон III: он то милостиво беседовал с русским посланником Киселёвым и делал дружеские, ни к чему не обязывающие заверения, то вступал в тайные соглашения с Англией и возбуждал против Николая I Оттоманскую порту. «Император Наполеон очень последовательно держал курс на войну. Но действовал он, как всегда, пуская в ход самые разнообразные средства, чтобы дать окончательно созреть ещё не вполне поспевшему плоду» (стр. 226).

Очень обстоятельно освещает Е. В. Тарле тяжёлые последствия русской «придворной» дипломатии. Неправильно ориентируясь в международной обстановке, Николай I всё больше погружался в «дипломатическую трясину». Посылая в Константинополь князя Меншикова, абсолютно неспособного выполнять функции дипломата, и поручая ему действовать путём ультиматумов, царь сознательно и охотно шёл на развязывание войны. «Меншиков, живший сам в мире иллюзий, даже не нуждался в таких царских инструкциях. Он и без того понимал, что если царь добьётся даже полностью удовлетворения всех своих домогательств по части церкви путём переговоров, то им, Меншиковым, в Петербурге будут довольны наполовину. Но если он привезёт с собой из Константинополя достаточный предлог для занятия княжеств, — то им будут уже вполне удовлетворены» (стр. 151).

Между Меншиковым и его антагонистом, Стрэдфордом-Рэдклифом, началось настоящее состязание в провоцировании вооружённого конфликта. Первый делал это открыто и грубо, второй — скрытно и более тонко. Турция, поддерживаемая своими «защитниками», отказывалась удовлетворить русские требования. Дипломатия Николая I терпела поражение, и царь переходил к более агрессивным приёмам — к оккупации дунайских княжеств и недвусмысленным угрозам военными действиями. Но Англия и Франция тоже начинали брать оружие: они посылали в Архипелаг свои эскадры, поддерживали воинствующую прессу, всё чаще «предупреждали» о трудности мирного выхода из положения. Автор показывает, как проекты примирения России и Турции, для видимости изобретавшиеся в Лондоне и Париже, неизменно срывались усилиями тех же английских и французских дипломатов.

Николай чувствовал, что его ставка на Англию битва, и пытался завербовать в партнёры своего старинного и, казалось бы, верного союзника — Австрию. Но и здесь царя ожидало тяжёлое и горькое разочарование. Ещё в начале 1852 г. в связи с вопросом о признании Наполеона III императором Николаю I, как выясняет Тарле, пришлось убедиться в вероломстве и ненадёжности этого союзника. Австрия одинаково боялась и усиления России на Балканах и потери своих владений в Италии. Наполеон III делал всё возможное, чтобы оказать давление на австрийского императора Франца-Иосифа и втянуть Австрию в войну против России. Но именно он, Наполеон III, по мнению австрийских реакционеров, мог развязать революцию в Ломбардии и вытеснить Австрию с Апеннинского полуострова. Находясь между молотом и наковальней, Австрия всё больше втягивалась в орбиту англо-французской политики и оставалась глухой к призывам и обещаниям своего недавнего спасителя — Николая I.

Ни личные свидания императора русского с Францем-Иосифом, ни специальные миссии в Вену ловкого дипломата Алексея Орлова не имели никакого дипло-

матического успеха. Чем более обнаруживалась агрессивность планов России, тем настороженнее и враждебнее становилась позиция австрийского правительства. Справка Николая на Австрию тоже оказалась битой.

Колеблющейся и далеко не надёжной, как показывает Е. В. Тарле, оказалась и политика Пруссии. Проникнутый страхом перед могущественной Россией, Фридрих-Вильгельм IV клялся в дружбе своему русскому зятю и решительно отклонял предложения Англии и Франции — открыто выступить против своего восточного соседа. Правда, на правительство Пруссии, так же как и Австрию, воздействовали две партии — сторонников и противников войны. Но более умные и дальновидные прусские дипломаты решительно выступали против того, чтобы ввязываться в ближневосточный конфликт. Бисмарк, бывший тогда прусским делегатом во франкфуртском сейме, ясно представлял себе все опасности, которыми грозила Пруссии война против сильнейшей Российской империи.

Пруссия кончила тем же, чем кончила и Австрия: она отказалась занять позицию дружественного нейтралитета и фактически присоединилась к антирусской коалиции. Старые союзники Николая I ещё более осложнили международное положение царской империи перед самым началом боевых операций.

Ярко и живо изображает Е. В. Тарле перелом в настроениях и планах российского самодержца. Ещё в мае 1853 г., собственноручно набрасывая программу дальнейших действий, Николай мечтал о блокаде Босфора и об объявлении независимости Молдавии, Валахии и Сербии. К осени того же 1853 г., под влиянием понесённых дипломатических поражений, Николаем всё больше стали овладевать сомнения и колебания. В конце 1853 г., после того как Турция начала военные действия и стала ясной международной изоляцией России, царь начал метаться в безнадёжных поисках почётного выхода из затянувшегося конфликта. Повернуть назад и очистить дунайские княжества означало бы собственными руками нанести удар своему международному престижу; продолжать упорствовать и идти вперёд значило при создавшихся условиях рисковать войною с целой Европой. Одним из симптомов этого безнадёжного метания российского императора были его проекты вызвать восстание христианского населения Турции и даже воспользоваться против вероломной Австрии новым восстанием её венгерских подданных. В начале 1854 г. Николай писал об этом Паскевичу: «Весьма быть может, что успехи наши возбудят бунты в Венгрии; препятствовать сему мы не в состоянии. Не станем и разжигать бунтов, но пользоваться ими будем в том смысле, что, угрожая сердцу Австрийской империи, они скорее побудят правительство принять условия наши к примирению» (стр. 467—468). А через три месяца Николай I выступил в несвойственной ему роли составителя революционных прокламаций. Собственноручно написанное им воззвание

было обращено к болгарам с призывом к вооружённому восстанию против турецкого султана.

Постоянным советником, который, по мнению Е. В. Тарле, помог императору уяснить себе опасную международную ситуацию, был фельдмаршал Паскевич, человек, достаточно умный, чтобы разобраться в угрожающей позиции Австрии, но чересчур осторожный и чересчур дороживший собственной карьерой, чтобы вовремя раскрыть глаза Николаю I: «Паскевич решительно не желал этой войны, — а дал вести её. Хотел почти с первых же дней, чтобы русские войска поскорее ушли с берегов Дуная, — а делал вид, будто желает победоносного похода в глубь Турции. Это его настроение вконец погубило Дунайскую кампанию, потому что свело к нулю все усилия русских войск, и без того борющихся при очень трудных условиях» (стр. 259).

Напрасны были энергия лучших генералов, героизм русских солдат, успехи отдельных сражений. Главнокомандующий и его послушный подчинённый, непосредственный руководитель операциями — князь Горчаков, желали, по словам Е. В. Тарле, «воевать не воюя, производить марши и контрмарши, спешить не двигаясь с места» (стр. 502). В интересных письмах к царю, цитируемых Е. В. Тарле, Паскевич становился всё более откровенным, и летом 1854 г. наконец добился снятия осады Силистрии и оставления дунайских княжеств. Осаждённая Силистрия была близка к капитуляции, штурм крепости уже был назначен, но за полчаса до её неизбежного падения, на основании приказа Паскевича, русская армия оставила свои позиции и начала обратное движение за Дунай. Таким образом, банкротство николаевской дипломатии привело к крушению стратегического плана начатой кампании. Оружие боевой инициативы было вырвано из рук Николая I и крепко захвачено руками его противников. Перед нами, в обстоятельном изложении Е. В. Тарле, — классический пример неразрывной связи между дипломатией и войной, зависимости военных успехов и поражений от достижений и ошибок в области дипломатического искусства.

Запоздалое отступление Николая I уже не могло изменить сложившейся обстановки. Англия и Франция, напуганные успехами русского оружия при Синопе и Баш-Кадыкляре, ещё в конце 1853 г. начали открыто готовиться к войне с Россией. Дипломатические маски были окончательно сорваны; с марта 1854 г. Российская империя имела против себя три вступивших с нею в войну государства и с часу на час могла ожидать вооружённого выступления со стороны Австрии, Пруссии и Швеции.

Заслужено Е. В. Тарле является всесторонний анализ стратегического положения, создавшегося на западных границах России, которое неизбежно приводило к раздроблению русской армии и к ослаблению фронта на Крымском полуострове. И правительство и население имели полное основание ожидать появления в Финском за-

ливе не только новых английских флотий, но и крупной десантной французской армии. «Так не случилось, но так могло случиться, и опасность на севере была не выдуманной, а возможной опасностью, и, следовательно, подлежала очень реальному учёту. Никто не мог тогда даже и приблизительно знать всего того, что постепенно стало выясняться впоследствии. А опасность могла оказаться для России по сути дела гораздо большей, чем та, которая грозила русским войскам от союзной и австрийской армии в Дунайских княжествах» (стр. 649 — 650).

Но и в рядах союзников, как явствует из книги Е. В. Тарле, далеко не всё обстояло благополучно. Турция явно тятотилась «покровительством» великих морских держав. Англию и Францию разделяли противоречия интересов, которые давали себя чувствовать и в константинопольских столкновениях её посланников и во взаимоотношениях командующих. Этому последнему обстоятельству Е. В. Тарле уделяет особую и чрезвычайно ценную главу, построенную в значительной своей части на анализе публикаций Нэпира.

Английское правительство стремилось максимально использовать французские сухопутные силы, чтобы нанести России сокрушительный удар на подступах к Петербургу. Но такая сокрушительная стратегия и в Балтике и на Чёрном море, как совершенно правильно указывает автор, не входила в дальновидные расчёты Наполеона III; он вовсе не хотел жертвовать крупными французскими силами в интересах Великобритании и потерять в лице Российской империи возможный в будущем противовес усиливающемуся английскому влиянию. Именно в этих скрытых противоречиях коренилась главная причина полной неудачи Нэпира: без смысла и цели овладев Бомарзундом, французская армия покинула балтийские воды, и, предоставленный собственным силам, английский флот оказался не в состоянии предпринять более активные и крупные операции. К тому же, как показывает Е. В. Тарле, английский флот был недостаточно мощным, его команда далеко не высокого качества, а русские крепости Кронштадт и Свеаборг оказались неприступными и непобедимыми твердынями. Не только адмирал Нэпир, но и само английское правительство понимало полную безнадежность овладения Кронштадтом. «Было бы сумасшествием играть в руку России и броситься головою вперед на её гранитные стены, рискуя нашим морским превосходством со всеми фатальными последствиями поражения, в неравной борьбе дерева против камня», — писал Нэпиру первый лорд адмиралтейства Джеймс Грэхем (стр. 609).

Неудача Нэпира оказала большое влияние на ход дипломатической борьбы. Несмотря на прилагаемые ими колоссальные усилия Англии и Франции не удалось преодолеть опасения Швеции и втянуть её в разгоревшуюся войну против России. Дания тоже не отказалась от позиции ней-

тралитета, а ожидавшееся восстание Финляндии оказалось пустой, необоснованной иллюзией.

Автор далее выясняет, какие крупные затруднения встретили союзники на главном, ближневосточном театре войны; английские и французские войска, высадившись в Варне, попали в условия враждебного окружения: местное болгарское население явно сочувствовало России и не хотело помогать её противникам; сверх того, пожар уничтожил значительную часть заготовленных запасов; холерная эпидемия косила солдат и офицеров; разведочная экспедиция в Добруджу не дала ничего, кроме потерь умершими и больными. Летом 1854 г. положение союзников в Варне стало невыносимым. При этих условиях экспедиция в Крым и осада Севастополя представлялись наиболее удачным и многообещающим выходом из трудного военного положения.

Но и та десантная армия, которую союзники двинули на Севастополь, не отличалась, по мнению Е. В. Тарле, идеальными качествами. Превосходя русские силы боевой техникой и лучшей организацией, она в то же время имела крупнейшие недостатки. Пёстрому составу английских наёмников сопутствовало невежество английских офицеров, включая главнокомандующего, — безличного, вялого и неопытного Раглана. Французская армия была неизмеримо выше по своему составу и подготовке, но очень страдала от дефектов снабжения, замедлявших её операции.

Е. В. Тарле дополняет свою характеристику союзников важными коррективами к обычным представлениям о русских армии и флоте в период крымской кампании. Е. В. Тарле не скрывает отсталости, неподготовленности, плохого вооружения, казнокрадства и прочих отрицательных явлений, характеризующих дореформенную, николаевскую армию. Но в то же время он убедительно показывает крупные преимущества, имевшиеся на стороне России: хороший личный состав её флота (особенно черноморского, где действовала славная школа адмирала Лазарева), выносливость и героизм её пехоты, наличие прочных и неприступных укреплений. Далёкий от примитивно-одностороннего освещения борющихся сторон, автор оперирует многочисленными конкретными фактами, которые подтверждают правильность его выводов и оценок.

Крупные достоинства книги Е. В. Тарле сравнительно с предшествующими исследованиями русских историков очевидны и бесспорны. До сих пор никто не давал такого всестороннего и остро критического анализа дипломатической борьбы, предшествовавшей Крымской войне и сопровождавшейся её первый период. В трёхтомном изложении Дубровина дипломатический момент был вовсе обойдён, а военные операции излагались не только без связи с борьбой дипломатов, но и без всякого учёта сменявшихся и борющихся между собой правительственных точек зрения. В четырёх-

томком труде Богдановича дипломатическим темам посвящено несколько кратких глав, где наивно и поверхностно, в духе казённой идеологии, излагались основные факты, предшествовавшие военным операциям. Гораздо серьёзнее и вдумчивее отнёсся к своей задаче Зайончковский, но и его исследование (незаконченное) страдает теми же недостатками. Несмотря на обилие цитат из дипломатических документов, несмотря на правильную оценку некоторых используемых источников (например критику донесений Брунова или «салонно-поверхностной» переписки с Пруссией), Зайончковский не сумел всё же показать, каковы были движущие мотивы борющихся между собой правительств. Наивное доверие к содержанию официальных документов соединилось у него с апологией «миролюбия и прямоты» Николая I, а разразившийся кризис, переросший в вооружённую борьбу, оказывался «фатальным» и лишённым всякого закономерного объяснения.

Иной характер носит подготовленная к печати работа А. Попова. Она построена в значительной мере на тех же архивных фондах бывшего русского министерства иностранных дел, что и работа Е. В. Тарле. Но в силу своей сжатости и менее ясно выраженной концепции она значительно уступает исследованию Е. В. Тарле. Особенно ценны в последней работе Е. В. Тарле освещение провокационной роли европейских государств, дипломатических метаний Николая I и взаимоотношений, сложившихся между союзниками в процессе Крымской войны.

Изложение в книге Е. В. Тарле живое и яркое; оно проникнуто творческой научно-исследовательской мыслью и изобилует меткими характеристиками. Особенно удачен портрет вице-адмирала Нахимова. Этот победитель при Синопе представлял лучшие, передовые заветы лазаревской школы, был горячо предан русскому флоту и крепко спаян с матросской массой, резко выделяясь в среде николаевского офицерства. Читая книгу Е. В. Тарле непрерывно чувствует биение пульса дипломатической и военной жизни, видит перед собой живых людей с их индивидуальными особенностями, подлинную и реальную действительность 1853—1854 годов.

Тем не менее читатель вправе предъявить автору новые, дополнительные требования. В введении к своей книге Е. В. Тарле снимает с себя обязанность представить вугреннее положение России и её противников; он ограничивается общей характеристикой международного положения в Европе и хозяйственно-политической отсталости России. Однако разобратся до конца в клубке событий можно только при одном необходимом условии: если поставлены и на конкретном материале разрешены общие вопросы о возникновении, ходе и результатах Крымской войны. Автор убедительно и ярко

показал банкротство николаевской дипломатии в ближневосточном вопросе; и всё же неясно, какова была причина деградации русского дипломатического искусства, некогда столь блестящего и победоносного.

Книга так же убедительно и ярко показывает слепое упорство российского самодержца, который упрямо и нерасчётливо рвался вперёд, к дележу ожидаемого турецкого наследства. Но можно ли объяснить это тупое упорство только личными особенностями императора Николая Павловича? Или в основе этой авантюристической политики лежали социально-политические условия, характерные для периода кризиса феодальной России? Можно ли понять внешнюю политику Николая I после 1849 г., не установив её связи с процессом разложения крепостнической системы, с упорным стремлением Николая I укрепить её пошатнувшиеся устои? Подобные вопросы могут возникнуть и относительно Западной Европы. Е. В. Тарле не раз ссылается на общеизвестный факт — ненависть всех прогрессивных кругов Европы к международному жандарму Николаю I. Но автор не анализирует ни этого факта, ни его влияния на развёртывание дипломатической борьбы между Россией и передовыми капиталистическими государствами. В частности позиция европейского пролетариата и революционной демократии остаётся неосвещённой в его исследовании; по непонятным причинам изложение взглядов и оценок Маркса и Энгельса отнесено в следующий, II том, хотя публицистические выступления вождей пролетариата неразрывно связаны с постепенным развитием ближневосточного конфликта.

Итак, в книге Е. В. Тарле обществу уделяется меньше места, чем того требует тема исследования. Именно поэтому сам по себе чрезвычайно ценный анализ дипломатических маневров деятелей международной политики середины XIX в. порою заслоняет общесторическую перспективу описываемого периода. Это отражается отчасти и на методе автора: иногда он явно переоценивает дальновидные расчёты западноевропейской дипломатии и слишком подчёркивает «придворные» приёмы русских посланников в донесениях Николаю I.

Пожелаем Е. В. Тарле, чтобы во II томе своего исследования он, сохраняя такое же богатство и конкретность содержания, разрешил вопросы, связывающие историю дипломатии с основными историческими проблемами освещаемого периода.

Следует прибавить, что читатель при желании может расширить и проверить положения книги Е. В. Тарле с помощью подробной и хорошо систематизированной библиографии.

Проф. Н. Дружинин
Чл.-корр. АН СССР А. Панкратова

КОСТЫЛЕВ В. «Иван Грозный»*. «Октябрь» №№ 5—6, 7 и 8.

Гослитиздат.

Исторический роман представляет собой очень трудный жанр литературы. Читатель вправе требовать от автора творческой фантазии, способной заинтересовать его, непрерывной живости изложения, ясных, отчетливых характеристик и в то же время ожидает от него глубокого проникновения в источники, непосредственного знакомства с документами изображаемой эпохи, так как только таким путём может быть достигнуто воскрешение исторического прошлого. Отсюда большая ответственность, которую берёт на себя автор исторического романа.

Оригинальный замысел В. Костылёва приближает его роман скорее к типу драмы: действующие лица сразу появляются перед зрителем как определённые, ясно очерченные фигуры со своими интересами и запросами, с понятиями, предрассудками и устремлениями к целям, политическим и личным. Время действия—1557—1558 годы. В рамках этого периода сгруппированы факты подготовки и начала Ливонской войны за обладание балтийским побережьем, за вступление Москвы в круг общеевропейской политики, за выход на арену мировой жизни. Автор считает события, сюда относящиеся, поворотным пунктом в истории Московского государства и решающим моментом в политике и личной жизни молодого царя, который выступает как гениальный провидец роста государства и как первоклассный военный организатор.

Место действия первого акта — заволжская, далёкая от театра войны вотчина богатейшего, привыкшего к независимости боярина Колычева; в последующих событиях, занимающих большую часть романа, — Москва (Кремль, царские палаты, Боярская дума, мастерская литья пушек и т. п.). В романе описан эпизод поездки царя по северу Московского государства, встреча и беседы его с иноком Вассианом, бывшим боярином Патрикеевым, одним из «заволжских старцев», сторонников идей «бедной церкви». В конце романа всё внимание сосредоточено на войне в Ливонии, осаде Нарвы, Дерпта и т. п.

В романе довольно много действующих лиц, причём для характеристики высших и средних классов выведены подлинные исторические деятели (Сильвестр, Адашев, князь Курбский, Воротынский, боярин Колычев, Василий Грязной и т. д.), для изображения простого народа приняты имена вымышленные: во время приготовления к войне в Москву приходят пешком два беглых крестьянина из заволжской вотчины Костычева — Андрейко и Герасим — с жалобой на своего господина, в сопропровождении мордовки Охимы, девушки необычайной красоты и ума, также убежавшей от притеснений нижегородского наместника.

Автор склонен к сплошным характеристикам больших общественных групп. Косными, туго соображающими людьми изо-

бражена большая часть бояр; значительно бледнее намечен облик средней группы — дворянства, которому предназначается главная роль в предстоящем великом сдвиге; в тёплых тонах написаны представители низших классов, у которых отмечаются любовь к труду и жажда просвещения.

У автора есть склонность к закрутлённым характеристикам качеств, способностей и настроений целых народностей — в виде коллективных личностей. Встреча военных сил русских и татар в Ливонии с немецкими рыцарями и бюргерами даёт автору случай описать первых как организованную группу, охваченную лихорадочной жаждой движения и борьбы, в то время как бюргеры изображены косной, разрозненной и расстроенной массой облепившихся, не способных к сопротивлению и обороне местных жителей. В романе есть описание посещающих Москву иностранцев, например шотландцев — храбрых воителей, готовых служить кому угодно; автор рисует также удалых, размашистых казаков с Украины и т. п. В лице мордовки Охимы автор пытается противопоставить веротерпимость «язычницы» культурной примитивности и умственной замкнутости русских как христиан.

Над галереей выведенных автором лиц высится исполнившая фигура царя Ивана Васильевича. Он изображён в романе как деятель вполне сложившийся, несмотря на свою молодость — 27 лет, с несокрушимой волей, ясным мировоззрением, свободный от предрассудков, не поддающийся посторонним влияниям, с глубоким, пророческим взглядом на будущее мощное развитие Московского государства, с тонким пониманием задач международной дипломатии, военной, инженерно-строительной техники, просветительной культуры; при всём том спокойно-величественный, уравновешенный, преданный своим великим государственным замыслам.

В соответствии с планом драматической композиции, принятой автором, у царя Ивана Васильевича как бы совсем нет прошлого, нет тяжких испытаний, терзавших его детство и юность. Ничто не предвещает также будущих колебаний его гениальной натуры, не внушает опасений предстоящего кризиса, который привёл впоследствии в судорожной борьбе с изменой к возникновению опричнины. Иван Грозный у В. Костылёва смотрит на мир, если так можно выразиться, оптимистически: он не доверяет людям, но и не боится их; он зорко приглядывается к окружающим его людям и выбирает среди них наиболее талантливых — тех, которые будут полезны для намеченных им целей: так, белгца Андрейку он велит принять по пушкарскому делу, предварительно избив его батогами за ослушание своему законному владыке боярину Колычеву (№ 5—6, стр. 46).

«Иван Грозный» В. Костылёва — поэтическое произведение, в одно и то же время законченное и внезапно обрывающееся. Автор как бы пытается остановить ход исто-

* Первая часть трилогии «Иван Грозный».

рии и воплотить в своих образах свергнувшую как молния мечту поколения этого века, закрывая глаза на последующие испытания, постигшие государство. И судьба страны и личность руководителя государства запечатлены в романе без пятен, без страха за будущее.

Мы не знаем, следует ли напечатанные главы рассматривать только как первую часть сочинения или можно ожидать продолжения под тем же, общим заглавием. Во всяком случае надо предполагать, что автор соберёт разрозненные в нескольких номерах журнала страницы в одном издании для более широкого распространения. Если имеется в виду такое новое издание, мы позволим себе дать автору несколько советов о необходимых поправках и добавлениях, которые не противоречат его концепции.

1. Совершенно необходимо, чтобы В. Костылёв познакомился с двумя важнейшими документами, относящимися к первой половине XVI в. и имеющими прямое отношение к положению крестьянства и дворянства того времени — двух классов, особенно интересующих нашего автора. Я разумею две поданные в правительственные учреждения челобитные, содержащие проекты реформ. Одна из них, более ранняя, носит заглавие «Благохотящим царём правительница и землемерие». Этот проект составлен Ермолаем, в монашестве принявшим имя Еразма; в нём высказываются суждения об устройстве участи крестьян. Другое, поразительное по таланту и горячности, произведение публициста, подписавшегося Ивашкой Пересветовым, содержит план преобразования войска в связи с усилением самодержавия. Знакомство с этим документом дало бы автору подлинные исторические черты и краски для характеристики дворянства.

Оба документа были бы полезны автору не только по своему содержанию, но и по своей форме, языку, стилю, терминологии; художник слова сразу должен был бы почувствовать, что соприкасается здесь с самой подлинной жизнью общества.

Правда, в романе Костылёва, на стр. 23 (№ 5—6), приводится краткая цитата из первого проекта, где упомянуто о важности труда «ратаев» и бесполезности «вельмож», но совершенно очевидно, что ссылка взята из вторых рук. Автора этого замечательного документа — монаха Ермолая-Еразма — В. Костылёв устами боярина Колычева называет «какой-то писака». Несколькими строками ниже упоминается и Пересветов в качестве клеветника, «оугнувшего царю противу бояр челобитную», но самое это выражение показывает, что имя писателя известно В. Костылёву только понаслышке, что о значении пересветовского проекта он не имеет понятия.

2. При переиздании романа автору следует устранить две фактические ошибки: одну географическую, другую — хронологическую. Первая состоит в том, что местом рождения одной из героинь романа — мордовки Охмы — обозначены заволжские костромские или нижегородские леса; но там обитали черемисы, между тем как мордва жила значительно южнее — на правых прилоках Волги, особенно по реке Сура. Вторая ошибка состоит в том, что в романе В. Костылёва мы находим под 1557 г. в полном действии печатню Ивана Фёдорова, тогда как она учреждена была лишь в 1564 году. При этом автор неверно представляет себе культурную и международную обстановку, среди которой возникла типография в Москве. Собственно устремление к побережью Балтийского моря не имело здесь особенного значения; заимствование печатного дела связано с новой войной, с более широкими планами присоединения Западной Руси, началом которого было занятие Полоцка в 1563 году.

3. Автору романа «Иван Грозный» следует позаботиться о том, чтобы устранить из своего повествования всякого рода модернизацию, которая так легко находит себе место в речах и разговорах действующих лиц. Как наглядный пример перенесения на XVI в. настроений, понятий и самой фразеологии более поздних времен в даже наших дней я приведу одно место из беседы царя Ивана Васильевича со старцем Вассианом. Монах, с точки зрения христианского всепрощения смирения и бескорыстия, протестует против войны вообще. Царь отвечает: «Разве неведомо тебе, что немцы да их попы возымели спесь христовым именем и мечом все славянские племена в своих рабов обратить? Себялюбие и жадность их, прикрываясь святительской проповедью, покоряют славянские земли хищным алеманским князьям... Немецкие попы да князья и к нам змеёй подползают в прошлые времена, и до сего дня лютуют они на побережье Западного моря и обращают в свою веру латышей и эстов... И не они ли христовым именем истребили славное имя полабских славян и воинственных ливов?»

Стоит ли говорить о том, что имена славян, ливов, латышей, которые появились впервые в науке XVIII и XIX вв., не могли быть известны даже и очень начитанному царю Ивану Васильевичу? А самое понятие о славянстве как большом этническом целом сложилось также значительно позже.

Более глубокое проникновение в источники, в оригинальные документы эпохи поможет автору устранить тот недостаток, который был только что мной указан.

Проф. Р. Вуннер

«Двадцать пять лет исторической науки в СССР» под ред. акад. Волгина В. П., акад. Тарле Е. В. и чл.-корр. АН СССР Панкратовой А. М. АН СССР. Институт истории. М.-Л. 1942.

Военно-историческая литература — могучее средство военно-политического воспитания советских патриотов. Само собою разумеется, что для исторической науки в настоящее время особенное значение приобрела разработка вопросов военной истории и широкая военно-историческая пропаганда. В сборнике Академии наук СССР, который в дни войны подводит итоги советской исторической науки за 25 лет, казалось бы, необходимо было в полной мере отразить созидательную работу наших учёных в области военной истории. К сожалению, помещённая в сборнике статья проф. Кафенгауза на тему «Военно-историческая литература в СССР за 25 лет» этим запросам не отвечает.

Сравнительно большая статья носит характер библиографической заметки. Автор не показал, в чём заключаются основные тенденции развития военно-исторической науки в СССР, он не показал также и подлинной картины достигнутых успехов в разработке вопросов военной истории.

Автор ни словом не обмолвился о том, какой богатый вклад в военное дело и, в частности, в область военной истории внесли класники марксизма-ленинизма. Он не отметил даже значения «Краткого курса истории ВКП(б)» в научной разработке вопросов военной истории.

Автор, по существу, игнорирует и богатейшее военно-историческое наследие, оставленное нам русской дореволюционной наукой (см. стр. 104). Между тем русские дореволюционные историки сыграли большую прогрессивную роль в развитии военной историографии, поскольку они разработали ряд важнейших проблем и обогатили историческую науку многочисленными курсами и монографиями на военно-исторические темы. Русские историки должным образом оценили влияние отечественного военного искусства на развитие военного дела на Западе и сумели отобразить героическую деятельность русской армии и исторически сложившиеся боевые качества русских воинов. Достаточно вспомнить освещение вопросов военной истории в работах Костомарова, Ключевского, монографии таких выдающихся военных историков, как Михневич, Петрушевский, Зайончковский, Богданович, Михайлович-Данилевский, Дубровин, Леер, Голицын, Карцев, Юнаков, Байов, Бобровский. Хорошо известны публикации Мышлаевского и русского военно-исторического общества (Полтавская и Бородинская операции), монографии о Денисе Давыдове, Ермадове. Напомним многочисленные полковые и корабельные истории, материалы по истории гвардии, флота. Многотомный коллективный труд «Столетие военного министерства» не потерял своего значения и сегодня. Русские учёные занимались также исследованием военной истории древнего мира (вспомним освещение указанных вопросов в работах Латышева и Тураева). Немало ценного внесли в воен-

ную историю и учёные, работавшие в области истории средних веков и новой истории (Михневич, Мышлаевский).

Русская историческая наука всегда занимала одно из ведущих мест в Европе в области военной истории. Между тем автор утверждает, что «если до революции военной политике в целом отводилось мало места, то тем меньше внимания привлекали военные вопросы» (стр. 104—105). «Внимание военных историков,— сетует автор,— сосредоточивалось преимущественно на изучении наиболее крупных и ярких моментов нашего военного прошлого». «Много сил было затрачено,— как бы с укоризной отмечает тов. Кафенгауз,— на изучение войн и военной реформы Петра Великого». Что ж тут плохого?

Надо сказать, что автор несмотря на свой критический тон не указал даже на главные недостатки работ русских военных историков. Безусловной заслугой русской дореволюционной военно-исторической литературы является систематизация громадных материалов, освещающих историю войн и военного искусства. Однако естественно, что научной разработке их препятствовало применение порочного метода.

Автор не анализирует и творческого пути советских историков в исследовании проблем военной истории. Тов. Кафенгауз неправильно указывает, что в учебниках истории СССР для вузов «уделено большое внимание войнам» (стр. 108). В «Военно-историческом журнале» в своё время перечислялись многочисленные недостатки указанных учебников, в частности использованного в них военно-исторического материала¹. Автор прав, когда он критикует гражданских историков за недостаточное внимание к военной тематике. Но, к сожалению, он совершенно не касается принципиальных недочётов, имеющих даже в широко известных работах. Кроме того, оценивая работу советского исторического фронта, нельзя было обойти молчанием многочисленные работы советских военных историков. К сожалению, тов. Кафенгауз не оценил должным образом деятельность выдающихся гражданских историков, работающих над историей Красной Армии, гражданской и Отечественной войны (чл.-корр. АН СССР тов. И. Минц, проф. И. Разгон, проф. Э. Генкина и др.) или же занимающихся военной историей России.

В статье даже не упомянуты военно-исторические работы о строительстве Красной Армии и о её боевом пути. Между тем широко известны материалы, собранные в сборниках «Бои в Финляндии», «Бои на Карельском перешейке», работы А. Исбаха и Ю. Королькова «123-я в боях с белофиннами» и др. Не дана оценка литературных работ о полководческой деятельности

¹ «Военно-исторический журнал» № 4. М. 1940.

Маршала Советского Союза товарища И. В. Сталина. Не упомянуты многочисленные книги о полководцах советского народа: М. В. Фрунзе, К. Е. Ворошилове, Г. И. Котовском, Н. А. Щорсе, В. Боженко и др. Не дана оценка военно-исторических трудов таких выдающихся военных деятелей нашего времени, как например тов. Фрунзе.

Советская военно-историческая литература широко осветила полководческое искусство великих полководцев (Наполеона, Тюренна и др.), но в статье проф. Кафенгауза не упомянута даже такая известная работа, как монография проф. Левицкого «Полководческое искусство Наполеона» (Москва, 1938 г.). Не отмечено издание многочисленных переводных трудов, таких, как Н. Макиавелли «О военном искусстве», Г. Жомини «Очерки военного искусства», К. Клаузевиц «О войне» и т. д. В обзоре не представлена «Rossica» (упомянута только «Хроника Гевриха Латыша»). Учитывая наличие в сборнике специальных статей, следовало бы привести сводные, обобщающие данные как по литературе истории гражданской войны, так и по военно-историческим публикациям. Автор не упомянул публикаций по истории русской армии, Красной Армии и отдельных родов войск.

Автором не освещена громадная созидательная работа советских историков по разработке славного военного прошлого братских народов СССР. Достаточно вспомнить научно-популярные работы Я. Манандяна «Народные восстания в Армении против арабского владычества» (Ереван, 1939 г.), Пегова «Польско-шведская интервенция в Карелии в начале XVII века» (Петрозаводск, 1939 г.), Н. Петровского «Военное прошлое украинского народа» (Москва, 1939 г.) и «Визвольна війна українського народу против шляхетської Польщі» (Киев, 1939 г.).

Характеризуя литературу о Полтавском бое, автор не уделил внимания работам А. Предтеченского, В. Лебедева и других. Вряд ли можно согласиться с тем, что брошюра В. Павлова о Петре I может быть оценена как переработка и популяризация «накопленного наукой материала о великом преобразователе русской армии и полководце» (стр. 110). Говоря, что «создание полной и подробной биографии Кутузова остаётся всё ещё задачей будущих (?) историков войны 1812 года» (стр. 112), тов. Кафенгауз не счёл нужным даже упомянуть о книге полковника Подорожного «Кутузов» (Москва, 1942 г.). Автор проявил неосведомлённость в той большой работе, которая была проделана нашими историками по созданию курса военной истории для Академии Красной Армии. Неверно, что курс полковника Разина «не идёт далее XVIII века». Ещё в 1939 г. была издана его книга «Военное искусство периода победы и утверждения капитализма (1789—1870)». В том же, 1939 г. полковником Свежковым были выпущены «Очерки по военной истории (древний мир, средние века, новое время) — до периода начавшегося упадка капитализма».

Нельзя попутно не отметить, что в статье Б. Кафенгауза не названа ни одна работа по военно-морской истории. Между тем за последние годы вышли работы: А. Шершова по истории военного корабля, П. Быкова о русско-японской войне на море, сборники «Красный Гангут», «Севастополь» и т. д. Большой фактический материал собран в курсе военно-морского искусства, составленном капитаном 1-го ранга Н. Новиковым.

Вне поля зрения тов. Кафенгауза оказались труды, освещающие подготовку второй мировой войны и её развитие. Крайне недостаточно внимания уделил автор первоочередной задаче советских историков — собиранию и разработке материалов по истории Великой отечественной войны. Между тем широко известны документальные сборники по истории обороны Москвы, Ленинграда, Севастополя, истории частей Красной Армии, материалы, рисующие самоотверженную работу тыла, например «Узбекистан в первый год Отечественной войны».

Большое место в советской исторической науке занимают вопросы истории партизанского движения; однако этот раздел работы историков не получил должного освещения в статье тов. Кафенгауза.

Марксистско-ленинская теория и наша военная доктрина поставили новые проблемы перед военными историками (об этом автор не говорит), заставили критически пересмотреть накопленные дореволюционной наукой материалы, схемы, решения. Одновременно советские историки находили новые источники и публиковали их, освещая подчас совершенно не изученные вопросы. Советская военно-историческая наука развивалась по определённой плану, основанному на учёте первоочередных задач укрепления государства.

Не мало ещё задач в области разработки военных вопросов предстоит разрешить работникам исторического фронта. До сих пор не разработана научная периодизация военной истории СССР и всеобщей военной истории. Не разработаны и синхронистические таблицы (известен только первый опыт полковника Разина). Над этим должны поработать и военные и гражданские историки. Кстати говоря, научное кооперирование тех и других слабо осуществляется и ныне.

До сих пор у нас нет учебных пособий по военной истории, изучаемой во всех гражданских вузах.

Ещё нет исследования, освещающего хотя бы основные этапы в развитии военной теории, стратегии и тактики, оперативного искусства. Советские историки ещё не дали работы по истории центрального и местного военного управления России. Мало сделано в области освещения основных военных реформ (реформы Ивана IV, Петра I, Потёмкина, Румянцева, Милюткина, Фрунзе и т. д.). Не исследована законодательная, экономическая и иная деятельность русского государства в условиях военных испытаний, в частности в период первой мировой войны.

Должное внимание не уделено освещению истории германского милитаризма, его исторических корней. Очередная задача советских историков — освещение военного прошлого Германии в целях разоблачения германского разбойничьего империализма как злейшего врага всего прогрессивного человечества. До сих пор ещё не достаточно полно раскрыта предательская роль немцев в русской армии, их попытки подорвать силу русского государства.

Историки прошли мимо известного высказывания товарища И. В. Сталина о роли армии в выполнении государством своих внутренних и внешних функций. На примерах истории не показано значение армии как сильнейшего орудия в руках господствующего класса.

Ещё нет монографий, показывающих, как во время справедливых войн исторические прогрессивные классы стремились утвердить новые общественные отношения, новую передовую культуру, науку и технику. Не показано и то, как реакционные классы, преследуя захватнические цели, защищали

отживающие общественные отношения, тормозя тем самым ход исторического развития.

Советская историография не осветила в должной мере влияние русской армии и её полководцев на развитие всемирного военного искусства, военной науки и т. п. До сих пор нет историографической работы, показывающей хотя бы в самых общих чертах значение русских военных историков в развитии мировой исторической науки. Крайне недостаточны библиографические издания в области военной истории, которых, кстати говоря, тов. Кафенгауз и не коснулся. Следует подчеркнуть, что особое внимание военные историки должны уделить разработке оперативных материалов, обобщению опыта Отечественной войны, освещению славного боевого пути частей и военачальников Красной Армии. Задачи, на наш взгляд, важнейшие очередные задачи военных историков. Выдвинуть эти задачи было совершенно необходимо в статье, подводившей итоги развития военной истории в СССР за 25 лет.

Е. Берков

ВОБЛИИ К., ГУСЛИСТИИ К., ДЯДИЧЕНКО В., ЛОСЬ Ф., ПЕТРОВСЬКИЙ М., СЛАВИН Л., СУПРУНЕНКО М., ШЕРСТЮК Ф. «Нарис історії України» за ред. К. Гуслистого, Л. Славина, Ф. Ястребова. Вид-во Акад. наук УРСР. Уфа. 1942. 211 стр.

Популярный очерк истории Украины составлен группой видных специалистов по данному вопросу. Нет надобности доказывать, как полезна в наши дни такая работа. Рецензируемая книга может служить ценным пособием для ознакомления с историей Украины широких кругов советских читателей.

Обзор истории Украины начинается с древнейших времён и кончается нашей современностью; он делится на периоды, которые установлены советской исторической наукой и действительно определяют важнейшие моменты истории украинского народа.

Изложить на 211 страницах историю Украины начиная с палеолита и до наших дней чрезвычайно трудно. Из громадного количества самых разнообразных исторических фактов авторам и редакторам надо было отобрать только самое существенное в истории Украины. И можно сказать, что коллектив украинских историков в общем хорошо справился со своей трудной задачей. Материалу, относящемуся к периодам до XIX в., отведено в очерке 97 страниц, остальная часть книги (114 страниц) посвящена XIX—XX векам. Большое внимание уделяется советскому периоду истории Украины.

При написании отдельных глав и разделов авторы учли все последние достижения украинской исторической науки. Одним из наиболее удачных надо признать раздел об образовании литовского государства; он

написан К. Гуслистым в свете высказываний товарища Сталина о происхождении многонациональных государств на востоке Европы. Следует отметить также весьма чёткое изложение Н. Петровским главнейших событий, связанных с борьбой украинского народа против панской Польши и с последующим объединением Украины с русским государством.

Хотя эта работа украинских историков и заслуживает высокой оценки, она всё же вызывает некоторые критические замечания. Как известно, вопрос о возникновении русского государства — один из труднейших вопросов истории СССР. По некоторым частностям и теперь существуют разногласия. Так, по-разному объясняют появление варягов и их утверждение в Великом Новгороде. Одни, как проф. А. В. Шестаков, говорят о завоевании варягами Новгорода, а другие, как акад. Б. Д. Греков, — о приглашении варягов одной из борющихся в Новгороде группировок. Акад. Греков указывает, что подобные приглашения, или вернее наём, варяжских военных дружин практиковались и в дальнейшей истории Киевского государства. Несомненно, мнение акад. Грекова более обосновано.

Приходится пожалеть о том, что составители рецензируемой книги склоняются к менее обоснованному варианту решения вопроса об утверждении варяжской династии в Великом Новгороде.

Авторы очерка не остановились специально на вопросе об образовании украинской народности. Их высказывания об этом, в общем правильные, разбросаны по разным частям книги. Но проблема эта настолько важна, что ей надо было бы посвятить один из разделов: ведь до сих пор она ещё не разрешена окончательно в советской исторической литературе. Было высказано мнение, что украинская народность сложилась в XVI в., но это мнение не встретило всеобщего признания. Украинским историкам и надлежало бы внести ясность в этот вопрос, который горячо обсуждался ещё до войны.

Попутно с общей характеристикой общественного и политического строя Украины после Переяславской рады отмечается, что фактически господствующим классом на Украине были феодалы: казацкая старшина, шляхта. Это правильно, но надо показать, как казацкая старшина превратилась в феодалов и откуда появилась

шляхта. А между тем из предшествующего материала читателю это трудно понять.

Очень мало говорится в очерке и о политической структуре Украины после Переяславской рады. Отмечается только, что во главе Украины стоял выборный гетман и что Украина делилась на полки. Не указано на то, что существовала войсковая рада, а также генеральная старшина; не говорится также ни о том, как постепенно образовались рады генеральной старшины, ни о том, какую видную роль играла генеральная старшина в системе украинских политических органов.

Несмотря, однако, на наличие отмеченных недостатков очерк действительно является ценным пособием для первоначального ознакомления с историей Украины. Вместе с тем, поскольку книга эта включает все основные вопросы учебных программ, она может быть использована и как учебник.

Чл.-корр. АН УССР С. Юшков

Альбом древностей мордовского народа. Под редакцией Института истории АН СССР. Отв. редакторы — акад. Ю. В. Готье, чл.-корр. АН СССР А. И. Яковлев. Издание Мордовского научно-исследовательского института. Саранск, 1941. 135 стр. 58 табл. 45 руб.

Документы и материалы по истории Мордовской АССР. Под редакцией Института истории АН СССР. Отв. редакторы — акад. Б. Д. Греков и проф. В. И. Лебедев. Научные редакторы — чл.-корр. АН СССР А. И. Яковлев и Л. В. Черепнин. Издание Мордовского научно-исследовательского института языка, литературы и истории при СНК МАССР. Саранск, 1940. Т. I—432 стр. 11 руб. Т. II—350 стр. 11 руб. Т. III—343 стр. 6 руб.

Материалы для библиографии по истории мордовского народа. Составил Л. В. Черепнин под редакцией чл.-корр. АН СССР проф. А. И. Яковлева. Издание Мордовского научно-исследовательского института социалистической культуры при СНК МАССР. Саранск. 1941. 207 стр. 6 руб.

Ценным вкладом в советскую историографию является издание археологических памятников, найдённых на территории Мордовской АССР, и многочисленных источников по истории мордовского народа, которые дают возможность приступить к углублённому изучению исторического прошлого Мордовской АССР начиная со времён глубочайшей древности.

Альбом древностей мордовского народа, вышедший под редакцией акад. Ю. Готье и чл.-корр. АН СССР проф. А. Яковлева, даёт полное и новое представление о материальной культуре древнейших известных нам предков мордовского народа. На 58 таблицах этого альбома прекрасно воспроизведены многочисленные археологические памятники, найденные в Лядинском и Томниковском могильниках в Тамбовской губернии, а также древности из различных могильников, раскопанных в бассейнах рек Оги и Камы, главным образом в могильниках Пьяноборском, Кошубеевском, Серганском, Борковском, Кузьминском, Хо-

луйском, Максимовском, Окском, Урвановском и «Атамановы кости». На отдельной таблице воспроизведены рисунки мордовских женщин, заимствованные из «Путешествия» акад. Палласа. Альбом снабжён очень подробным объяснительным текстом, который тщательно составлен О. Яковлевой. Издание этого роскошного альбома в значительной степени облегчает труд историка, изучающего материальную культуру мордовского народа с VI по XI в. нашей эры.

Большую научную ценность представляют также «Документы и материалы по истории Мордовской АССР». По замыслу редакции, этот обширный сборник исторических источников должен охватить следующие документальные материалы: 1. Свидетельства писателей античного мира, а также средневековых и арабских писателей (V в. до нашей эры — X в. нашей эры). 2. Материалы археологических находок и раскопок. 3. Извлечения из древнерусских летописей, сказаний и повестей до конца

XVI века. 4. Акты, характеризующие быт и судьбы мордовского народа до конца XVI века. 5. Сказания иностранцев о мордве до конца XVII века. 6. Указной и акт-овый материал по истории мордвы XVII века. 7. Законодательный и акт-овый материал по истории мордвы за XVIII в. и выдержки из описательных путешествий, предпринятых с научной целью в XVIII столетии. 8. Законодательный и акт-овый материал по истории мордвы XIX в. и выдержки из этнографических описаний мордвы в научных работах за это время. 9. Свод в кратком изложении наиболее важных научных работ по этнографии и лингвистике мордвы за XIX в. — русских и иностранных.

Уже один этот сухой перечень материалов, которые будут охвачены настоящим сборником источников по истории мордовского народа, ясно указывает на полноту его. В сборник будут включены не только все изданные до настоящего времени материалы, но и целый ряд ещё не опубликованных документов. В I том этого монументального издания вошли свидетельства античных авторов (Геродота, Аристотеля, Николая Дамасского, Страбона, Тацита и Птоломея), средневековых писателей (Иордана и Константина Багрянородного) и арабских писателей (Ибн-Росте, Балхи, Масуди, Каган Иосифа, Ибн-Хаукала и Бекри). В этот же том включены описания материалов археологических находок и раскопок, извлечения из летописных источников и сказаний до начала XVII в., акты, относящиеся к истории мордовского народа до

конца XVI в., известия иностранных писателей XIII—XVII вв. о мордве и акты по истории мордовского народа в XVII в. (1600—1670). Во II и III томы этого интереснейшего сборника по истории мордовского народа включены акт-овые материалы XVII в. (1670—1699), литературные описания мордвы XVIII в., акт-овый материал первой половины XVIII в., ярко расцвечивающий принудительную руссификацию мордовского народа, которая систематически проводилась царским правительством, и ряд других документов.

Таким образом, эти три выпущенных до настоящего времени тома содержат огромное количество ценнейших исторических источников, богатейший документальный материал по истории мордовского народа с древнейших времён и до конца XVIII века. Отличаясь большой полнотой и тщательностью воспроизведения публикуемых документов, этот чрезвычайно важный труд является ценным вкладом в советскую историографию.

Полезным дополнением к этой серии ценных исторических трудов по истории мордовского народа является библиографический справочник, составленный Л. Черепнинным под редакцией проф. А. Яковлева. Этот справочник, содержащий 2163 названия, даёт возможность легко ориентироваться в той огромной литературе, которая посвящена различным вопросам истории мордовского народа.

Проф. В. Авдиев

ОСИПОВ К. Штурман Челюскин. Госполитиздат. 1942. 75 коп.

Рецензируемая книжка в живой, популярной форме рассказывает о делах и людях великой Северной экспедиции, в частности о плаваниях и сухопутных походах одного из участников этой экспедиции — штурмана Челюскина, обследовавшего крайний северный выступ Евразийского материка (мыс Челюскин).

По объёму поставленных задач, по своей продолжительности (с 1733 по 1742 г.), по числу участников¹, по затраченным усилиям и ресурсам и, наконец, по достигнутым результатам экспедиция эта по праву стала в дальнейшем именоваться Великой. Она представляла собой крупнейшее научно-исследовательское начинание XVIII века.

При организации экспедиции учитывались научно-исследовательские, хозяйственно-политические и навигационные задачи, поскольку «отдалённые тамошние, также и

северные сибирские места, поныне неизвестными почитаются»².

Северная экспедиция 1733—1742 гг. (формально называвшаяся Второй Камчатской) явилась расширенным продолжением первой Камчатской экспедиции, 1725—1729 гг., проводившейся по замыслу и указаниям Петра I. В основу её легла лично написанная 23 декабря 1724 г. уже больным Петром инструкция, в которой исследовательские задачи были конкретно сформулированы (стр. 14). Пётр связывал их с возможностью плавания из Европы в Китай и Индию северным морским путём, т. е. тем путём, который освоен лишь Советским Союзом, в нашу эпоху. По свидетельству находившегося тогда неотлучно при Петре «механика и токарного искусства учителя» (А. Н. Нартова), Пётр, вручая свою инструкцию генерал-адмиралу Апраксину, остановился на вопросе «о дороге чрез Ледовитое море в Китай и Индию». «На сей морской карте проложенный путь назначен не напрасно. В последнем путешествии

¹ Число участников экспедиции вместе с обслуживающим персоналом доходило до 2 тыс. человек, не считая местного населения, привлекавшегося для всяких поставок и повинностей.

² Из указа Правительствующего сената от 31 декабря 1732 г. (все даты по старому стилю).

моём в разговорах слышал я от учёных людей, что такое обретение возможно. Ограда отечество безопасностью от неприятеля, надлежит стараться находить славу Государству чрез Искусство и Науки»¹.

Одновременно с петровской инструкцией Апраксин передал начальнику экспедиции Берингу и свою инструкцию, где упоминается карта «для известия тамошних мест, сочинённая в 1721 году»; повидимому, это была та самая морская карта, о которой говорил Пётр.

Начальником Камчатской экспедиции был назначен Витус Беринг — датчанин, моряк, состоявший с 1704 г. на службе в русском флоте. Плавание на север совершалось в 1728 г. на корабле «Святой Гавриил». Основная географическая цель предприятия достигнута не была. Дойдя до широты 67°18', Беринг 15 августа повернул обратно. Решение о возвращении на Камчатку было принято Берингом и его помощником Шпанбергом несмотря на настойчивые возражения другого его помощника — Алексея Ильича Чирикова. В своём заявлении Берингу от 13 августа Чириков предлагал плыть дальше в расчёте или на подход к устью реки Колымы, уже хорошо тогда известной в России, или же до встречи с морскими льдами («понеже известно, что в Северном море всегда ходят льды»). Предложение способнейшего русского моряка было исключительно продуманным и обоснованным: подходом к Колыме было бы доказано наличие сплошного морского пути из Европы к восточноазиатским районам, одновременно доказано было бы и то, что Азия не «сошлась» с Америкой, а отделена от неё водным пространством. То же обстоятельство было бы доказано и при встрече с океанскими льдами. Если бы предложение Чирикова было принято, вопрос об азиатском «кюсте» был бы выяснен без повторения похода в 1741 г. и задолго до плаванья Дж. Кука².

¹ См. «Сын Отечества» 1819 г. Ч. 57. Свидетельством Нартова разъясняются действительные намерения Петра, приведшие к организации камчатской экспедиции. Подтверждается также то значение, которое придавал Пётр мнению «учёных людей» (в том числе, понятно, и Лейбница, который по этому поводу писал в 1712 и 1713 гг. и неоднократно беседовал с Петром). Оба эти вопроса, т. е. об основном назначении экспедиции и предложениях Лейбница, ошибочно тракуются в Сборнике документов по экспедиции Беринга (изд. Главного архивного управления НКВД. М. 1941). Вопрос «сошлась ли Азия с Америкой» фигурировал уже в 1719 г. в петровской же инструкции, посланной на Камчатку геодезистам Евреינוву и Лужину.

² В своём «предложении» от 12 февраля 1733 г., т. е. при решении вопроса о второй камчатской экспедиции, Чириков прозорливо указывал: «...чаем, что Америка не весьма далече от Чукоцкого восточного угла, лежащего в 64 градусах».

Само по себе плавание от Камчатки до 67-й параллели, осуществлённое впервые в истории мореплавания, причём посещена была Чукотка и открыт неизвестный остров (о-в Лаврентия), представлялось значительным достижением. Но петербургские круги имели основания расценивать экспедицию как «бесплодную», поскольку неосуществлённой осталась основная задача — «сошлась ли» Азия с Америкой.

По прибытии в начале марта 1730 г. в Петербург Беринг возбудил вопрос о продолжении начатых исследований. В результате двухлетнего обсуждения было принято решение об организации второй камчатской экспедиции. На этот раз район исследований был значительно расширен. Экспедиции надлежало «разные водою обсервации и изыскания учинить не токмо от Камчатки до Японии и Америки, но и в Северном крае от устьев речных морем от Оби, Лены, Колымы»³. В сферу деятельности экспедиции включались разнороднейшие задачи: по установлению торговых связей с Японией и Америкой, по заведению почт, по поискам ценных рудных ископаемых, по сбору этнографических сведений и т. д. Но определяющими оставались задачи географические и мореходные.

Подготовительный период основной, тихоокеанской части Второй Камчатской экспедиции (Беринга и Чирикова) занял много лет. Экспедиция отправилась с Камчатки только в 1741 г. на двух кораблях: «Святой Пётр» — с Берингом и «Святой Павел» — с Чириковым. В пути корабли разошлись. Пройдя вдоль южного края Алеутской гряды до берегов Северной Америки, корабли вынуждены были повернуть в результате массовых заболеваний цынгой, а также гибели людей в обоих экипажах. Чириков привёл корабль на Камчатку, а Беринга вынесло к неизвестным (Командорским) островам, где он и часть команды погибли от цынги.

Таковыми же трудностями и невзгодами сопровождалась деятельность и сибирских отрядов экспедиции. Подробному описанию неудач и достижений одного из этих отрядов, производившего обследование и опись берегового участка от устья реки Лены до устья Пясины, посвящена основная часть книжки К. Осипова.

Погиб первый командир отряда — Василий Прончищев. Через несколько дней умерла жена его — Мария Прончищева (первая европейская женщина — участница полярной экспедиции). Погибли и некоторые другие члены команды. Но отряд (под командованием Хар. Лаптева) упорно продолжал свои исследования — морем и сухопутьем. Особую настойчивость в этом деле проявил штурман Семён Челюскин.

К. Осипов рассказывает о «героическом мужестве русских людей, об их железном упорстве в достижении намеченной цели,

³ Мнение адмиралтейств-коллегии при обсуждении вопроса в Сенате, приведённое в отчёте от 5 октября 1738 года.

о стоической выносливости». Эти рассказы о прежних подвигах русских моряков переключаются сейчас с рассказами о непоколебимом мужестве и самоотверженности советских моряков в жестокой борьбе с немецкими захватчиками.

Автор прав, отмечая, что об участниках Великой Северной экспедиции знает лишь узкий круг специалистов. Несомненно, что участники этой экспедиции, «не нашедшие признания при жизни, имеют тем большее право на благодарность потомков».

«Великая северная экспедиция,— пишет К. Осипов,— это Одиссея мужества, выносливости и настойчивости её участников»¹. О ней действительно следует рассказать советскому читателю.

Отмечая определяющие достоинства книжки «Штурман Челюскин», мы должны указать и на некоторые неточности и ошибки в приводимых данных и трактовках: на стр. 7 по тексту получается, что Вильям Баренц совершил всего два полярных плавания, между тем как их в действительности было три; стр. 9 — на волоке между Мутной и Зелёной никаких «укреплений» не строилось, хотя они и предусматривались

¹ К сожалению, об Одиссее этой, о сибирских отрядах экспедиции, даже и не упоминается в «Истории СССР» (т. I. Изд. Института истории Академии наук СССР, М. 1939).

² Версии об «укреплении» на Ямальском волоке встречаются в ряде исторических обзоров. Но версии эти не критические и необоснованные.

в царских наказах. С большими трудами туда на одну лишь осень удалось заслать сторожевую заставу. Других сведений по этому вопросу нет²; стр. 14 — «кюст» (морской берег), назывался также и «кюшт», производилось не от немецкого «Küste», а от голландского «Kust». Основная морская терминология при Петре (вошедшая и в наш морской лексикон) голландская. Лично Пётр применял не немецкие, а голландские слова: подписывался «Piter», а не «Peter»; писал «sin Neg», а не «sein Negg» и т. п.; стр. 16 — если бы Беринг в 1728 г. и обнаружил восточный берег пролива, это мало помогло бы решению вопроса о том, «сошлася ли Азия с Америкой». Фёдоров и Гвоздев в 1732 г. подходили к восточному берегу пролива, однако существовавшие сомнения этим не были устранены, так как можно было предполагать, что это «схождение» обоих материков происходит где-то дальше на севере; стр. 31 — нет и не может быть каких-либо оснований утверждать, что ледовая обстановка в районе Таймырского массива в 1737 г. была «очень благоприятна»; стр. 32 — Харитон и Дмитрий Лаптевы выехали совместно из Петербурга уже после того, как Дмитрий Лаптев сменил Ласинуса и совершил поход на «Иркутске».

Имеются и другие неточности, на которых нет необходимости останавливаться. Они не умаляют основного: «Штурман Челюскин» — книжка интересная и своевременная.

Г. Красинский

С. ВАВИЛОВ, *акад.* «Исаак Ньютон». Академия наук СССР. М.-Л. 1943. 216 стр. 10 руб.

Ни в одной стране за последнее время не были выпущены в таком количестве научно изданные и комментированные сочинения Ньютона, исследования и популярные работы о его творчестве, как в СССР¹.

Однако среди этой обширной и разнообразной литературы совершенно отсутствовала до сего времени работа, которая давала бы биографию великого англичанина, а вместе с тем — изложение и анализ его научного творчества. Небогата такими работами и иностранная литература. Вполне понятно поэтому, что выход в свет монографии акад. С. Вавилова следует рассматривать как научное событие. Слово «монография» употреблено здесь не случайно:

несмотря на небольшие размеры и на популярную форму изложения работа С. Вавилова — не популярная сводка, а серьёзное исследование.

В течение ряда лет скрупулёзно и детально изучая нелегко поддающееся современному пониманию научное наследие Ньютона, собирая все, часто весьма разбросанные биографические данные об учёном, акад. Вавилов сумел написать книгу, глубоко самостоятельную, проникнутую индивидуальным подходом к излагаемому материалу, а вместе с тем полностью учитывающую и использующую всё, что написано ранее по этому вопросу.

Автор избрал, на наш взгляд, совершенно правильный и наиболее удобный метод изложения: рассказ ведётся в хронологической последовательности, причём научные творения Ньютона анализируются по мере того, как биографическая нить доводит до их создания. Подходя к какой-либо стороне творчества Ньютона, автор кратко характеризует состояние данной отрасли науки до него и излагает то новое, что дал Ньютон, причём изложение ведёт с постоянной оглядкой на современное состояние

¹ «Оптика» в переводе и с комментариями акад. С. Вавилова. 1928; «Начала» в переводе и с комментариями акад. А. Крылова. 1936; «Математические сочинения» в переводе и с комментариями проф. Д. Мордухай-Болтовского. 1939. «Ньютон» — сборник АН СССР, 1927. Акад. А. Крылов — Ньютон и его значение в мировой науке. 1943, и мн. др.

данной науки. При этом весьма трудные и запутанные вопросы автору удалось изложить столь кратко и выпукло, почти без помощи математического аппарата, что даже совершенно неподготовленный читатель без труда сможет понять основное.

Из всего сказанного явствует, что рецензируемая работа представляет исключительный интерес для самых широких читательских кругов и в первую очередь для историков, нередко уделявших до сих пор недостаточно внимания таким титанам науки, каким был Ньютон.

Однако столь высокая оценка книги акад. Вавилова не исключает возможности и даже необходимости, на наш взгляд, высказать некоторые возражения против отдельных её частей. Первое, что бросается в глаза историку,—это недостаточное освещение и учёт исторического фона, на котором развёртывается научная деятельность Ньютона. Автор упоминает о том, что Ньютон родился в год начала гражданской войны в Англии, что он пережил две революции и смену трёх династий, но какое влияние все эти разнообразные события имели на жизнь и творчество Ньютона, не говорится совершенно. Получается впечатление, что Кембриджский университет и Королевское общество, в которых протекали жизнь и деятельность великого учёного, существовали в каком-то безвоздушном пространстве, а короли Карл II и Яков II, Вильгельм III и Анна, с которыми ему приходилось иметь дело, ничем друг от друга не отличались.

Сообщив на первой странице книги, что «все политические бури проходили мимо Ньютона, задевая его, насколько известно, неглубоко», автор считает, что имеет право на пренебрежение к историческому фону. А между тем это решительно неправильно. Ньютон при всей своей кажущейся «аполитичности» был настоящим и бесспорным детищем великой английской буржуазно-демократической революции 1640—1659 гг., так же как великий философ Локк и великий поэт Мильтон. При этом совершенно неважно, интересовался он политикой или нет, сочувствовал идеям революции или нет: важно то, что он рос и формировался как человек и учёный в годы разгара революции, что он был выходцем из того слоя фермеров, который сыграл особо активную роль в революции, что детство и молодость его протекали в части Англии, наиболее полно проникнутой революционными идеями.

Силой, энергией, смелостью нового, победоносного класса, видящего перед собой безграничные перспективы и поэтому дерзавшего на всё, проникнуто творчество Исаака Ньютона, выросшего в годы торжества революции. Сдержанность, недалёкая от ханжества, сухость, упрямство и настойчивость, столь свойственные характеру Ньютона, невольно напоминают облик революционеров-пуритан — творцов революции.

Установление более тесной связи между жизнью и творчеством Ньютона и английской революцией, в обстановке которой прошли первые 18 лет его жизни, способно, на наш взгляд, объяснить многое в дальнейшей судьбе учёного.

Может вызвать возражения также то, что автор совершенно не упоминает о пагубном влиянии, которое, по мнению некоторых исследователей, оказали на Ньютона восторжествовавшие после реставрации реакционно настроенные богословы и учёные, в частности Ричард Бентлей и Роджер Котс. Из характеристик, которые даются в книге обоим названным учёным, явствует, что автор решительно несогласен с этим мнением, но и в таком случае упомянуть о нём, хотя бы в примечании, следовало бы.

Вызывает также возражение стремление автора во всех случаях оправдывать своего героя, отрицать хотя бы незначительные недостатки в его жизни и творчестве. Особенно это сказывается в рассказах о спорах Ньютона с Гуком, Флемстидом и Лейбницем, в изложении обстоятельств психического заболевания Ньютона и последних лет его жизни. Нам кажется, что признание определённых отрицательных черт в характере великого учёного несколько не умалило бы его славы, но сделало бы более выпуклым и реальным его человеческий образ, тем более что эти отрицательные черты прямо бросаются в глаза при чтении писем Ньютона и явствуют из приведённой в книге на стр. 183 характеристики Флемстида, которую нельзя отбрасывать, какой бы пристрастной она ни казалась.

Наконец, вторгаясь несколько в область, чуждую нашей специальности, мы не можем не выразить сомнения в том, нужно ли при изложении тех разделов научного творчества Ньютона, которые в момент его деятельности были ошибочными, подчёркивать, что эти взгляды в настоящее время, на другом научном уровне и при других предпосылках, не являются уже столь ошибочными. Такой метод изложения опять-таки подкрашивает и без того великий образ и несколько искажает историческую перспективу. Правда, нужно тут же оговориться: делается это чрезвычайно тактично и осторожно.

Все приведённые замечания отнюдь не являются упрёками автору, а скорее соображениями по поводу книги, которая может быть без всяких колебаний охарактеризована как превосходный научный труд, ценный вклад в богатейшую сокровищницу советского научного творчества.

В заключение необходимо особо остановиться на внешнем оформлении книги, выполненном превосходно. Прекрасная бумага, чёткий шрифт, малое количество опечаток, скромный, но со вкусом сделанный книжный убор, свежие по материалу и хорошо исполненные иллюстрации, красивый и прочный переплёт — всё это создаёт оформление, достойное прекрасного содержания книги.

Проф. М. Гуковский

«Красноармеец» №№ 17—24 за 1942 г. и №№ 1—4 за 1943 г. Двухнедельный литературно-художественный журнал Главного политического управления Красной Армии. М. Воениздат.

Журнал систематически (хотя и не слишком часто) помещает исторические статьи и очерки, написанные квалифицированными авторами. Много полезных сведений по истории военного искусства и техники найдёт читатель-красноармеец в отделе «А знаешь ли ты?»

Особое место в журнале занимает так называемый «Военно-исторический календарь», регулярно появляющийся на страницах «Красноармейца» начиная с № 17 за 1942 год. Анонимный составитель этого раздела словно задался целью подтвердить изречение времён грибоедовской Москвы: «Всё врут календари». И действительно: здесь фактические ошибки чередуются с политическими, стилистические промахи — с анахронизмами.

Не хотите ли, например, узнать, сколько времени продолжалась Семилетняя война? Казалось бы, не нужно быть историком, чтобы, не задумываясь, ответить: семь лет. Но составитель «Военно-исторического календаря» остаётся при особом мнении: в № 18 за 1942 г. он ссылается на «Семилетнюю войну 1756—61 гг.» (стр. 23); в №№ 19, 20 и 24 за 1942 г. и в № 2 за 1943 г. говорится о «Семилетней войне 1756—62 гг.» (см. обложку указанных номеров). Пожелаем составителю «Календаря» приблизиться ещё на один шаг к истине и установить, что Семилетняя война длилась не 5 и даже не 6, а именно 7 лет — с 1756 до 1763 года.

Составитель «Календаря» не в ладах не только с хронологией, но и с географией. В № 1 за 1943 г. он сообщает, что «после падения турецкой крепости Плевны русское командование решило... наступать к Андриаполю» (разрядка моя.— В. Г.). Как известно, в Турции есть город Адрианополь, а в СССР — город Андреаполь. Составитель «Календаря» явно спутал эти два названия и произвёл никому доселе неизвестный гибрид — «Андриаполь».

К сожалению, дело не ограничивается такого рода фактическими ошибками. В № 18 за 1942 г. «Календарь» открывается следующим сенсационным сообщением: «Сентябрь. 21-го, (?) 862. День образования Русского государства» (стр. 23). Составитель «Календаря», очевидно, твёрдо уверовал в версию некоторых старых историографов, которые связывали образование русского государства с появлением на Руси варягов. Полемицировать на эту тему сейчас вряд ли уместно; однако необходимо отметить, что в наши дни, когда фашистские лжеучёные широко используют эту легенду

для клеветы на русский народ, доказывая его «неспособность» к созданию своей государственности без помощи нордических «сверхчеловеков», «призвание варягов» в качестве организаторов русского государства на страницы массового красноармейского журнала является грубейшим политическим промахом.

Несколько неожиданную оценку даёт составитель «Календаря» такому знаменательному событию в истории нашей страны, как Бородинская битва (см. № 17 за 1942 г., стр. 24). «В Бородинском сражении, — говорит он, — русская армия... нанесла захватчикам могучий контрудар, обескровив их армию, которая была уже неспособна к широком наступательным операциям» (разрядка моя.— В. Г.). До сих пор мы считали, что именно Бородинское сражение лишило наполеоновскую армию способности к продолжению широких наступательных операций, сломив её мощь. Именно в этом величайшее историческое значение Бородинской битвы.

Составитель «Календаря» вряд ли держится иного мнения, но торопливость и неуменье излагать свои мысли подчас делают сомнительными даже совершенно правильные его положения.

Так, в № 18 за 1942 г. он пишет: «Генеральное сражение при Рымнике между союзными и австрийскими войсками... с турецкой армией» (стр. 23). Спрашивается: к чему сбивать с толку читателей, называя русские войска «союзными»?

Говоря о наступлении германских войск в феврале 1918 г. (№ 4 за 1943 г.), составитель «Календаря» утверждает, что «опасность угрожала Ленинграду» (разрядка моя.— В. Г.). Между тем в то время Ленинград назывался Петроградом.

В заключение приведём особенно выразительный образец стиля, каким написан «Календарь». О сражении под Прейсиш-Эйлау (№ 3 за 1943 г.) сказано: «Это было первое сражение, которое не выиграл Наполеон, оставившее у него неизгладимый отпечаток исключительного мужества и упорства русской армии» (разрядка моя.— В. Г.).

Поистине можно сказать, что «Военно-исторический календарь» «оставляет неизгладимый отпечаток» безответственного отношения его составителя к важнейшему политическому делу.

В. Голант

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ

Burt Alfred Leroy. *A short history of Canada for Americans. The University of Minnesota Press.* Minneapolis. 1942. 279 p.

Берт Альфред Лерой. *Краткая история Канады для американцев.*

Профессор Торонтского, затем Оксфордского, а с 1930 г. Миннесотского университета (США) написал ряд исследований о Канаде. В книге описывается история открытия Канады, возникновение и падение французской империи в Америке, рассматривается влияние американской революции на Канаду, война с США в 1812 г., борьба Канады за самостоятельность, современное политическое устройство Канады. Автор использовал новые, неопубликованные документы. Книга богато иллюстрирована.

Bériault Ivon. *Les problèmes politiques du Nord canadien. Le Canada et le Groenland. A qui appartient l'archipel Arctique (Thèse de doctorat). Préface de M. Maurice Olivier. Université d'Ottawa. École des sciences politiques. Bernard Valiquette-Montréal. Université d'Ottawa.* 1942.

Берью, Ивон. *Политические проблемы Северной Канады. Канада и Гренландия. Кому принадлежит Арктический архипелаг. (Тезисы докторской диссертации.) Предисловие Мориса Оливье.*

Тезисы докторской диссертации, в которой автор на основании исторических фактов и дипломатических документов рассматривает вопрос о принадлежности Канаде Гренландии и островов Арктического архипелага, с точки зрения международного права. Дана исчерпывающая библиография.

Harmon George D. *Sixty years of Indian Affairs, political, economic and diplomatic, 1789—1850.*

428 p. Chapel Hill. The University of North Carolina press. 1942.

Хармон Джордж Д. *Шестьдесят лет индейской политики, политические, экономические и дипломатические события за период 1789—1850.*

Исторический обзор взаимоотношений, политических, экономических и дипломатических связей между индейцами и американцами с момента образования Федерального правительства до конца 1850 года.

Morgan William Th. and Morgan Shloe Siner. *A bibliography of British history (1700—1715). Volumes IV—V, 2 vol.* 800 p. Blumington. Ind. Indiana University bookstore. 1942.

Морган Уильям Т. и Морган Кло Сайнер. *Библиография по истории Британии (1700—1715). Тт. IV—V.*

Два тома исчерпывающей библиографии по истории Британии. Том IV содержит неопубликованные рукописи с их перечнем; том V — дополнения, приложения и указатель к томам I, II, III и V.

McMurtrie Douglas C. *A preliminary check list of published materials relating to the history of printing in Mexico. Pamphlet. Chicago. Committee on Invention for printing. Chicago club of printing house craftsmen.* 1942.

Макмертри Дуглас К. *Предварительный контрольный список опубликованных материалов, относящихся к истории книгопечатания в Мексико.*

Библиография книг, брошюр и статей по истории книгопечатания в Мексико.

Quigley Harold S. *Far Eastern war 1937—1941. From Lukou-chiao to Pearl-Harbor. The impact*

of Japans program for a „new order in greater East Asia“. World Peace foundation. Boston. 1942. 369 p.

Кунгли Гарольд. *Дальневосточная война 1937—1941. От Лукоцзя до Пирл-Харбор. Осуществление японской программы «нового порядка в Великой Восточной Азии».*

Книга профессора политических наук Миннезотского университета. Описываются ход войны, «новый порядок» в оккупированных районах Китая, роль США, Великобритании, взаимоотношения Японии с державами оси и т. д. К книге приложены 11 документов, карты, библиография.

Huss Pierre J. *The foe we face.* New York. 1942. Doubleday. Doran & Co. 300 p.

Хасс Пьер Дж. *Перед лицом врага.*

Записки американского корреспондента, прошедшего восемь лет в нацистской Германии, дважды интервьюировавшего Гитлера и прибывшего в США за месяц до объявления Германией войны США. Автор рисует картину жизни нацистской Германии и характеризует её руководителей: Гитлера, Геббельса, Риббентропа, Геринга, Гесса и др.

Starr Chester G. *The roman imperial navy. Cornell studies in classical philology.* Vol. XXVI. Mar. XV + 228 p. Ithaca, N. Y. Cornell university press. 1942.

Старр Честер Дж. *Флот Римской империи. Корнельские исследования по классической филологии.*

История флота Римской империи от императора Августа до императора Константина; исчерпывающие сведения об итальянской и краткие сведения о сирийской и африканской эскадрах.

Constant J. *The reformation in England.* Vol II, 12 m p. New York, Sheed a. Ward. 1942.

Констан Ж. *Реформация в Англии.* Т. II. Перевод с французского.

Введение реформации в Англии Эдуардом VI (1547—1553).

Hernandez de Cordova Francisco. *The discovery of Yucatan.* Berkley. Calif. The Cortes society. 1942.

Эрнандес де Кордоба Франциско. *Открытие Юкатана.*

Перевод с подлинника с предисловием и примечаниями Генри О. Вагнера. Выпуск 1-й документов и повествований, касающихся открытия и завоевания Латинской Америки.

Nehru Jawaharlal. *Glimpses of world history: from the Earliest Times to the present day.* New York. The John Day company. 1942. 993 p.

Неру Джавахарлал. *Очерки всемирной истории от древнейших времён до наших дней.*

Книга председателя Индийского национального конгресса, написанная им во время тюремного заключения, облечена в форму писем к дочери и предназначена для молодых читателей. От обычных курсов и книг по всемирной истории отличается тем, что уделяет значительно большее внимание Индии, Китаю и восточным странам.

Munro Dana Gardner. *The Latin-American republics.* Appleton-century. 1942.

Мунро Дана Гарднер. *Латино-американские республики.*

Общая история стран Центральной и Южной Америки.

Deak Francis. *Hungary at the Paris peace conference.* Columbia. 1942.

Дик Фр. *Венгрия на Парижской мирной конференции.*

Дипломатическая история Триановского мирного договора.

Masartney C. A. *Problems of the Danube basin. Current problems.* General editor: Ernest Barker, Litt. D. Cambridge at the University press. 160 p. 1942.

Макартни К. Э. *Проблемы Дунайского бассейна. Из серии «Текущие проблемы», под общей редакцией Эрнеста Баркера.*

Краткая история стран, расположенных в бассейне Дуная, проблемы их взаимоотношений между собой и с соседними странами от начала нашей эры до войны 1914 г., современное положение и проблемы ближайшего будущего. Книга ценна тем, что её автор, работавший консулом в Вене и сотрудником Лиги наций, исследует вопрос не только с теоретической, но и с практической точки зрения.

Embee Edwin R. *American negroes. A handbook.* The John Day company. New York. 78 p. 1942.

Эмби Эдвин Р. Американские негры. Справочник.

Краткая история негритянского народа в США с 1619 г., когда прибыла первая партия негров в Джемстаун, и до наших дней; современное положение негров, их быт, нравы, культурная жизнь, дискриминация.

С. Т. М. (*Confederación de trabajadores de Mexico*) 1936—1941. Mexico, D. T. 1942. 1184 p.

К. Т. М. (*Мексиканская конфедерация труда*) 1936—1941.

Собрание важнейших документов (решений пленумов, съездов, соглашений, выступления Ломбардо Толедано и других руководителей конфедерации) по всем вопросам социальной политики Мексики, Латинской Америки и международным вопросам за период 1936—1941 годов.

Ganoe William A. *The history of the United States army.* Appleton century. 1942.

Геноу Уильям Э. *История армии Соединённых Штатов Америки.*

Значительно переработанное и дополненное издание.

The Japan Year Book 1942—1943. *The foreign Affairs Association of Japan.* Tokyo. October 1942. 1012 p.

Японский ежегодник на 1942—1943 гг.

Справочник по истории, географии, государственному устройству, экономике, поли-

тике, культуре и искусству Японии и её колоний. Кроме глав, которые носят чисто исторический характер, в каждом разделе помещён исторический обзор по данному вопросу от мифических времён до наших дней.

Dunbar G. *A history of India from the earliest times to the present day.* London. Second edition, 1939. 657 p.

Денбар Дж. *История Индии с древнейших времён до наших дней.*

Keith Arthur B. *A Constitutional history of India 1600—1935.* Second edition. London. 1937. 581 p.

Китс А. Б. *Конституционная история Индии. 1600—1935.*

Rai Bahadur Diwan Chand Obhrai. *The evolution of North-west frontier province, being a survey of the history and constitutional development of N.-W. F. Province in India.* London. Book Co. (India). Peshawar—Nowshera—Rawalpindi—Murree. 1938. 362 p.

Рай Багадур Диван Чанд Обхрай. *Эволюция северозападных пограничных провинций Индии — обзор истории и конституционного развития северозападных пограничных провинций.*

А. Шубников

ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА В СССР

Лауреат Сталинской премии академик Б. Д. Греков

3 апреля 1943 г. в Ташкенте состоялось заседание Учёного совета Института истории Академии наук СССР. Это заседание имело целью дать характеристику научного творчества директора Института истории АН СССР акад. Б. Д. Грекова в связи с присуждением ему высшей для советского учёного награды — Сталинской премии первой степени — за многолетние выдающиеся работы в области исторической науки. Докладчики выступили в присутствии многолюдной аудитории научных работников институтов АН СССР и высших учебных заведений Ташкента, представителей партийных и профессиональных организаций.

Первым был заслушан доклад канд. исторических наук И. Смирнова на тему «Б. Д. Греков как историк». Докладчик указал, что Б. Д. Греков начал свою учёную деятельность как исследователь социально-экономической истории древней Руси. К первому периоду его деятельности относятся его исследования новгородского дома св. Софии — истории хозяйства и землевладения кафедры новгородского архиепископа. Этой теме посвящены и магистерская и докторская диссертации Б. Д. Грекова. Изучение новгородской экономики XV—XVII вв. вплотную подвело Б. Д. Грекова к центральной проблеме социальной истории древней Руси — к проблеме крепостного права. Очень продуктивно работал акад. Греков над исследованием важнейшего вопроса истории крестьян в XVI в. — проблемы «заповедных лет».

Новый этап в творчестве Б. Д. Грекова как учёного начинается в 30-х годах. Это — время расцвета его исследовательского таланта, время формирования его марксистского мировоззрения. В числе передовых представителей русской исторической науки, борющихся против антинаучных, антимарксистских концепций так называемой школы Покровского, естественно, оказался и Б. Д. Греков.

Основное содержание научного творчества акад. Грекова в этот период — борьба за создание новой, марксистской концепции истории Руси. В этот период им создана книга «Киевская Русь». Центр тяжести этой работы акад. Грекова как исследователя сосредоточился на изучении характе-

ра общественного строя Киевской Руси. Решение вопроса, предложенное Б. Д. Грековым, вызвало широкую дискуссию. Концепция его о феодализме как основе общественного строя Киевской Руси противопоставлялась концепция рабовладельческого Киевского государства. В итоге дискуссии получила общее признание концепция Б. Д. Грекова. Значение исследования Б. Д. Грекова о Киевской Руси состоит в том, что возникновение Киевского государства рассматривалось им как процесс, имеющий всемирно-историческое значение, как закономерное звено общеевропейского процесса перехода от рабовладельческой античности к феодальному средневековью. Эта постановка вопроса разрушила лженаучные «теории» немецких историков, изображавших германцев создателями новой европейской государственности.

Изучая общественный строй Киевской Руси, Б. Д. Греков пришёл к весьма важному выводу — о том, что «у нас имеются все основания в развернувшемся научном споре полностью поддержать мнение Ключевского и вместе с ним признать, что уже в VI в. в Прикарпатье мы имеем явные признаки первой завязки русского государства». Не менее важен вывод Б. Д. Грекова о том, что корни крепостничества надо искать именно в Киевской Руси, когда складываются основы феодального строя. Акад. Греков уделил большое внимание изучению роли земледелия в древней Руси и формирования крупного землевладения. Здесь Б. Д. Греков пришёл к выводу, что без господства земледелия не было бы и крупной земельной собственности, а крупное землевладение возможно только на основе эксплуатации труда зависимого производителя.

Из работ Б. Д. Грекова, посвящённых эпохе Московской Руси, наибольшее значение имеют его «Очерки по истории феодализма в России». В 1940 г. Б. Д. Греков вновь возвращается к исследованию истории крепостного права в России в своей работе «Главнейшие этапы в истории крепостного права в России». Последние годы Б. Д. Греков работает над созданием истории крепостного права в России с древнейших времён до XVIII в., которая должна

подвести итоги многолетним исследованиям его по истории русского крестьянства.

Второй доклад на заседании был сделан чл.-корр. АН СССР и действительным членом АН БССР В. И. Пичетой на тему «Б. Д. Греков как историк Киевской Руси». Уже первая работа Б. Д. Грекова по Киевской Руси обнаружила во всём блестящем исследовательском его таланте, замечательное знакомство с источниками и историографией вопроса, высокий научно-теоретический уровень. Во всех исследованиях по Киевской Руси он широко использовал источники, в том числе и археологические. Можно сказать, что Б. Д. Греков впервые подошёл к археологическим вещественным источникам как к историческому источнику первостепенной важности для изучения прошлого Киевской Руси. Он пересмотрел весь комплекс вопросов, оставленных старой историографией по Киевской Руси, принял деятельное участие в критике взглядов М. Н. Покровского и подверг научно-объективному анализу его теорию о Киевской Руси. В своих работах Б. Д. Греков указал на наличие высокой культуры у восточных славян и раннее развитие земледелия; раскрыл сущность древнейшего общественного строя восточных славян накануне образования Киевского государства, характеризуя их как классовое общество; выяснил историческую роль славян в деле омоложения Восточноримской империи. Особенное внимание уделил Б. Д. Греков образованию Киевского государства. Киевское государство создавалось на базе развития классового общества, а отнюдь не благодаря так называемому варяжскому завоеванию. В последнее время акад. Греков посвятил образованию Киевского государства специальное исследование — «Борьба Руси за создание своего государства» (1943). Б. Д. Греков выступает сторонником существования Азово-черноморской Руси, идя в этом вопросе вслед за В. Васильевским, дополняя его соображения новыми данными.

Б. Д. Греков выступил против концепции М. Грушевского — А. Преснякова. Согласно его справедливым замечаниям, Киевская Русь была государством, общим для белоруссов, украинцев и русских, предшествовавшим образованию названных трёх народов. Это было подлинно русское государство, на базе которого росла и крепла Северо-восточная Русь.

Работы Б. Д. Грекова по Киевской Руси — огромный вклад в нашу советскую историческую науку. Они разрушили легенду об экономической, политической и культурной отсталости восточного славянства. Они показали, как сами восточные славяне создавали своё государство. Б. Д. Греков нанёс сокрушительный удар и созданной фашистами легенде о неспособности славян к государственному строительству. Несомненно, труды Грекова по Киевской Руси будут также использованы историками-славянами при разработке ими вопроса об образовании славянских государств. Исследования Б. Д. Грекова в этой области проч-

но войдут не только в советскую историческую науку, но и в славяноведение вообще.

Д-р исторических наук С. Валк в своём докладе «Б. Д. Греков и советская археология» поставил своей задачей указать на роль, какую в развитии советской археологии имела деятельность Б. Д. Грекова как учёного, в особенности его руководство Историко-археологическим институтом, впоследствии Институтом истории. Б. Д. Греков с первых же шагов своей научной работы столкнулся с изучением древнерусского документа, и в его трудах мы находим образцы самых разнообразных видов изучения документов. Он обследовал архивы большого Тихвинского и Соловецкого монастырей; отчёт об итогах обследования Соловецкого монастыря даёт единственный в нашей литературе опыт установления и характеристики многочисленных разновидностей документации монастырского хозяйства. Б. Д. Грекову принадлежит описание ценнейшего собрания актовых сборников Археологической комиссии. Изучая документ как исторический источник, Б. Д. Греков впервые указал на значение открытых им в нескольких монастырских фондах «вотчинных писцовых книг». Ещё большее, с этой точки зрения, значение имеет произведённый им «опыт обследования хозяйственных анкет XVIII в.», где он дал характеристику трёх анкет (академической, шляхетского кортуса, сенатской) с их богатейшими сведениями для изучения русского хозяйства середины XVIII века.

Досоветская археология дала немало крупных изданий документов, как например серию «Полного собрания русских летописей», многочисленные томы изданий актового материала, писцовых книг и др. Однако она застыла в своём развитии и в XX в. недалеко ушла от 30—40-х годов XIX в., когда вышли в свет её первые издания: ни состав издаваемых материалов, ни приёмы их издания не обновлялись, хотя историческая наука шла неустанно вперёд.

Советская историческая наука выдвинула на первый план задачи изучения экономической и социальной истории, а также изучения истории народов нашего обширного и многонационального Союза. Ответ на эти новые запросы был дан рядом вновь вышедших томов изданий Историко-археологического института; в некоторых из них Б. Д. Греков выступает и как непосредственный участник и как руководитель, например в изданиях, посвящённых крепостной мануфактуре, феодальной вотчине, истории народов Средней Азии в XVI—XVII веках. Но требовалось не только выпускать в свет совершенно новые материалы, а и переиздавать памятники, казалось бы, давно известные. Образцом не только для нашей археологии, но и для европейских аналогичных изданий является изданная под руководством Б. Д. Грекова «Правда Русская». Её вышедший — пока единственный — первый том даёт не только ряд новых списков, но позволяет совершенно по-новому оценить значение каждого из них; второй и третий томы, уже приготовленные

к печати, содержат фотографические воспроизведения важнейших списков, а также комментарий, которым подводится итог двухсотлетнему изучению «Правды». Важной заслугой Б. Д. Грекова является возобновление изданий сочинений иностранных писателей о России. Достаточно упомянуть издания «Хроники Ливонии» Генриха Латвийского (М.-Л., Изд. АН СССР, 1938) и «Путешествия на Волгу» Ибн-Фадлана (М.-Л., Изд. АН СССР, 1939), которые приобрели всеобщее признание.

Все эти работы внесли новое в нашу археографию не только благодаря содержанию своих документов, но и благодаря новым приемам их издания; здесь было использовано то, что дал опыт изданий западноевропейских документов, и был поставлен ряд новых задач в области методики издания документов; разрешение этих вопросов диктовалось характером новых, теперь печатаемых материалов. Неудовлетворительность старых изданий привела Б. Д. Грекова к убеждению о необходимости переиздать весь древнейший фонд до-

шедших до нас документов. Разработанный план этого крупнейшего научного предприятия был доложен Б. Д. Грековым на специальном совещании Института истории в 1936 году. Наши летописи должны были предстать в совершенно новом виде, заменив собою традиционное, случайное по своему составу издание «Полного собрания русских летописей»; в новом издании предполагалось дать серию томов, каждый из которых был бы отражением известной ступени в истории русского летописания. По этому плану актовая серия включала полный свод актового материала до 1600 г. и т. д. Пока Б. Д. Грекову ещё не удалось приступить к этому важнейшему для нашей историографии начинанию.

После докладов были заслушаны многочисленные приветствия Б. Д. Грекову от институтов АН СССР, партийных и профессиональных организаций институтов АН СССР и организаций Узбекской ССР.

Б. Горянов

Ленинградское отделение Института истории Академии наук СССР в дни Великой отечественной войны

Ленинградское отделение Института истории имеет в своём составе крупнейших специалистов по новой истории, античности и истории СССР. Сектором новой истории руководит академик Е. В. Тарле; во главе античного сектора стоял акад. С. А. Жебелёв. В работах античного сектора участвовали академики В. В. Струве и А. И. Тюменев. Сектором истории СССР руководит проф. С. Валк, а историей XIX—XX вв.— проф. А. Предтеченский. Сектор славяноведения возглавляет акад. Н. С. Державин, сектор византиноведения—проф. М. В. Левченко.

В памятные грозные дни июля—августа 1941 г., когда смертельная опасность нависла над Ленинградом, наш научный коллектив в полном составе участвовал в строительстве оборонительных укреплений города. В сентябре 1941 г. специальным указанием тт. Жданов и Ворошилов предложили старшим научным сотрудникам институтов Академии наук перейти только на научную работу, перестроив её в соответствии с задачами Отечественной войны.

В условиях военного, блокированного Ленинграда роль и значение нашего научного коллектива историков Ленинградского отделения Института истории чрезвычайно возросли. Книги и брошюры из Москвы приходили с большим запозданием. Осенью 1941 г., когда враг оказался у ворот Ленинграда и город стал фронтом, исключительное значение приобрели книга и брошюра, написанные и немедленно изданные здесь же, в Ленинграде. В этих условиях

создалась глубоко действенная, непосредственная связь всего коллектива историков Ленинградского отделения Института истории с агитпропом Ленгоркома ВКП(б) и с Ленинградским политиздатом, с одной стороны, и с многочисленными редакциями военных газет Красной Армии и Балтийского флота — с другой.

Когда началось формирование народного ополчения в Ленинграде, коллектив наших научных сотрудников в составе профессоров Предтеченского, Валека, Левина и Кочакова написал книгу о народном ополчении, а Лениполитиздат напечатал её тиражом в 100 тыс. экземпляров. Нужно было рассказать читателям Ленинграда и ленинградским фронтовикам о крахе наполеоновской империи, о славе русского оружия в Отечественной войне 1812 г., и книгу об этом написал акад. Е. В. Тарле. Тогда же наш коллектив в месячный срок отредактировал и выпустил большой сборник документов (14,5 п. л.) об Отечественной войне 1812 года. Специально по заданию ленинградского командования была организована бригада сотрудников Ленинградского отделения Института истории, которая составила большой сборник документов из нацистской печати, разоблачающий социальную демагогию гитлеризма.

За короткий срок (1941 г. и начало 1942 г.) Ленинградское отделение Института истории издало непосредственно в Ленинграде более десятка работ на следующие темы: «Отечественная война 1812 года» (сборник в 14,5 п. л., изд. АН СССР. Редакто-

ры: акад. Е. В. Тарле, А. Предтеченский, Е. Бочкарёва. Тираж — 10 тыс. экз.); А. Предтеченский, Ш. Левин, Б. Кочаков — «Великое народное ополчение» (1 п. л. Ленполитиздат. Тираж — 100 тыс.); Ш. Левин — «Брусилловский прорыв» (2 п. л. Ленполитиздат. Тираж — 70 тыс. и дополнительный тираж в 50 тыс. в изд. Огиза); проф. А. Молок — «Боевые традиции парижских рабочих» (2,5 п. л. Ленполитиздат. Тираж — 40 тыс.); акад. Е. Тарле — «Отечественная война 1812 года и крушение наполеоновской империи» (3 п. л. Ленполитиздат. Тираж — 70 тыс.); проф. А. Молок — «Народ, разгромивший Наполеона, разгромит и Гитлера» (1 п. л. Ленполитиздат. Тираж — 20 тыс.); Б. Кочаков — «Великий русский полководец А. В. Суворов» (2,5 п. л. Ленполитиздат. Тираж — 70 тыс.); Б. Кочаков — «Фельдмаршал М. И. Кутузов» (3 п. л. Ленполитиздат. Тираж — 70 тыс.); проф. А. Молок и проф. О. Вайнштейн — «Демагогия в политике германского фашизма» (5 п. л. Ленполитиздат); И. Смирнов — «Минин и Пожарский» (2 п. л. Ленполитиздат. Тираж — 70 тыс.); проф. С. Ковалёв и проф. О. Вайнштейн — «Разоблачение расистских бредовых идей и фальсификация истории фашистскими мракобесами» (брошюра, 3 п. л.).

Совершенно особое место в работах ленинградских историков занимает вышедшее из печати в 1942 г. большое монографическое исследование акад. Е. Тарле о Крымской войне (I том), удостоенное в 1943 г. Сталинской премии первой степени. Подготовлен к печати и заматрицирован в Ленинграде I том Византийского сборника под редакцией проф. М. Левченко. Подготовлен к печати в Ленинграде С. Анненским перевод Гельмгольда, предисловие написано Л. В. Разумовской. Акад. С. А. Жебелёв отредактировал III том «Всемирной истории». Р. Тонкова написала брошюру «Битва на Марне» (2 п. л.), и докторант П. Кухарский — работу о Франции (4 п. л.).

Трудно учесть ту большую лекционно-пропагандистскую работу наших учёных, какую они вели в дни ленинградской обороны. В частях Красной Армии, на кораблях краснознамённого Балтийского флота, в военных школах, на научных заседаниях Ленинградского дома учёных — всюду выступали наши учёные с лекциями.

Коллектив послал лучших своих членов, способных носить оружие, в ряды Красной Армии; многие пошли добровольцами на фронт. Ушли кандидаты исторических наук: П. Ф. Кухарский, Г. В. Кочин, Б. М. Кочаков, У. А. Шустер, М. Утченко и др.; теснее сомкнув свои ряды, коллектив продолжал работу в блокированном Ленинграде; в обстановке налётов фашистских стервятников, непрерывных артиллерийских обстрелов мирных жителей города, в тяжёлых

продовольственных условиях. Однако никогда раньше так своевременно не собрался наш Учёный совет и весь коллектив Ленинградского отделения Института истории обсуждать точно в срок представляемую работу. Никогда раньше так оживлённо и тщательно не обсуждались работы научных сотрудников, как в осаждённом Ленинграде. Каждый знал, что работы, написанные теперь, имеют особое значение, будут обслуживать бойцов Красной Армии.

Во время жестоких налётов фашистских стервятников на Ленинград наши учёные-историки неизменно и с успехом занимали свои места бойцов ПВО на крыше огромного здания библиотеки Академии наук СССР, где помещается Ленинградское отделение Института истории.

В суровых условиях военного Ленинграда наш научный коллектив и вся историческая наука понесли незаменимую утрату в лице акад. С. А. Жебелёва, умершего 29 декабря 1941 года.

В 1942 г., решением правительственных организаций, весь наш коллектив был эвакуирован из Ленинграда в глубь страны. В Ташкенте, соединившись с сотрудниками Московского института истории АН СССР, ленинградцы продолжали работать столь же интенсивно, как и в Ленинграде.

Естественно, что именно среди ленинградцев-историков возникла мысль о том, чтобы наряду с индивидуальными монографическими работами в план Института истории на 1943 г. включить коллективную работу над однотомником о Ленинграде — городе-герое.

В 1943 г. исполнилось 240 лет со дня основания Петербурга. Тем более необходимо коллективу историков Академии наук дать сборник о Ленинграде, куда вошли бы исторические очерки об основании Петербурга и где была бы показана роль Петербурга в превращении Московского государства из «сухопутной» в европейскую морскую державу. В этих очерках современному читателю надо показать Петербург как центр культуры русского народа, как центр передовой общественной мысли и революционного движения от Радищева и декабристов до Ленина и Сталина. Особая глава должна быть написана о Ленинграде — колыбели Великой Октябрьской социалистической революции — и о его героической обороне в 1919 году. В этом однотомнике центральной главой должна быть глава о Ленинграде — городе-герое — в Великой отечественной войне советского народа. Сталинские лауреаты акад. Е. В. Тарле и акад. Б. Д. Греков дали своё согласие принять участие в этой работе. Ленинградский коллектив историков Академии наук приложит все усилия к тому, чтобы с честью выполнить эту почётную задачу.

Е. Бочкарёва

Археологические исследования на Нижней Лене в 1942 году

В 1940 г. Институтом истории материальной культуры имени Н. Я. Марра АН СССР и Институтом языка и культуры при СНК ЯАССР была организована первая в истории Якутии археологическая экспедиция на Среднюю Лену. Работы экспедиции продолжались в 1941 году. В них принял участие и Иркутский областной музей. Работы 1941 г. завершили предварительное обследование долины Лены от верховьев до Якутска. Оставалась совершенно не изученной только нижняя часть долины — от Якутска до дельты Лены, до Ледовитого океана, — самый трудный для маршрутного обследования участок; производство археологических исследований требует здесь особенно больших усилий. Тем не менее благодаря поддержке местных руководящих органов работы ленской историко-археологической экспедиции были продолжены в 1942 г. на отрезке ленской долины от Якутска до бухты Тикси. Таким образом, полностью завершено предварительное археологическое обследование всей этой гигантской реки, одной из величайших рек земного шара, протяжённость которой равна почти 5 тыс. километров.

Древнейшими памятниками человеческой культуры, найдёнными в 1942 г. на Нижней Лене, куда до тех пор не проникали археологи, являются поселение и могильник вблизи группы озёр Уолба, в 20 км от Жиганска (почти у самого Полярного круга).

Раскопки вблизи озера Уолба обнаружили небольшое по площади, но долго существовавшее поселение неолитической эпохи. В нём оказались два неолитических погребения, и в них — оригинальные каменные наконечники с черенком, искусно изготовленные из крупных ножовидных пластин правильной огранки. Сходного типа наконечник найдён в культурном слое поселения. Такие наконечники в Якутии до сих пор не встречались; по технике изготовления и форме они считаются самыми древними. Поселение и могильник у озера Уолба являются, следовательно, самыми ранними из всех неолитических памятников Якутии.

Чрезвычайно интересно то обстоятельство, что самыми близкими по типу к этим находкам являются изделия, обнаруженные при исследовании неолитического некрополя на Оленьем острове Онежского озера. Оленеостровские погребения сближает с уолбийскими также и наличие в них красной охры.

Оба эти факта приобретают особое значение, если вспомнить, что среди черепов из оленеостровского могильника оказались и такие, которые имеют монголоидные черты. Встаёт, следовательно, вопрос об ином, чем полагали многие археологи, направлении этнических и культурных связей — с Востока на Запад — в столь раннее время, не позже второго — третьего тысячелетия до нашей эры.

Необходимо отметить, что именно немецкие археологи, сторонники одного из основателей немецко-фашистской псевдоархеологии — Г. Коссины и, в частности, Б. фон Рихтгофен, всячески стремились «доказать», что древние культурные потоки и «течения» всегда исходили с Запада на Восток, что Европа, именно Северная Европа, несла свет культуры в отсталую Азию. Так писал О. Гандерт о Прибайкалье, Г. Шмидт — о Японских островах и даже о самом Китае, родине одной из величайших и самых могучих цивилизаций земного шара. Так писал и Б. фон Рихтгофен, типичный прусский юнкер, относительно Северной Сибири, в самом сердце которой теперь найдены памятники, опровергающие лживые построения фашиствующих и фашистских фальсификаторов археологии.

Изучение остальных, более поздних неолитических памятников Нижней Лены показывает прежде всего, что в развитом неолите она была заселена на всём протяжении — вплоть до дельты. Едва ли не самые богатые неолитические находки оказались в 60 км ниже центра Булунского района, с. Кюсюра, в Чокуровке.

Будучи в основном сходными с памятниками среднеленского неолита, они свидетельствуют, однако, о значительном своеобразии бытового уклада местного населения той эпохи. Если среднеленские племена занимались не только охотой и рыбной ловлей, но и имели рогатый скот, а потому жили более или менее оседло, то нижнеленское население вело бродячую, охотничью жизнь, кочуя время от времени с места на место. Следы его поселений — всего гуще в тех пунктах лесотундры, которые расположены вдоль рек на выходе в тундру. Здесь находились его стойбища. Здесь же, около Булуна, на реке Кюремись, найдена и единственная в своём роде на Нижней Лене мастерская каменного века.

Исключительно интересны для истории северных племён и вновь найдённые на Нижней Лене памятники бронзового века. Значение этих находок велико, поскольку они опровергают ранее существовавшее мнение о том, что северные племена — носители извечной первобытности, обречённые на культурную отсталость. Эта точка зрения, державшаяся в науке с прочностью предрассудка, приводила прежде всего к отрицанию бронзового века на Лене. Ссылаясь на пример Камчатки и Чукотского полуострова, различные исследователи утверждали, что эпоха употребления металлов в Якутии началась только около XII—XIV вв. нашей эры, с появлением предков якутов — скотоводов, которые были знакомы с обработкой железа и распространили это знание на Средней Лене.

Согласно таким взглядам, нужно было бы предполагать, что чем дальше на север, тем дольше, естественно, должен бы господствовать каменный век. Однако в 1942 г. именно Нижняя Лена за Полярным кругом

дала лучшие для ЯАССР находки бронзового века. Таковы погребения на речке Бугачана, ниже речки Мянгкэрэ, и на ручье Иччилах, у с. Говорова, содержавшие разнообразные изделия из камня, кости, перламутра, рога и бронзы, в том числе замечательные орнаментированные изделия, показывающие в новом свете оригинальное искусство древнего населения Якутии.

Эти находки имеют много общего с прибайкальскими памятниками глазковской стадии; есть сходство у них и с материалами древнего могильника на Оленьем острове, у Кольского полуострова. Не менее отчетливо видна их связь с древнеэскимосской и древнечукотской культурами Восточной Арктики (орнаментальный стиль, типы орудий и особенно сложные по конструкции стрелы с костяным держателем и каменным остриём-«головкой»). Поскольку древняя культура бронзового века Якутии имеет значение связующего звена между культурами арктического пояса Старого Света и Нового Света — от Скандинавии до Баффиновой земли, то изучение её может дать ключ к одной из наиболее сложных проблем мировой истории каменного века, к проблеме происхождения эскимосской и родственных ей арктических культур. Если исходить из традиционных взглядов, то ещё меньше оснований было ожидать на Нижней Лене находок древней и автохтонной культуры железного века.

Тем не менее архаические и, несомненно, предшествующие образованию на Средней Лене чисто якутской культуры памятники раннего железного века, обнаружены не только у Мухтуи и Якутска, но и далеко за Полярным кругом.

Характерная керамика раннего железного века обнаружена, например, около селений

Сиктях. Говорова и, наконец, в Чокуровке, ниже Булуна.

Новые памятники железного века, найденные в районе Сангары — Жиганск, позволяют также с гораздо большей точностью установить классификацию памятников железного века Якутии и проследить переход от архаической культуры, родственной местной культуре бронзы, к хорошо выраженному «раннему железу», а затем — к «среднему железу». Последнее представлено весьма интересными поселениями, которые можно считать принадлежащими предкам нынешних долган, позднее переселившихся на запад.

Есть на Нижней Лене (до Жиганска включительно) и памятники архаической, чисто-якутской культуры дорусской эпохи, так называемые сартол-этехи, по преданию, оставленные погибшим от войны народом сартолов.

Изучение археологических памятников Нижней Лены, конечно, только начато рекогносцировочным обследованием 1942 года. Однако и тех материалов, которые добыты, вполне достаточно, чтобы получить общее представление об основных древних культурах этой территории и о направлении их развития.

Перед исследователем вновь появляются забытые и, казалось бы, навсегда утраченные страницы древней истории северных племён, оказавшихся передовым форпостом человечества; в течение тысячелетий они не только мужественно противостояли враждебной человеку природе Арктики, но и неустанно продвигались вперёд. Нет никакого сомнения что продолжение археологических исследований на Севере принесёт ещё более ценные результаты.

А. Окладников

История Киргизии в дни Отечественной войны

В Киргизской ССР создана республиканская комиссия по истории Киргизии в дни Великой отечественной войны. В состав комиссии, возглавляемой секретарём ЦК КП(б) Киргизии по агитации и пропаганде тов. Суеркуловым, вошли: д-р исторических наук А. Н. Бернштам, отв. секретарь Союза советских писателей Киргизии тов. А. Токомбаев, народный комиссар просвещения Киргизской ССР Д. Шукуров и зав. отдела государственных архивов канд. исторических наук А. Колабук. Комиссией организована работа по сбору и подготовке к изданию документов по истории Великой отечественной войны.

Книжная палата Киргизской ССР заканчивает подготовку первого выпуска библиографии «Киргизия в дни Отечественной войны» за 1941 г. и ведёт работу по второму выпуску, обобщающему материал 1942 г. Библиография учитывает весь печатный

краевой материал на русском и киргизском языках.

Отдел государственных архивов подготавливает 1-й выпуск документов о работе республики в дни войны, причём 1-й выпуск будет посвящён событиям 1941 г., 2-й — 1942 г. Подготовить оба сборника предполагается в 1943 году. В 1-й сборник войдут материалы республиканского значения: обращения заводов, колхозов, документы о Героях Советского Союза — сынах Киргизстана. Особую ценность представляет фонд архива о Герое Советского Союза, командире 8-й гвардейской дивизии генерал-майоре Иване Васильевиче Панфилове.

В кабинете по разработке истории Киргизии в дни Великой отечественной войны (при Институте истории, языка и литературы) составляется летопись «Участие Киргизии в Великой отечественной войне». Со-

трудником Института А. Бернштамом написана и сдана в печать работа «История Киргизии в дни Отечественной войны» (Вып. 1-й, 1941), суммирующая главнейшие события в Киргизии за 1941 г. и начало 1942 г., т. е. до того времени, когда Московская область была очищена от фашистской нечисти. Работа А. Бернштама предназначена в помощь агитатору и пропагандисту. А. Бернштам ведёт также работу над 2-м выпуском, который посвящён событиям 1942 г. и завершается описанием событий, явившихся откликом в республике на разгром немцев под Сталинградом.

Большое участие в этой работе принимают писатели Киргизии. Они собирают материалы и готовят документальные очерки по трём темам: «Сыны Киргизии — герои фронта», «Герои труда — стахановцы Киргизии» и «Патриотическое движение в Киргизии в дни войны».

Комиссия опирается в своей работе на

областные комиссии республики. Начала свою деятельность фрунзенская областная комиссия, поставившая перед собой задачу — осветить деятельность тех колхозов области, которые явились зачинателями патриотического движения колхозного крестьянства республики в дни войны; первые материалы (о Герое Советского Союза Г. М. Шемякине) поступили от исык-кульской областной комиссии; в городе Ош такие же задачи на ближайшее будущее поставил перед собой исторический факультет Ростовского университета.

Для сбора материалов, особенно в глубинных пунктах республики, Институт истории, языка и литературы организует экспедицию; Государственный музей краеведения готовит выставку «Киргизия в дни Отечественной войны». Вводная часть этой выставки уже открыта для обозрения.

А. Б.

Историческая наука в Туркменской ССР в дни Великой Отечественной войны

За два года войны работа историков в Туркмении заметно оживилась. Глубокий след оставило пребывание в Ашхабаде (почти целый год) исторического факультета Московского университета. За это время в столице республики было прочитано немало научных докладов по истории СССР и всеобщей истории и ещё больше — различных научно-популярных лекций, неизменно привлекавших обширную аудиторию.

На заседаниях Учёного совета исторического факультета успешно защитили диссертации на соискание степени кандидата исторических наук местные научные работники — историки и филологи — Г. И. Карпов, Г. Непесов, П. Азимов, Х. Байлиев, Б. М. Каррыев, Н. М. Бачинский, А. С. Шофман и др.

После отъезда из Ашхабада коллектива Московского университета помощь молодым научно-исследовательским кадрам Туркмении продолжает оказывать Одесский государственный университет, который с осени 1942 г. находится в г. Байрам-Али. В течение текущего года Учёный совет университета присудил учёные степени нескольким ашхабадским научным работникам, защитившим свои диссертации; в числе их следует отметить интересную диссертацию Ш. Юрханова, посвящённую истории Октябрьской революции и гражданской войны в Туркмении.

Главным центром научно-исследовательской работы в республике является Туркменский филиал Академии наук СССР, руководимый акад. Б. Келлером. В нынешнем

году план Института истории, языка и литературы (директор Института — Х. Байлиев) Туркменского филиала Академии наук предусматривает подготовку нескольких капитальных исторических работ. Ещё в 1941 г. была начата работа над двухтомным изданием «Очерков истории туркмен и Туркмении», задуманным как учебник для исторических вузов. Первый том этого труда (древняя и средневековая история Туркмении) уже написан и редактируется. Над вторым томом, охватывающим новую и новейшую историю Туркмении, работа уже началась. В марте 1943 г. Институт обсудил и одобрил первую главу этого тома — «Завоевание Туркмении».

Одновременно Институт приступил к работе над историей партийной организации Туркмении; в этой работе принимают участие зам. председателя президиума Туркменского филиала Академии наук СССР Г. Карпов, проф. Соловьёв, кандидат философских наук В. Чертков под общим руководством секретаря ЦК КП(б)Т по пропаганде Ш. Батырова.

Кроме того в Туркменском филиале Академии наук развёртывается работа по истории Великой Отечественной войны советского народа против немецких захватчиков.

В настоящее время организуется сеть корреспондентов в воинских частях, в областных и районных центрах республики, на крупнейших предприятиях и железнодорожных узлах; кроме того собирается информационный материал республиканских,

областных и районных газет, учитываются и систематизируются материалы различных ведомств. К концу текущего года предполагается подготовить к печати некоторые литературно-исторические работы, как например сборник литературных портретов героев фронта и тыла.

В Туркменском филиале Академии наук осуществляется также весьма полезная деятельность в области археологических исследований, охраны и реставрации исторических памятников, изучения истории материальной культуры Туркмении. В прошлом году были проведены интересные раскопки в долине Мургаба (проф. Б. Закодер и С. Ершов); научный сотрудник Туркменского филиала Академии наук Н. Багинский готовит капитальный труд по истории среднеазиатского зодчества.

За последний год значительно расширилась научно-исследовательская работа по истории в Ашхабадском педагогическом институте имени А. М. Горького, преподавательский коллектив которого пополнился квалифицированными научными силами. На протяжении года (с мая 1942 по май 1943 г.) Институт провёл три научных сессии. На прошлогодней сессии были заслушаны и подверглись обсуждению доклады на исторические темы: проф. Е. Штейнберга «Германский империализм на Ближнем Востоке накануне и во время мировой войны 1914—1918 гг.», проф. Б. Козьмина «Герцен о предшественниках современного фашизма» и др. Эти доклады подготовлены к печати. В январе 1943 г. Институт посвятил специальную

сессию 19-й годовщине со дня смерти В. И. Ленина. На сессии были прочитаны доклады: канд. философских наук В. Черткова «Ленин—великий патриот», проф. Е. Штейнберга «Ленин — создатель советской дипломатии», старшего преподавателя Степанова «Образы Ленина и Сталина в советской художественной литературе». В марте текущего года состоялась научная сессия Института, посвящённая памяти К. Маркса и А. М. Горького, в программу которой были включены доклады: проф. В. Горданова «Маркс о русском историческом процессе», канд. философских наук В. Черткова «Маркс о справедливых и несправедливых войнах» и др.

Исторический факультет ввёл в текущем году новые специальные курсы, например «Военное прошлое русского народа» (проф. В. Горданов), «Патриотические идеи в русской общественной мысли XIX в.» (канд. философских наук Я. Чугаев) и др. Это дало положительные результаты и содействовало вовлечению студенческого актива в научно-исследовательскую работу.

Ряд затруднений и препятствий для роста и повышения квалификации местных научно-исторических кадров создаёт то обстоятельство, что, кроме Одесского университета, ни одно высшее учебное заведение и Научно-исследовательский институт Туркмении не получили права присуждения учёных степеней (даже степени кандидата) по историческим и филологическим наукам.

Проф. Е. Штейнберг

Работа исторического факультета Казахского педагогического и учительского института имени Абая в Алма-Ата

Исторический факультет Казахского педагогического и учительского института им. Абая в Алма-Ата перестроил свою работу соответственно военному времени с первых же дней Великой Отечественной войны.

Факультет и кафедры пересмотрели планы и учебные программы; в 1942—1943 учебном году введены новые лекционные курсы: «Героическое прошлое русского народа» и специальный курс по истории казахского народа. В этом специальном курсе особое место отведено героическому прошлому казахского народа, его историческим связям и дружбе с великим русским народом. Эта тема впервые разрабатывается в систематических лекциях, причём используются богатые исторические источники алма-атинского областного и республиканского архивов. Лекторы по истории СССР особо останавливаются на истории борьбы русского народа с иноземными захватчиками.

Большое внимание кафедра истории СССР уделяет тому, чтобы учебный мате-

риал был связан с современностью. Не менее важным считает кафедра включение в учебные программы новых тем по истории казахского народа. Так, к обзору деятельности великих русских революционных демократов Чернышевского, Добролюбова, Герцена и др. (программа по истории СССР XIX в. на 2-м курсе исторического факультета) была присоединена совершенно новая тема: очерк деятельности выдающегося казахского учёного, демократа Чокана Валиханова (1837—1865). Как известно, он ещё «восемьдесят лет назад утверждал, что судьбы русского и казахского народов связаны неразрывно, и приложил все силы к тому, чтобы заложить прочную основу для единения нашего народа с русским»¹. В своей программе кафедра уделяет внимание и истории других братских народов; например в разработке темы «Народы Кавказа и Закавказья в начале XIX в.» было обращено особое внимание на историю присоединения Грузии к России.

¹ «Правда» от 6 февраля 1943 года.

Члены кафедры истории СССР Казахского педагогического института ведут большую научно-исследовательскую работу. Проф. Г. А. Кокиев подготовил к печати свои «Очерки по истории Кабарды с древнейших времён до XIX века». Работа обсуждалась на расширенных заседаниях кафедры и получила высокую оценку. Кроме того зав. кафедрой проф. Кокиев написал статьи: «Аграрное движение в Кабарде в 1913 г.», «Чокан Валиханов — выдающийся казахский учёный и демократ» и др. Член кафедры, канд. исторических наук, доц. М. Я. Попов написал две большие статьи: «Азовская оборона» (из героического прошлого русского народа) и «240 лет Ленинграда»; доц. А. П. Чижовым написаны статьи «Воспитание советского патриотизма на уроках истории СССР» и статья об использовании работ классиков марксизма-ленинизма на уроках истории в средней школе.

Кафедра истории СССР в мае с. г. организовала и провела теоретическую конференцию истфака института, посвященную годовщине основания Ленинграда. С докладом «240 лет со дня основания Ленинграда» выступил доц. М. Попов и доц. М. Ратман — с докладом «Сыны казахского народа в обороне Ленинграда». О работе подшефного институту краснознаменного крейсера Балтфлота «С. М. Киров» сделал сообщение делегат экипажа, ст. краснофлотец тов. Наумов.

Одновременно с педагогической и научно-исследовательской работой члены кафедры ведут агитационно-пропагандистскую работу в воинских частях алма-атинского гарнизона, на алма-атинских фабриках, заводах и в учреждениях.

Большую роль на факультете играет студенческий научный кружок, организованный кафедрой истории СССР, в котором принимают активное участие все члены кафедры. Тематика кружка охватывает узловые вопросы истории нашей родины с древнейших времён и до современности. По инициативе самих студентов включены такие темы, как «Восточные славяне по арабским источникам», «Московское государство по сведениям английских путешественников», «Великий пролетарский полководец М. В. Фрунзе» и др. В работе кружка принимает участие 35 человек.

Для студентов-выпускников Учительского института был организован специальный семинар по гражданской войне в СССР. На 3-м курсе исторического факультета Казахского педагогического института был про-

ведён семинар по истории Великой отечественной войны советского народа с германским фашизмом. Из лучших студенческих работ по истории СССР организована факультетская выставка с прекрасным оформлением.

Кафедра истории СССР уделяет большое внимание подготовке научных кадров для Казахской ССР, в том числе местных — национальных. При кафедре есть Институт аспирантуры (с отрывом и без отрыва от производства).

Большая работа проводится членами кафедры в Научно-методическом совете Наркомпроса Казахстана. На заседаниях исторической секции обсуждён проект учебника по истории Казахстана для средних школ республики. Кроме того члены кафедры принимают активное участие в рецензировании учебников и учебных пособий и в составлении методических писем для учителей-историков Казахстана. По поручению горкома КП(б)К группа историков Института во главе с проф. Кокиевым организовала в республиканском краеведческом музее городскую выставку, посвящённую Великой отечественной войне. Кроме того кафедра истории СССР организовала стационарную выставку на эту же тему в Казахском педагогическом институте им. Абая. Выставка систематически пополняется новыми экспонатами, которые отражают героическую борьбу Красной Армии и всего советского народа против гитлеровских полчищ. Выставка получала высокую оценку Наркомпроса Казахстана и пользуется заслуженной популярностью у алма-атинской общественности.

Кафедра принимает участие в составлении летописи «Казахстан в Отечественной войне советского народа с германским фашизмом» и летописей истории города Алмата, а также в рецензировании экспозиции исторического отдела республиканского краеведческого музея. Члены кафедры истории СССР сотрудничают в издании полного собрания сочинений Чокана Валиханова, которое готовит Казахский филиал Академии наук. Кафедра составила план научной экспедиции на лето текущего года. Цель экспедиции — сбор материалов, необходимых для подготовляемого издания.

При подведении итогов социалистического соревнования между факультетами Института исторический факультет получил переходящее красное знамя, а кафедра истории СССР занесена на красную доску.

Доц. М. Попов

60 лет со дня смерти Маркса (на заседании исторического факультета Вологодского педагогического института)

Исторический факультет Вологодского государственного педагогического института имени В. М. Молотова отметил 60-летие со дня смерти великого основоположника научного социализма — Карла Маркса.

Совет Института совместно с отделом агитации и пропаганды горкома ВКП(б) организовал 15—16 марта сессию. К участию в ней были привлечены студенты, пропагандисты, учителя, военные организации.

Факультет был представлен на сессии двумя докладами.

Доц. Г. Левин, зав. кафедрой всеобщей истории, прочёл доклад на тему «Маркс о разбойничьей политике Пруссии». Опираясь на высказывания Маркса и на историю внешней политики Пруссии, докладчик показал, что гитлеризм исторически связан не только с кайзеровским империализмом, но и с разбойничьей политикой Пруссии. Тов. Левин напомнил, что Маркс, выступая против прусских правителей и юнкеров, в то же время обвинял немецкий народ в том, что он не противился своему превращению в их ландскнехтов. В результате в течение XIX в. немецкое имя за границей, как указывал Маркс, было «ненавистно, проклиняемо и презираемо»¹.

Второй доклад был прочитан доц. И. Козловым, зав. кафедрой истории СССР, на тему «Маркс о России». Докладчик подчеркнул большой интерес, проявленный Марксом к истории русского народа и нашей родины. Маркс восхищался героической борьбой русского народа против чужеземных завоевателей. Докладчик показал, как высоко ценил Маркс деятельность Петра Великого; он писал, что Пётр «завладел всем, всем, что было абсолютно необходимо

для естественного развития его страны»². Маркс разделял взгляды Энгельса на русских солдат, пораженных своей стойкостью и храбростью в борьбе с врагами русской земли. Маркс верил в пробуждение русского народа, в свержение царизма, в победу революции в России, в результате чего Россия, как он говорил, станет Францией нового века, свободной страной, носительницей мирового прогресса.

Кроме упомянутых докладов, на историческом факультете состоялось открытое заседание кафедры всеобщей истории совместно с кафедрой марксизма-ленинизма, посвящённое памяти Маркса. Доц. И. Киссельгоф в своём сообщении на этом заседании подчеркнул роль Маркса, как пламенного борца за демократию, за свободу, против расового, национального и классового угнетения. С краткими докладами выступили студенты: тов. Петрова (факультет литературы и языка) сделала сообщение «Идея коммунистического манифеста»; тов. Комарова (3-й курс истфака) рассказала о личности Маркса по воспоминаниям Лафарга и Либкнехта; тов. Козина, студентка того же курса, прочла речь Энгельса на могиле его великого друга.

В историческом кабинете была организована выставка, посвящённая Марксу.

И. Киссельгоф.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. VI, стр. 238.

² К. Маркс. Секретная дипломатия XVIII века.

Уральский педагогический институт. Работа кафедры истории.

Несмотря на трудности военного времени работа кафедры истории Уральского педагогического института шла бесперебойно. Силами кафедры было обеспечено чтение даже таких специальных курсов, как «История казахского народа» (проф. Козловский), «Источниковедение и историография СССР». При кафедре работает семинар по истории Отечественной войны (за 1941—1943 гг.) под руководством старшего преподавателя Медведева.

Вместе с тем кафедра явилась инициатором нескольких важных мероприятий по улучшению работы Института в соответствии с требованиями военной обстановки. Так, кафедрой был обсуждён вопрос о преподавании отдельных исторических дисциплин в условиях Отечественной войны, о формах использования исторического материала для воспитания советского патриотизма. Обсуждение этих вопросов дирекция Института перенесла и на другие кафедры.

Все сотрудники кафедры читали много научно-популярных лекций перед самой разнообразной аудиторией (госпиталь, заводские клубы, парткабинет, сборный пункт,

собрания городской интеллигенции, студентов Института и т. д.).

Сотрудники кафедры написали для агитаторов области несколько научно-популярных лекций. Кафедра отметила такие важные исторические даты, как 700-летие Ледового побоища и 25-летие Великой Октябрьской социалистической революции. Кафедра выступила инициатором научной сессии Института, посвящённой этой юбилейной дате, и приняла в её проведении активное участие. На заседаниях научной сессии Института был прочитан доклад об итогах исторических исследований в СССР за 25 лет.

Кафедра ставит на своих заседаниях научные доклады сотрудников. Весьма удачным было обсуждение основных вопросов истории казахского народа, организованное весной 1942 г. при участии проф. Вяткина, приехавшего для этой цели в Уралск из Алма-Аты.

В общественной жизни Института кафедра принимает самое активное участие.

Ф. Полянский

ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА ЗА РУБЕЖОМ

В журнале «Нью-массес» за декабрь 1942 г. помещена рецензия председателя КП США тов. У. Фостера на новую книгу американского военного писателя Макса Вернера — «Великое наступление». Фостер указывает, что книга эта имеет большую ценность. Она даёт блестящий военный обзор и анализирует ход войны и ту стратегию, которая необходима для одержания полной и быстрой победы над державами оси. Острое чутьё действительности позволило автору наравне с очень немногими американскими военными специалистами правильно оценить мощь Красной Армии и предугадать её успехи.

Две трети книги Вернера посвящены борьбе между нацистской Германией и Советским Союзом. В этих главах автор ярко характеризует героизм и доблесть Красной Армии. На основании тщательного анализа военных действий на Восточном фронте автор приходит к выводу, что советское верховное командование превосходит германское главное командование: «Верховное командование Красной Армии разгадало методы германской стратегии и главное направление большого немецкого наступления. Между тем германское главное командование не поняло русского стратегического плана. Во время русской кампании германское главное командование не только ошиблось в своих технических и тактических расчётах, но и обнаружило несостоятельность стратегической мысли, поскольку оно не сумело разгадать военный план русских». И далее: «На Западном фронте германское главное командование правильно поняло и заранее учло слабость и растерянность союзного командования. Но на Восточном фронте оно всё время двигалось как бы впотымах».

Сопrotивление русских полностью разбило расчёты немецкой стратегии и принудило германское главное командование неоднократно менять свои планы. «Молниеносная война, стратегия уничтожения, неограниченная маневренная война в открытой местности и на всём фронте — все эти элементы, на которых германский военный план против России в 1914 г. строил свой успех, оказались теперь неосуществимыми как единый план военных действий против Красной Армии», — заявляет Вернер.

Применяя глубокий анализ военных действий СССР, Вернер адрезаги разбивает фантастические басни о колоссальных победах Германии, которыми германское главное командование наводнило мир в первые месяцы войны. Вернер пишет: «Вот баланс германо-советской войны в середине лета во время немецкого наступления 1942 г.: из шести крупных сражений Красная Армия выиграла три: Смоленское сражение, битву за Москву и зимнюю кампанию; немецкая армия выиграла тоже три сражения: битву на границе, украинскую операцию и сражение за Дон и Северный Кавказ». К этому балан-

су, отмечает тов. Фостер в своей рецензии, теперь можно прибавить новую потерю для немцев — великую битву за Сталинград. Вернер рисует картину того, как гитлеровские армии ценою страшных потерь захватывают обширные территории, но идут навстречу своей катастрофе.

Хотя Вернер и указывает на всемирное, решающее значение великой борьбы Красной Армии, некоторые из его выводов тов. Фостер считает спорными и полагает, что Вернер недооценивает роль СССР в спасении Англии от немецкого вторжения в июне 1940 г., после Дюнкерка. Так, Вернер пишет: «Попытка немцев предпринять тогда вторжение явилось бы не более, как простой импровизацией». Если бы Гитлеру пришлось опасаться одной лишь Англии, он, несомненно, покорил бы её. Вход в Англию был широко открыт для вторжения. Именно тогда Гитлер имел возможность нанести Англии смертельный удар. Если он этого не сделал, то только потому, что боялся Красной Армии в своём тылу, особенно в тот критический момент, когда она заняла Бессарабию. Не техническим трудностям, мешавшим гитлеровским генералам, а мощи Красной Армии обязана Англия тем, что она не оказалась захваченной и поработанной в критические дни и недели после катастрофы при Дюнкерке.

Особая глава книги Вернера посвящена войне на Тихом океане против Японии. Автор показывает, что именно мюнхенская политика в Европе помешала образованию великой антияпонской коалиции. Если бы Японии противостояла такая коалиция, то Япония неизбежно должна была бы потерпеть поражение, указывает Вернер. Он считает Японию гораздо слабее Германии и не оставляет у читателя сомнений в том, кто является главным врагом, по которому в первую очередь надо направить решающие удары:

«По сравнению с Германией Япония имеет гораздо более слабую военную технику и экономические ресурсы. Германия сильна в абсолютном смысле этого слова, Япония же сильна лишь относительно. Претензия Германии на мировую военную гегемонию представляет собой реальную опасность. Военная же гегемония Японии является в значительной степени химерой... Япония неспособна вести настоящую современную войну на суше, подобную той, которая происходит между германскими войсками и Красной Армией. Германия вполне может вести войну и без Японии, между тем как Япония без поддержки Германии обречена».

Центральная тема книги Вернера — развитие стратегии Объединённых наций, стратегии, которая планомерно направит огромные силы коалиции против наиболее уязвимых мест держав оси. Победа зависит от осуществления такой стратегии. Вернер пишет: «Англо-советско-американский альянс может потерпеть поражение только в том

случае, если он не сумеет осуществить стратегию коалиции». Относительно главной фазы такой стратегии Вернер заявляет: «Последовательно планируемый наступательный метод войны требует примата атлантическо-европейского театра военных действий». Опровергая заявления, будто нехватка людей и военных материалов затянута открытие Западного фронта, Вернер подчёркивает: «Не технические трудности тормозили полное развитие стратегии Объединённых стран, а задержка в планировании помешала им своевременно устранить технически узкие места. Необходимость единой стратегии была понята с большим запозданием».

Далее Вернер заявляет: «Англо-американское вторжение на континент зимой 1941—1942 г. привело бы германскую армию на край катастрофы».

Книга «Великое наступление» имеет весьма важное значение, так как даёт блестящий анализ войны и проникнута глубокой объективностью в отношении России. Она войдёт в серию книг о СССР, написанных объективными иностранными наблюдателями, — таких книг, как «Советская власть» Джонсона — архиепископа Кентерберийского собора, «Миссия в Москву» Джозефа Дэвиса, «Советы этого ожидали» Анны-Луизы Стронг, «Вооружённые силы России» капитана Сергея Курнакова и др. Книга Вернера представляет собой ценность не только с точки зрения военного обозревателя, но и как солидный вклад в дело укрепления дружбы между американским и советским народами, заканчивает свою рецензию тов. Фостер.

◆ Газета «П. М.» помещает обзор книги «Балконная империя» Рейнолдса и Элеоноры Паккард, корреспондентов Юнайтед пресс, после трёхлетнего пребывания покинувших Италию в июне 1942 года. «Когда союзники высадят десант в Италии, они встретят там поддержку многих миллионов итальянцев», — заявляют эти американские корреспонденты.

Проамериканские настроения, заявляют авторы, сильны во всей Италии: «Пожалуй, в Италии не найти ни одной семьи, не имеющей хотя бы одного родственника в Соединённых Штатах. Эти заокеанские родственники часто посылали деньги на родину и всегда писали об Америке...»

В тот момент, когда они покидали Италию, пишут авторы, по тем или иным причинам, «Муссолини безоговорочно поддерживало, вероятно, менее 10% населения страны. Большинство же населения исполнено недовольства своим нынешним положением и тревоги за будущее. Среди недовольных имеются миллионы членов фашистской партии». Все американские корреспонденты в Риме, пишут Паккарды, «сходятся на том, что итальянцы искренно не любят немцев. Даже большинство итальянских фашистов с глубокой досадой смотрит на засилье германских фашистов в Италии, на занятие ими командных постов и в гражданских учреждениях, не говоря уже о том, что они управляют всеми военными делами. Каждый итальянец знает, что

7 немецких дивизий (помимо соединений германской авиации), находившихся в Италии в момент нашего отъезда, присланы туда не только для того, чтобы подавить возможную революционную вспышку против существующего режима или даже помешать повороту со стороны самого дуче; авторы считают, что «широкие массы недовольных итальянцев восстанут, если англо-американские войска (авторы, особенно подчёркивают роль американцев) высадят крупные силы в процессе генерального вторжения... Другим преимуществом было бы то, что клин в виде полосы территории, занятой англо-американскими войсками по всей Италии, отрезал бы её от Германии... Избавленные от нажима немцев, итальянские солдаты не были бы склонны серьёзно драться с войсками США и Англии. Кроме того итальянские друзья союзников не боялись бы восстать против фашистского режима. Вторгшимся войскам пришлось бы, конечно, выдержать сильный напор немцев со стороны Бреннера, но находящиеся в Италии немецкие дивизии не смогли бы остановить крупные силы союзников».

Касаясь возможности отхода Муссолини от Германии, Паккарды заявляют: «Такой курс представляется политически невероятным, так как Муссолини является автором прогерманской политики. Он рисковал всем, поставив всё на карту, так что отступление означало бы признание совершённой им колоссальной ошибки, стоившей Италии десятков тысяч человеческих жизней и грозящей ей экономическим крахом».

Попутно авторы книги приводят знаменательные факты, характеризующие отношение французского народа к высадке десанта союзников. По пути в Лиссабон поезд, в котором ехали Паккарды, остановился в Ментоне, французском городе, оккупированном итальянцами. «Французы окружили нас. — пишут Паккарды, — высказываясь вполне откровенно. Их высказывания в основном сводились к тому, что условия жизни невыносимы и что они ненавидят немцев, но приходится терпеть их, ибо ведь надо же как-нибудь жить, не правда ли? — Возвращайтесь скорее! — просили эти французы. — Когда американские войска высадятся во Францию, вы увидите, что скрывается за нашими словами».

◆ В журнале «Нью-массес» от 27 октября 1942 г. опубликован обзор книги «Мы в союзе с Россией» Уоллеса Кэррола, директора европейской конторы Юнайтед пресс, который провёл осень 1941 г. в Советском Союзе. Автор обзора считает книгу Кэррола имеющей большое значение не только потому, что она даёт оценку советской организации и советского участия в войне — надо добавить: и в мире, — не только потому, что в ней даны непосредственные впечатления автора, и не потому только, что она пользуется очень большой популярностью; главной заслугой книги является то, что она ясно рисует, что

именно является здоровой, реальной базой для нынешних и будущих взаимоотношений между США и Советским Союзом; она разъясняет, почему так важно для обеих стран и для всего мира, чтобы эти взаимоотношения носили характер тесного и равноправного сотрудничества теперь — для разгрома фашизма и после — для обеспечения мира.

Этими достоинствами своей книги Кэрролл обязан тем, что отнёсся с необычайно высокой сознательностью к своей задаче корреспондента. Он хотел не только довести до сведения читающей публики о виденном и слышанном: он хотел иметь возможность использовать виденное и слышанное для того, чтобы ответить на основные вопросы, в частности на вопрос: «Какую политику должны Англия и Америка проводить по отношению к России во время и после войны?» Для этого он использовал знания и опыт, приобретённые в исключительно обширной журналистской деятельности. Кэрролл работал в качестве дипломатического корреспондента, участвовал во многих важных международных конференциях и с мая 1934 г. в течение четырёх с половиной лет занимал пост директора конторы Юнайтед пресс в Женеве.

К сожалению, говорится в обзоре, пережитки чемберленовской политики, в частности её советофобство, имеются ещё как в Соединённых Штатах, так и в Великобритании. 25-летняя пропаганда о существовании «советского пугала» оказала своё действие, и антисоветский психоз укоренился глубоко: гони его в дверь — он лезет в окно. Именно против опасных страхов,

колебаний и лицемерия, порождаемых этим психозом, и направлена последняя глава книги Кэрролла, и именно в этом его величайшая заслуга.

Чрезвычайно важно то, что Кэрролл разъясняет потребность, готовность и способность СССР как социалистического государства жить и работать в мире с его капиталистическими соседями.

В заключение рецензент приводит следующую выдержку из книги Кэрролла: «Политика Америки в отношении Советского Союза в будущем должна будет извлекать уроки из ошибок капиталистических стран в их прежних отношениях с СССР. Сперва они пробовали уничтожить советскую власть вооружённой силой. Эта попытка провалилась, и если бы кто-нибудь оказался настолько безумным, чтобы повторить её, то снова потерпел бы неудачу. Затем капиталистические страны безуспешно пытались игнорировать Советский Союз. Ныне такая политика ещё менее применима. После этого капиталистические державы признали Советский Союз, но третировали его как бедного родственника. Результатом такой политики и явилась новая мировая война.

Остаётся лишь один курс — политика равенства, проводимая с твёрдостью, но без снисходительности или враждебности. Это будет нелегко. Это потребует такта со стороны американских государственных деятелей, понимания и здравого смысла от американского народа. Но это единственная политика, имеющая шансы на успех и могущая обеспечить всем народам длительный мир».

CONTENTS:

TWO YEARS OF THE GREAT PATRIOTIC WAR OF THE SOVIET UNION (on the occasion of the second anniversary of the Great Patriotic War). **ARTICLES:** Morosov A., A book which points the way to victory. Petrovsky N., prof., The Ukrainian nationalists in the pay of the German invaders in 1918. Likhachev D., Russian culture in the Principality of Kiev under Yaroslav the Wise. Kruus H., prof. The national uprising against the Germans in Estonia, 1343-1345. Adamov E., prof. Supplementary material to the history of the „Drang nach Norden“ 1848—1866. **REPORTS AND PUBLICATIONS:** Yakovlev A., Corresp. Member of the Academy of Sciences of the USSR. Serfs and serfdom in the State of Muscovy during the 17th century. Sofronenko K. Bukovina under the Austro-Hungarian and Roumanian yoke. **DOCUMENTS OF THE GREAT PATRIOTIC WAR. REVIEWS AND BIBLIOGRAPHY. CURRENT EVENTS.**

SOMMAIRE:

DEUX ANNÉES DE GUERRE DE L'UNION SOVIÉTIQUE POUR LE SALUT DE LA PATRIE (à l'occasion du deuxième anniversaire de la guerre pour le salut de la Patrie), **ARTICLES:** Morosov A. Un livre qui conduit à la victoire. Pétrovski N., prof. Les nationalistes ukrainiens au service des envahisseurs allemands en 1918. Likhatchov D. La civilisation de la Russie de Kiev sous Yaroslav le Sage. Kruus H., prof. Les soulèvements populaires contre les allemands en Estonie en 1343—1345. Adamov E., prof. Contribution à l'histoire du „Drang nach Norden“ allemand (1848—1866). **COMMUNICATIONS:** Yakovlev A., membre-corresp. de l'Académie des sciences de l'URSS. Le servage et les serfs dans l'Etat moscovite au XVII-e siècle. Sofronenko K. La Bukovine sous le joug austro-hongrois et roumain. **DOCUMENTS DE LA GRANDE GUERRE POUR LE SALUT DE LA PATRIE. CRITIQUE ET BIBLIOGRAPHIE. CHRONIQUE.**

INHALT:

ZWEI JAHRE VATERLÄNDISCHER KRIEG DER SOWJET UNION (zum zweiten Jahrestag des Vaterländischen Krieges). **ARTIKEL:** Morosow A. Ein Buch, das zum Siege führt. Petrovski N., Prof. Ukrainische Nationalisten im Dienste der deutschen Okkupanten im Jahre 1918. Lichatschow D. Die Kultur des Kiever Russenreiches unter Jaroslaw dem Weisen. Kruus N., Prof. Der Volksaufstand gegen die Deutschen in Estland in den Jahren 1343—1345. Adamov E., Prof. Zur Geschichte des deutschen „Dranges nach Norden“ (1848—1866). **MITTEILUNGEN:** Jakowlew A., Korresp. Mitgl. d. Akad. d. Wissenschaften d. UdSSR, Die Leibeigenschaft und die Leibeigenen im Moskauer Staate im 17. Jahrhundert. Sofronenko K. Die Bukowina unter dem österreich-ungarischen und dem rumänischen Joch. **DOKUMENTE DES GROSSEN VATERLÄNDISCHEN KRIEGES. KRITIK UND BIBLIOGRAPHIE. CHRONIK.**

Редакционная коллегия:

Ем. Ярославский,
Б. М. Волин,
И. А. Кудрявцев,
И. И. Минц,
А. М. Панкратова,
С. И. Голнер.

Адрес редакции: Москва, ул. «Правды», 24, комн. 239. Д 3-31-04, Д 3-36-50

А1426. Изд. № 504. Заказ 1504. Тираж 20.000.
Подписано к печати 12/VIII 1943 г. 68.000 тип. зн. в печ. л.

Типография газеты «Правда» имени Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

Цена 3 руб.